

Истолкование молитвы Господней «Отче наш» словами Святых Отцов Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и Шацкий, Затворник Вышенский, святитель

Предисловие

Предисловие

Истолковывали молитву Господню – Тертуллиан (до падения), св. Киприан, св. Григорий Нисский, св. Кирилл Иерусалимский (в 5-м тайноводственном слове), св. Златоуст (в беседах на Евангелие от Матфея, и в беседе на слова: «узкие врата» и проч.), св. Кассиан в 9-м собеседовании, бл. Августин (в трактате о нагорной беседе Господа, в словах 56, 57 и 58, и в письме 130), св. Максим исповедник, бл. Феофилакт (в толковании Евангелий от Матфея и Луки), Симеон Солунский и наш новоявленный чудотворец, святитель Тихон Воронежский, Задонский (в 3т.). Все изреченное ими приводится здесь под каждым словом молитвы.

1. О молитве Господней вообще

Тертуллиан. Господь наш Иисус Христос явил Себя и духом Бога, и словом Бога, и премудростью Бога: духом, которым так всемогущественно действовал; словом, которым учил; премудростью, которую открыл пришествием Своим. И молитва из сих трех: из слова, которым изрекается; из духа, которым столь сильна; из премудрости, какая из нее исходит и воспринимается. Научал и Иоанн учеников своих молиться; но все Иоанново предустраивалось для Христа, чтобы, возрастая Ему, все дело сего предустраивателя с самым духом перешло к Господу, как сам же Иоанн предвозвестил, говоря: «Ему должно расти, а мне умиляться» (Ин.3:30). Потому и не сохранилось, какими словами научал Иоанн молиться, что земное должно уступить место небесному «Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли; Приходящий с небес есть выше всех, и что Он видел и слышал, о том и свидетельствует» (Ин.3:31–32). И что не небесно из того, изшло от Христа Господа, – как и сия молитва, или наука как молиться? Вникнем же, благословенные, в небесную Его премудрость, во-первых в заповеди о молитве втайне, которою и веры требовал Он от человека, чтобы веровал, что и око и слух Бога всемогущего присущи в самых тайных и сокровенных местах, и скромности веры от него желал, чтобы перед Тем Единым изъявлял он свои благоговейные и молитвенные чувства, в Которого вездесмотрение и вездеслышание уверовал; и потом и в следующей затем заповеди, подобной же веры и скромности требующей заповеди не многословить в молитве, чтобы мы не приступали с полчищем слов в молитве к Господу, в Которого крайней попечительности о своих Ему уверены. Такова и установленная Им молитва. Она кратка; но краткость сия даст обильную и усладительную пищу толкованию. Сколько она сжата в словах, столько же она пространна в смысле. Ибо не одно только то содержит, что должно быть изъявляемо в молитве, – благовеинство перед Богом, излияние к Нему прошений, но

объемлет все учение Господа, и на память проводить все Его уроки и наставления, так что она воистину есть сокращение всего Евангелия.

Св. Киприан Карфагенский. Евангельские заповеди – это не что иное, возлюбленнейшие братья, как божественные наставления, основания к назиданию надежды, подпоры к утверждению веры, пища для укрепления сердца, кормило для направления пути, пособие к получению спасения: наставляя послушные (вере) умы верующих на земле, они приводят к Небесному Царству. Бог благоволил многое возвестить и предложить через рабов своих – пророков: во сколько же важнее то, что говорит Сын, что собственным голосом свидетельствует Он – Слово Бога, бывшее в пророках, – не повелевая уже уготовить путь грядущему, но Сам приходя для открытия и указания нам пути, чтобы мы, блуждавшие во мраке, неосмотрительные прежде и слепые, будучи озарены светом благодати, держались пути жизни под водительством и управлением Господа! Он-то, между прочими Своими спасительными наставлениями и божественными заповедями, споспешествующими людям ко спасению, Сам дал и образец молитвы, Сам наставил и научил, о чем надлежит нам просить. Даровавший жизнь, по той благодати, по которой благоволил уделить нам прочие дары, научил нас и молиться, чтобы, обращаясь к Отцу с той просительной молитвой, которой научил нас Сын, мы были тем удобнее услышаны. Он предсказал о наступлении времени, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, и предсказанное исполнил так, что мы, принявшие Духа и истину от Его освящения, поклоняемся истинно и духовно, держась Его предания. Ибо какая молитва может быть более духовна, как не та, которая завещана нам Христом, ниспославшим нам и Духа Святого? Какое моление может быть более истинным у Отца, как не моление, исшедшее из уст Сына, Который есть Истина? Следовательно, молиться не так, как научил Он, есть не неведение только, но и преступление, тем более что сам Он как-то заметил: «вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф.15,6). Будем же, возлюбленнейшие братья,

молиться так, как научил нас Учитель-Бог. Молиться Богу по Его указанию, доходить до слуха Его молитвой Христовой – вот приятная и доступная к Нему молитва! Когда молимся, пусть Отец познает слова своего Сына. Обитающий внутри нас, в сердце, да будет и в речи. Так как Он ходатай у Отца за грехи наши, то, молясь о грехах наших, будем мы, грешники, употреблять и слова нашего Ходатая. Он говорит, что о чем бы мы ни просили Отца во имя Его, даст нам (Ин. 16, 23); поэтому не тем ли вернее получим мы просимое во имя Христово, если будем просить Христовой молитвой?

Св. Григорий Нисский. Божие слово преподает нам учение о молитве, в котором достойным ученикам Своим, тщательно ищущим ведения о молитве, излагает оно, какими молитвенными речениями надлежит преклонять к себе Божий слух. Когда великий Моисей приуготовлял Израильский народ к тайноводству на горе, тогда не прежде удостоил их Божоявления, как предписав народу закон об очищении соблюдением плотской чистоты и омовением. Да и после сего не осмелились Израильтяне видеть явление Божия могущества, но в ужас приводило их все видимое, огонь, мрак, дым, трубы; и снова обратившись к себе самим, просили законодателя стать их посредником перед божественным изволением, так как у них не было достаточной силы приблизиться к Богу и перенести Божие присутствие. А наш законодатель Господь Иисус Христос, намереваясь привести нас к божественной благодати, указывает нам словом не гору Синайскую, покрытую мраком и дымящуюся огнем, не гласы труб, звучащих что-то невнятное и страшное, и не соблюдение тридневной плотской чистоты, не водою омывающею скверны, очистив душу, и всю церковь оставив при подошве горы, одному только позволяет взойти на вершину, покрытую мраком сокрывающим в себе божественную славу; а напротив того, сперва вместо горы возводит на самое небо, соделав оное для людей удобопроходным посредством добродетели, потом соделывает не зрителями только, но и причастниками божественной силы, и приступающих к Нему вводит некоторым образом в родство с превысшим естеством, и не мраком покрывает всё превосходящую славу, чтобы

неудобозримою была для ищущих, но, озарив мрак ясным светом учения, соделал, что чистые сердцем в полной ясности созерцают неизреченную славу. Дает же и воду для окропления, не из чуждых потоков почерпаемую, но текущую в нас самих, будет ли кто разуместь под нею источники очей, или чистую совесть сердца, – узаконив не допускать никакой тины порока; да и плотскую чистоту поставляет в воздержании, не от законного только общения супругов, но и от всякого вещественного и страстного расположения; и таким образом посредством молитвы возводит к Богу. Ибо такова сила речений, из которых не какие-либо звуки, произносимые в слогах, дознаем из Божия слова, но предначертание восхождения к Богу, успешно приводимое в исполнение высокою жизнью.

Свт. Иоанн Златоуст. Дав образец молитвы ученикам, Господь внушает, что нужно говорить в молитве, научая при этом в немногих словах и всякой добродетели; ибо эти слова заключают в себе не только наставление в молитве, но и научение совершенной жизни. Исследуем же со всем тщанием смысл их, и будем хранить их твердо, как законы Божии.

Св. Максим Исповедник видит в сей молитве «богословие, усыновление в благодати, равночестность (людей) с Ангелами, причастие вечной жизни, восстановление (человеческого) естества в его первоначальном бесстрастном состоянии, ниспровержение закона греха и низложение лукавого, подчинившего нас, посредством обмана, своему тираническому владычеству».

Призывание «Отче наш, сущий на небесах»

Пространный христианский катихизис. Чтобы удобнее рассмотреть молитву Господню, можно разделить ее на: призывание, семь прошений и славословие.

"Отче"

Св. Григорий Нисский. "Кто даст мне крылья, как у голубя?» (Пс.54,7) говорит в одном месте псалмопения великий Давид. Осмелюсь и я сказать тоже слово: кто даст мне оные крылья, чтобы мог я воспарить умом на высоту величия сих речений, – и оставив землю, перейти весь разлитый в середине воздух, коснуться эфирной лепоты, достигнуть звезд, увидеть все их украшение, да и на них не остановиться, но миновать и это, стать вне сего движимого и изменяемого, объять естество постоянное, силу неподвижную, в себе самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имеет бытие, все, что зависит от неизреченной воли Божией премудрости, чтобы, став мыслью вдали от всего изменяемого и превратного, в непреложном и неуклонном состоянии души мог я сперва сродниться мыслью с Непреложным и Неизменяемым, потом призывать самым родственным наименованием и говорить: «Отче!».

Св. Киприан Карфагенский. О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благодати Господа, когда Он дозволил нам при совершении молитвы перед лицом Божиим называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос есть Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не позволил нам так молиться.

Св. Кирилл Иерусалимский. В молитве, которую передал Спаситель ученикам Своим, мы, с чистою совестью именуя Бога Отцом, говорим: «Отче наш!» Какое превеликое Божие человеколюбие! Отпадшим от Него и дошедшим до крайности во зле, даруется такое забвение всего худого, и такое причастие благодати, что они именуют Его Отцом: «Отче наш!»

Свт. Иоанн Златоуст. «Отче наш!» О, какое чрезвычайное человеколюбие! О, какая превосходная честь! Какое слово будет в состоянии воздать благодарность Подающему нам такие блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни в сродство ее, – в эту землю, пыль,

грязь, глину, пепел; потому что мы созданы из земли, и опять наконец разлагаемся в землю. Представив это, удивляйся неисследимому богатству великой благости к нам Божией; по которой заповедано тебе называть Его «Отцом», – земному – небесного, смертному – бессмертного, тленному – нетленного, временному – вечного, бывшему вчера и прежде грязью – сущего прежде век Бога.

Блаж. Августин. Во всяком прошении стараются прежде снискать благоволение того, к кому обращаются с прошением, и потом излагают самое прошение. Благоволение обыкновенно снискивается похвалою тому, кого просить намерены, и она поставляется всегда в начале прошения. В сем конечно смысле и Господь повелел нам в начале молитвы возглашать: «Отче наш!»

В писании много есть речений, которыми изъясняется хвала Богу; но не найдешь, чтобы Израилю предписано было взывать: «Отче наш!» Пророки, правда, именовали Бога отцом Израильтян, даже от лица самого Бога как: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня» (Ис.1,2), – и: «если Я Отец, то где почтение ко Мне?» (Мал.1,6), но именовали так очевидно для того, чтобы обличить их, что они не хотели быть сынами Богу, работая грехам. Сами же они обращаться к Богу, как к отцу не дерзали; ибо находились еще в состоянии рабов, хотя и предназначены были к сыновству, как говорит Апостол: «наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба» (Гал.4,1). Преимущество сие даровано новому Израилю, – христианам; им "дана власть быть чадами Божиими» (Ин.1,12) и они «приняли Духа усыновления, Которым взывают: «Авва отче!» (Рим. 8, 15).

Тертуллиан. Когда говорим: «Отче наш»; – то и молимся Богу и вместе веру изъясняем, плод которой есть такое наименование. Ибо написано: «тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин.1,12). Господь часто именовал Бога Отцом нашим; даже заповедал никого не называть на земле отцом, кроме Того, Которого имеем на небесах (Мф.23:9). Таким образом, взывая так в молитве, мы исполняем заповедь. Блаженны те, которые

познают в Боге Отца. – Имя Бога Отца не было никому возвещено прежде; и даже вопрошавший о нем Моисей, услышал иное некое имя; нам же открыто оно в Сыне. Ибо Сын уже наводит на новое имя Богу – имя Отца. Но Он и прямо говорит: «Я пришел во имя Отца» (Ин.5, 43), – и опять: «Отче! прославь имя Твое» (Ин.12, 28), – и яснее: «открыл имя Твое человекам» (Ин.17, 6).

Св. Киприан Карфагенский. Человек новый, возрожденный и восстановленный своим Богом, по Его благодати, прежде всего говорит: «Отче», потому, что соделался уже сыном Его. "К своим, – сказано, – пришел... и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин.1,11–12). Итак, кто уверовал во имя Его и соделался сыном Божиим, должен и начинать с того, чтобы принести благодарение и исповедать себя сыном Божиим, назвавши Отцом Бога.

Блаж. Августин. Взывая в начале молитвы: «Отче наш!» наименованием сим и любовь свидетельствуем: ибо что для детей сладостнее имени Отца? и уверенность в получении просимого изъявляем, когда прежде всякого прошения представляем себя получившими уже ту великую милость, чтобы именовать Бога Отцом своим. Ибо в каком уже прошении откажет сынам Своим Бог, даровав им прежде власть быть чадами Ему?

Говорите: «Отче наш», если начали вы иметь Бога отцом своим. Начинают иметь Бога отцом, когда рождаются от Него снова. Вы и рождены от Него во утробе Церкви. Помните же, что Отца имеете на небесах. Помните, что во Адаме вы рождены в смерть, от Бога же Отца возрождены в жизнь. И что говорите, почувствуйте, то в сердцах своих. Что у молящегося на сердце, по силе того приемлет его и Слышащий молитву его.

Свт. Иоанн Златоуст. «Молитесь же так», продолжал Спаситель: «Отче наш, сущий на небесах». Смотри, каким образом Он тотчас ободрил слушателя, и в самом начале вспомнил о всех благодеяниях Божиих. В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и

оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство со Единородным, и дарование Духа, так как не получивший всех этих благ не может назвать Бога Отцом. Итак, Христос двояким образом воодушевляет Своих слушателей, – и достоинством называемого, и величием благодеяний, которые они получили.

Св. Кассиан. Молитва Господня предполагает в молящемся состоянии возвышеннейшее и совершеннейшее, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и в котором ум наш, объятый и проникнутый сею любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностью, как с отцом своим. Что мы, тщательно должны стараться достигнуть сего состояния, это внушают нам слова молитвы сей. Мы говорим: «Отче наш!» Если таким образом Бога, Господа вселенной собственными устами исповедуем Отцом своим, то вместе с этим исповедуем и то, что мы из состояния рабства совершенно приведены в состояние усыновленных чад Божиих.

Св. Максим Исповедник. (Первое слово молитвы возводит к исповеданию Пресвятой Троицы). Отец обладает этим Именем не как вновь приобретенным... Если же Он – Присносущий и всегда есть и Отец, то это означает, что и Сын, и Дух Святой всегда сущностным образом сопребывают с Отцом. Они естественным образом существуют от Него и в Нем так, что превышают (всякую) причину и (всякий) разум. Стало быть, начав эту молитву, мы научаемся чтить Единосущную и Пресущную Троицу как творческую Причину нашего бытия. Одновременно мы научаемся возвещать и о благодати усыновления в нас, удостаиваясь называть Отцом по благодати своего Творца по естеству. И это для того, чтобы, испытывая благоговейный страх перед именем Родителя (нашего) по благодати, мы старались бы запечатлеть в (своей) жизни черты Родившего нас, освящая имя Его на земле, уподобляясь Ему, являя себя делами своими детьми (Его) и прославляя своими мыслями и делами Самосовершителя усыновления (нашего) – по природе Сына Отца.

Блаж. Феофилакт. Ученики Христовы соревнуют ученикам Иоанновым и желают научиться, как молиться. Спаситель не отвергает желания учеников, и научает их молитве. «Отче наш, – говорит, сущий на небесах». Примечай силу молитвы. Она тотчас возводит тебя к горнему, и, поскольку именуешь Бога Отцом, убеждает тебя всячески не терять подобия Отцу, но стараться уподобляться Ему.

Слово – «Отче» показывает тебе, каких ты удостоился благ, соделавшись сыном Божиим.

Симеон Солунский. «Отче наш!» – И потому, что Он есть Творец наш, из не сущих приведший нас в бытие, – и потому, что по благодати есть Отец нам, через Сына по естеству, соделавшегося подобным нам.

Свт. Тихон Задонский. Из слов: «Отче наш!» научаемся, что Бог есть истинный Отец христиан, и они «все сыны Божии по вере во Христа Иисуса» (Гал.3,26). Следовательно, как Отца, с упованием должно Его призывать им, как и дети плотские родителей своих призывают и руки свои к ним во всяких нуждах простирают.

"Наш"

Св. Киприан Карфагенский. Учитель мира и Наставник единства прежде всего не хотел, чтобы молитва была совершаема врозь и частно, так, чтобы молящийся молился только за себя. В самом деле мы не говорим: «Отче мой, сущий на небесах, – хлеб мой дай мне на сей день»; каждый из нас не просит об оставлении только своего долга, не молится об одном себе, чтобы только самому не быть введенному во искушение и избавиться от лукавого. У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного кого-либо, но за весь народ, потому что мы – весь народ – составляем одно. Бог – Наставник мира и согласия, поучавший единству, хотел, чтобы и один молился за всех так же, как Он один носил нас всех. Этот закон молитвы соблюдали и три отрока, брошенные в печь огненную: они были согласны в молении и единокорны в духе согласия. В этом удостоверяет Божественное Писание, которое, показывая, как они молились, дает нам пример для подражания, чтобы и нам сделаться подобными им. Сказано: «Тогда сии трое, как бы одними устами, воспели в печи, и благословили и прославили Бога» (Дан. 3,51). Они говорили как бы одними устами, хотя не Христос научил их так молиться. И потому-то речь их – молящихся – была убедительна и действительна: мирная, простая и духовная молитва была угодна Господу. По вознесении Господнем мы находим апостолов с учениками, молившихся подобным же образом. "Все они, – сказано, – единокорно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Марию, Материю Иисуса, и с братьями Его» (Деян.1,14). Они пребывали в молитве, единокорно, показывая и настоятельность своей молитвы, и взаимное согласие, потому что Бог, «вселяющий единокорных в дом» (Пс.67,7), принимает в божественный и вечный дом Свой только тех, у кого молитва единокорна. О, каковы, возлюбленнейшие братья, тайны молитвы Господней! Сколь многое и сколь великое заключено в кратком словами, но обильном духовной силой молении!

...Говорим совместно: «Отче наш», т.е. верующих, – тех, которые, будучи освящены и восстановлены благодатным духовным рождением, стали сынами Божиими.

Свт. Иоанн Златоуст. Он научает нас молиться и за всех братьев. Он не говорит: Отче мой, сущий на небесах, но – «Отче наш», и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий, и никогда не иметь в виду собственных выгод, но всегда стараться о выгодах ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и вводит любовь – мать всего доброго; уничтожает неравенство дел человеческих и показывает полное равночестие между царем и бедным, так как в делах высочайших и необходимейших мы все имеем равное участие. Действительно, какой вред от низкого родства, когда по небесному родству мы все соединены, и никто ничего не имеет более другого: ни богатый более бедного, ни господин более раба, ни начальник более подчиненного, ни царь более воина, ни философ более варвара, ни мудрый более невежды? Бог, удостоивший всех одинаково называть Себя Отцом, через это всем даровал одно благородство.

Блаж. Августин. Внушается сим, – «наш» – чтобы богатые и знатные в мире этом, став христианами, не гордились перед бедными и незнатными, так как и они тем же словом, как и те взывают к Богу: «Отче наш!» Что произносить искренно от сердца они не могут, если не сознают себя братьями их.

Блаж. Феофилакт. Ты не говоришь: Отче мой, а «Отче наш», потому что должен смотреть на всех, как на братьев, детей одного Отца.

Не сказал (Господь в молитве) отче мой, но «Отче наш», возбуждая тебя к братолюбию, и понуждая всех любить как братьев вообще.

«Сущий на небесах»

Свт. Иоанн Златоуст. Когда говорит Господь в молитве: «сущий на небесах», то этим словом не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли и поставляет его в превыспренних странах и горних жилищах.

Желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и, взлетев выше воздуха и поднявшись выше эфира, стремились к именуемому Отцу, Он заповедал говорить: «Отче наш, сущий на небесах», – не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотой небесных благ, обратить туда все наши желания.

Блаж. Феофилакт. Сказав – «на небесах», Господь не ограничивает ими Бога, но слушателя возводит к небесам и отводит от земного.

Словом – «на небесах» указал тебе Господь на твое отечество и на отеческий дом: посему, если желаешь иметь Бога Отцом, смотри на небо, а не на землю, как бессловесные.

Свт. Тихон Задонский. Говорится: «на небесах», – не как Бог на небесах заключается, но молящегося от земли отводит и к небесным обителям возводит, говорит св. Златоуст; также (и потому сказано сие слово), потому что там отечество есть избранных, и Бог в славе Своей там Себя показывает, и души святых своих увеселяет. Иначе Бог существенно на всяком месте, и на небе и на земле есть, как и Псаломник поет: «Бог наш на небе и на земле» (Пс.113, 11).

Св. Кассиан. Присовокупляем в молитве: «сущий на небесах», чтобы всячески избегая заботливых помышлений о настоящей земной жизни, как страннической и очень далеко нас от Отца нашего отдаляющей, мы крайним желанием устремлялись в ту область, в которой, как исповедуем, обитает Отец наш, и ничего не допускали такого, что, делая нас недостойными такого нашего чина и благородства такого

усыновления, лишало бы нас, как выродков, отеческого наследия и подвергало всей строгости праведного суда Божия.

Св. Григорий Нисский. Словами: «сущий на небесах» – напоминает нам, из какого отечества мы ниспали и какого благородства лишились. Повествованием о юноше, оставившем отеческий дом и предавшемся свинообразной жизни, писание, исторически описывая его удаление и распутную жизнь, показывает бедственное состояние человечества, и не прежде возвращает сего юношу в первоначальное состояние, как по восчувствовании им настоящего бедствия, когда пришел в себя и привел себе на мысль слова покаяния. А они согласны несколько со словами молитвы. Ибо там сказал юноша: «отче! я согрешил против неба и пред тобою» (Лк.15,21); но Он не упомянул бы в исповедании о грехе «против неба» если бы не был уверен, что небо его отечество, оставив которое он впал в прегрешение. Посему-то помышление о таком исповедании делает ему доступным отца, который и спешит к сыну, приветствуя его целованием. Итак, как там причиною оказанного юноше отцом человеколюбия послужило возвращение его в отеческий дом (а это есть «небо», согрешившим, против которого признает себя перед отцом); так, кажется мне, и здесь Господь, научая призывать отца, «сущего на небесах», делает тебе напоминание о благом отечестве, чтобы возбудив сильнейшее пожелание прекрасного, поставить тебя на путь, снова ведущий в отечество. Путь же, возводящий человеческое естество на небо, не иное что, как отступление и бегство от земных зол; а средством к отбежанию от сих зол не иное что, думаю, служит, как уподобление Богу; уподобиться же Богу значит сделаться праведным, святым, благим, и всем сему подобным. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты сих совершенств, то, как бы по естественному порядку, без труда, из земной жизни переселится в страну небесную; потому что не местное какое расстояние у Божества с человечеством, так что была бы нам потребность в каком-нибудь орудии или примышлении чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни не телесной и духовной. Но по разумном отлучении добродетели

от порока, от одного человеческого произволения зависит быть человеку там, куда преклонен пожеланием. Посему, так как никакого нет труда избрать доброе, а за избранием следует и приобретение того, что кем избрано: то возможно немедленно быть на небе и тебе, объявшему умом своим Бога. Если, как говорит Екклесиаст: «Бог на небе» (Еккл.5,1), а ты, по слову Пророка, "приблизился к Богу" (Пс.72,28): то по всей необходимости должно тому, кто в единении с Богом, быть там, где Бог.

Св. Кирилл Иерусалимский. Небесами могут быть и носящие в себе «образ небесного» (1Кор.15,49), которым Бог обетовал: «вселюсь в них и буду ходить в них» (2Кор. 6, 16).

Симеон Солунский. «Сущий на небесах». Ибо Бог, как написано, будучи свят, во святых почивает. Ангелы же, обитающие на небесах, святее нас, как и небо чище земли. Почему и думается, что Бог есть более на небе.

Блаж. Августин. Так новозаветный народ новый, призванный к вечному наследию, да взывает: «Отче наш, сущий на небесах», – то есть, – во святых и праведных. Бог не ограничивается каким либо местным пространством. Как ни представляется светлым небо, все оно есть вещественная местность, ограниченная. Если бы Бог обитал только в высших частях мира, то птицы были бы блаженнее нас, потому что летают ближе к Богу. Но не написано: близ Господь к поднявшимся высоко – высоко, или к живущим на горах, а: «близ Господь к сокрушенным сердцем» (Пс.33,19), что есть принадлежность смиренных и уничиженных. Как грешник назван землею, когда ему сказано: "земля ты и в землю возвратишься» (Быт.3,19), так по противоположности праведник может быть назван небом. Праведным сказано: «храм Божий свят; а этот храм – вы" (1Кор.3,17). Посему, если в храме своем обитает Бог, а святые суть храм Его; то справедливо будет – слова: «сущий на небесах» понимать так: «сущий» во святых. Такое применение тем удобнее сделать, что в духовном отношении праведные отстоят от грешных, как небо от земли. Вот и к востоку, где солнце восходит, обращаемся мы, становясь на молитву, не потому, чтобы там обитал Бог, оставя прочие части

мира: ибо Он везде есть всегда, и во всем величии своем; но чтобы тем расположить дух свой обращаться к высочайшему существу, т.е. Богу, когда тело его – земное – обращается к телу, высшему его – небесному. И со степенями духовного возраста это (слово: «на небесах») сообразнее, чтобы в молитве сердца всех, по силам своим, исполнялись достойными Бога чувствами. Для тех, которые пленяются еще видимыми красотами и не могут отрешенно помышлять о бестелесном, – так как они по необходимости предпочитают небо земле – более под силу помышление, по которому Бог верится быть более на небесах, нежели на земле, потому что они Бога ведают еще телесно. Но когда уразумеют они, что душа достоинством своим превосходит всякое даже небесное тело, тогда начнут полагать его в душе более, нежели в каком либо теле, хотя бы и небесном. Уразумев же, насколько отстоят души грешных от душ праведных, они, как прежде, когда мудрствовали плотски не дерзали полагать Бога на земле, а полагали его на небе, так теперь, лучшим просветившись ведением и высшею верою, станут полагать его и искать в душах праведных, а не грешных. И так справедливо слова: «сущий на небесах» разуметь так, как бы сказано было: сущий в сердцах праведных, как в храме своем. Произносящий сии слова в таком смысле желать должен, чтобы и в нем самом возобитал Тот, Кого он так призывает, желая же сего, держать праведную жизнь: ибо таким только образом привлекается Бог к обитанию в душе.

Уроки из сего призвания

Св. Киприан Карфагенский. Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, возлюбленнейшие братья, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас. Будем пребывать, как храм Божий, дабы видно было, что в нас обитает Бог. Да не будут действия наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будем помышлять и делать только духовное и небесное, имея в виду сказанное Богом: «ибо Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены» (1Цар.2,30) – и написанное блаженным апостолом в Послании его: «и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших» (1Кор.6, 19–20).

Св. Григорий Нисский. Произносящему – «Отче» – какая потребна душа? Сколько нужно дерзновения? Какую надобно иметь совесть, чтобы сколько возможно познав Бога и уразумев, что естество Божие есть благодать, святость, радование, сила, слава, чистота, и все что подобного сему представляется мыслью о Божием естестве, потом уже осмелиться выговаривать это слово и кое существо наименовать своим Отцом? Явно, что если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится произнести к нему слова сего и сказать: «Отче!» Ибо неестественно благому по сущности стать отцом злого по делам, святому – отцом оскверненного по жизни, отцу жизни – отцом умерщвленного грехом, чистому – отцом опозоривших себя страстями бесчестия. Если кто, видя себя имеющим еще нужду в очищении и порочную совесть свою признавая исполненною скверн, прежде очищения от таких худых свойств, включит себя в родство с Богом, и неправедный Праведному, нечистый – Чистому скажет: «Отче», то речение сие прямо будет оскорблением и злословием. Посему, когда Господь учит нас в молитве называть Бога Отцом, то не иное что, кажется мне, делает, как узаконяет возвышенный и находящийся выше всего образ жизни; потому что истина учит нас не лгать, не говорить о

себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцом своим Праведного и Благого, родство это оправдывать жизнью. Поэтому, видишь ли какая нужна нам жизнь, чтобы возыметь дерзновение сказать Богу: Отче? Ибо если ты любишь деньги, озабочен житейскою прелестью, домогаешься людской славы, служишь наиболее страстным пожеланиям, однако ж принимаешь в уста такую молитву: то что, думаешь, скажет Тот, Кто видит твою жизнь и слышит молитву? Вот какие будто слышу я самим Богом изрекаемые слова такому человеку: «и ты, растленный по жизни, называешь своим отцом Отца нетления? Для чего нечистыми устами оскверняешь чистое имя? Для чего речение это употребляешь лживо? Если ты чадо Мое, то жизнь твоя должна носить на себе черты Моих свойств. Не признаю Я в тебе образа Моего естества; черты твои противоположны. Иной отец злых в тебе свойств. Мои порождения и украшаются добрыми отеческими качествами, сын милостивого милостив, чистого – чист, нетленного – чужд растления, благого – благ, праведного – справедлив. А тебя не знаю, откуда ты». Посему, предписав в молитве говорить, что Бог – отец наш, не иное что повелевает, как благолепною жизнью уподобляться Отцу небесному; как и в другом месте яснее заповедует то же самое, говоря: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5,48). Как явны признаки уподобления Богу, так и у лукавого нрава есть свои особые признаки, – и кто их имеет, тому невозможно быть сыном Божиим. Это – зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожелание, недуг славобесия, – такими и подобными таким чертами отличается образ сопротивника. Посему если подобными сквернами очернивший душу свою будет призывать отца, то какой отец услышит его? Да будет же удалена от твоего образа такая нечистота. Божество не причастно зависти и всякой другой скверны, – и на тебя да не кладут пятна подобные страсти, – ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную красоту. Если сделаешься таким, то смело призывай Бога и Владыку всяческих именуя Отцом своим. Он воззрит на тебя отеческими очами и, облекши тебя в божественную одежду,

украшив перстнем, и ноги твои для шествия ввысь снабдив евангельскими сапогами, возвратит тебя в небесное отечество.

Свт. Иоанн Златоуст. Не напрасно научен ты произносить это слово («Отче наш!»), а для того, чтобы благоговей перед именем Отца, произносимым собственным языком твоим, ты подражал Его благодати, как и в другом месте Он говорит: будьте подобны "Отцу вашему Небесному, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5,45). Посему не может называть человеколюбивого Бога Отцом своим тот, кто имеет настроение души зверское и бесчеловечное; потому что он не имеет свойств благодати, какие есть у небесного Отца, но изменился в зверский вид и лишился божественного достоинства. Тот же, кто кроток и человеколюбив к ближним и не мстит согрешающим против него, но воздаёт за обиды благодеяниями, безукоризненно может называть Бога Отцом. И вникни в точность выражения, как Он заповедует нам взаимную любовь, и соединяет всех дружелюбным расположением. Он не повелел говорить: «Отче мой, сущий на небесах», но «Отче наш, сущий на небесах», для того, чтобы, научившись именовать общего Отца, мы оказывали братское расположение друг к другу.

Свт. Тихон Задонский. Сим воззванием: «Отче наш!» научаемся:

1) что всем христианам «един есть Отец» – Бог; следовательно, они между собою братья, как имеющие одного Отца.

2) Должны христиане, как братья духовные, любовь между собою иметь, друг за друга к Богу молиться, и как бы один голос от сердца испускать к Небесному своему Отцу: «Отче наш!» «Этим Он научает, – говорит святой Иоанн Златоуст в беседе на это слово, – общую за братию творить молитву. Ибо не говорит: «Отче мой», но говорит: «Отче наш», – за общее тело воссылать молитвы, и везде видеть не только свою пользу, но и ближнего».

3) Когда христиане – братья по Богу, то все одну честь и славу имеют. Все, говорю: господа и рабы, прославленные и

неизвестные, богатые и нищие, сановитые и простые, как братья. И потому не должны друг друга презирать, так как "все они одно во Христе Иисусе» (Гал. 3,28). «Так, – говорит святой Иоанн Златоуст, – Он неравенство от нас выводит, и показывает великое равенство царя с нищим».

4) Как старательно должны от грехов беречься, более же добрыми нравами Богу уподобляться, как сыновья своему отцу, если без зазрения совести хотят Его призывать и называть Отцом.

5) Видно из этого, что неисправный христианин, пока не исправит и не очистит себя истинным покаянием, не может Бога с пользой призывать, тем более Отцом называть и эту молитву произносить. Непременно надобно оставить грехи и плотские прихоти, покаяться, и отступить от неправды, по учению апостола: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2Тим.2,19). Ибо как может Ему сказать: «Отче наш», а сам своими нравами уподобляется скотам или дьяволу? Ибо те, которые Бога называют Отцом и молятся: «Отче наш», – должны быть сынами Божиими, а в сынах должны быть свойства, подобные отцу. Итак, должно непременно, подобно блудному сыну, прийти в себя, обратиться и возвратиться к Отцу и перед Ним со смирением признать свой грех: «Отче! я согрешил против неба и пред Тобою и уже недостойн называться сыном Твоим" (Лк.15,17–21), – и впредь не отлучаться от Отца Небесного, но Ему от чистого сердца служить, и с Его домашними, то есть с истинными христианами, иметь часть, и так с ними вместе общий испускать к Нему глас: «Отче наш!».

Собиратель (свт. Феофан Затворник). «Отче наш!». Какое сладостное воззвание! Имя Отца и тепло и отрезвляюще. У кого есть отец, тот чувствует себя состоящим под мощным крылом, совершенно обезопасенным и огражденным: чувствует также, что ему ни о чем нет нужды беспокоиться и хлопотать; все будет – и пища, и одежда, и кров, и что ему стоит только обратиться к отцу, когда чего захочет и все получит.

Такие же чувства и у того, кто сумеет сознать и восчувствовать Бога Отцом своим. Как только возродится в ком

удостоверение, что Бог есть Отец его, тотчас водворятся в сердца и те чувства, какие обычно дети имеют к отцу, и в безопасном жилище будет он себя чувствовать, и в довольстве беспопечительном, и в твердом уповании, что все ему будет, что ни попросит достойного.

Так вот в чем вся сила! Взойти до чувства, что Бог Отец наш есть. Как же это? Уяснением отношений, в какие угодно было Богу поставить себя к нам. Рассуждай о том, что есть Бог для нас, – и дойдешь.

Первое. Бог Отец наш есть и по естественному порядку. Ибо, творя человека, Он вдохнул в лице его дыхание жизни своей. Сие дыхание, – не плотское, а духовное, – не перестает оживлять всех людей, и следы того, что в нем есть божественного, неизгладимы. Таким образом мы родственны Богу по естеству. Мысль сия хоть отвлеченная, однако ж недалеко от общего чувства. И св. Павел не усомнился воспользоваться ею для вразумления афинян, не приводя только им на память слова одного их книжника: «мы Его и род», но делая из того очень внушительный вывод: «будучи родом Божиим» (Деян.17, 28–29). До такого убеждения и всякий может прийти, или скорее, восставить его в себе, и затем сказать в сердце своем: будучи родом Божиим, ты можешь и должен чувствовать себя родственным Богу и Его иметь родоначальником и общим всем Отцом.

Второе. Бог – Отец наш, по промыслительной попечительности о нас. Ибо создав, хранит, держит в деснице Своей, ведет к концу, и всяким попечением окружает, более чем отец родной. Итак, дойди до узрения и восчувствования Божией попечительности не вообще только о всех, но и о тебе самом; тогда невольно взывать будешь: «Отче наш!»

До этого же как дойти? – Размышлением. Изволь размыслить и проследить все, что сделал Бог для рода человеческого; как поместил нас в раю на блаженство, как не оставил нас в падении, а промыслил образ возвращения нам потерянного, как потом вел к принятию Восстановителя нашего, сначала всех одинаково, потом порознь – особо иудеев, и особо другие языки, – как наконец пришел сей Восстановитель и

совершил дело восстановления, как затем пошло дело усвоения сего восстановления родом нашим, как при этом Бог обращал целые народы и привлекал несчетное множество частных лиц, как обратил наш народ и блюдет в нем восстановительные силы. Если хочешь видеть более частные действия попечения Божия, проследи историю Авраама, Иосифа, Иова, Давида, Езекия и других мужей; посмотри нашу отечественную историю и славных ее мужей. Во всем этом не можешь не увидеть, что Бог много думает и много печется о нас. Не Отец ли же Он есть рода нашего?

Затем переходи размышлением к себе самому и проследи все, что было с тобою. Увидишь многократные избавления Божии от бед и падений, а во всей жизни особое благодетельное направление ее десницею Божиею. Сокровенных Божиих благодеяний гораздо более, нежели явных. Сокровенны они потому, что невидимы бывают в то время, когда даются и усматриваются после, – и это до осязательной очевидности. Такое уразумение и узрение Божия попечения, не виденного в свое время и усмотренного после, дает убеждение, что и в настоящее время Бог попечительно устрояет наше бытствование и благобытие, хотя мы определительно указать того не можем. Отсюда нельзя не вынести убеждения, что око Божие благопопечительно обращено на нас, и десница Его держит, покрывает и руководит нас, и по благому пути направляет течение жизни нашей. Когда восчувствуется сие, тогда сердце само неудержимо изречет: «Отче наш!»

Третье. Бог Отец наш есть в силу духовного возрождения. В сем отношении дивиться надо, как у нас христиан мало или совсем нет чувства, что Бог Отец наш. У христиан это чувство должно быть само собою в сердце, без особого напряжения к производству его. Ибо они рождены от Бога. Св. Евангелист Иоанн пишет: «тем, которые приняли Его», – Бога Слово, через воплощение пришедшего в своя, – «верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин.1,12–13). Когда родились? Когда, по уверовании,

крестились. Ибо в крещении рождаются водою и духом. И кто не родится таким образом, тот не может вступить в область чадства Богу, открытую воплотившимся Сыном Божиим. Будучи таким образом Божиим порождением в духе, мы должны бы и чувствовать сие духом, и в духе иметь Бога Отцом своим, – не размышлением до того доходя, а непосредственно то чувствуя.

От чего же слабо это чувство, или его и совсем нет? От того надо полагать, что то состояние, в которое поставляет нас рождение от Бога или совсем испарилось и прошло, или ослабело. Нет сего состояния? Нет и чувства чадства Богу и отчества Божия.

Следовательно, за чем дело? Надо восстановить в силе состояние возрождения; тогда и чувство отчества Божия восстановится. Как же это?

Тут одного размышления недостаточно. Размышление о том, чем должно бы нам быть вследствие рождения от Бога, и о том, как все это совершилось, может быть только введением к тому. Начни разбирать, чем бы должен ты быть по рождению духовному, и сличи с тем, что ты есть на деле. Увидишь большое несогласие одного с другим, которое ложится на тебе большим укором перед совестью твоею христианскою, перед Богом и Ангелами Его. Укор влечет осуждение; за осуждением следует наказание. Углуби эти мысли, – истинное, непреложное дело показывающие, – и встрепенешься. Встрепенувшись, озаботишься, как бы избежать ожидаемого взыскания. Отсюда придет покаяние и решение держать далее себя достойно рождения от Бога. В таинстве покаяния возвращается благодать возрождения, или возочищается ее действие на сердце. Надо бы тут тотчас родиться и чувству отчества Божия. Оно и бывает у всех истинно кающихся. Помилование получив, или ощутив, не могут они не чувствовать отческих объятий, как в притче о блудном. Но потом это чувство проходит. Предлежит труд в доме отца, то рабский, то наемнический. Кто постоянством в труде пройдет сии степени, тот вступит наконец в чин сына. Тогда и чувство отчества Божия поселяется в глубине сердца его, и пребывает уже в нем неотходно.

Семь прошений

Свт. Иоанн Златоуст. Упомянувши об этом благородстве (через сыноположение), о высшем даре, о единстве чести и о любви между братьями, отвлекши слушателей от земли и поставивши их на небесах, – посмотрим, о чем, наконец, повелевает Иисус молиться. Конечно, и наименование Бога Отцом заключает в Себе достаточное учение о всякой добродетели: кто Бога назвал Отцом, и Отцом общим, тот необходимо должен так жить, чтобы не оказаться недостойным этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако, Спаситель этим наименованием не удовлетворился, но присовокупил и другие изречения.

Св. Григорий Нисский. Закон, «имея тень будущих благ» (Евр.10:1), и некими прообразовательными гаданиями провозвещающий истину, когда во святилище вводит священника для принесения молитвы Богу, сперва очистительными некими жертвами и окроплениями очищает входящего, потом, украсив священнической одеждой, благолепно испещренной золотом, багрянцей и красками других цветов, возложив на него наперсник и увясло, прицепив к краям одежды звонки с пуговицами, а на раменах застегнув верхнюю одежду и голову прикрасив диадемой, обильно излив миро на волосы, вводит его наконец в святилище совершать таинственные священнодействия.

Духовный же законоположник – Господь наш Иисус Христос, обнажая закон от телесных покрывал и приводя в ясность гадательный смысл прообразов, во-первых, не одного только избирает из целого народа, вводит в собеседование с Богом, но всякому равно дарует достоинство, предложив желающим общую благодать священства, а потом незаимствованным убранством, найденным в какой-либо краске и ткацком ухищрении, придает искусственную красоту священнику, но возлагает свойственное и сродное ему украшение вместо разнообразно испещренной одежды, делая цветоносным приятностями добродетелей; и грудь украшает не земным

золотом, но непорочной и чистой совестью придавая красоту сердцу. К увяслу же этому приносивляет и блеск драгоценных камней, а это, по мнению апостола, соответствует светлости святых заповедей. Да и надрагами обезопасивает ту часть, которой украшением служит такой вид одеяния; конечно же не знаешь, что украшение такой части – покров целомудрия. Привесил к «рясам» жизни духовные «звонки», и «пуговицы», и «цветы» (Исх.28:34), а под ними иной справедливо может разуметь видимое в добродетельной жизни, чтобы прохождение этой жизни сделалось славным, а поэтому рясам этим вместо звонка придал благозвучное слово веры, а вместо пуговицы – сокровенную готовность к надежде на будущее, прикрытую суровой жизнью, и вместо цветов – доброцветную красоту рая; таким вводит его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное и нерукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если действительно она непроницаема для порока и недоступна лукавым помыслам. Главу украшает небесным мудрованием, не изображение букв начертан на золотой дощечке, но самого Бога изобразив во владычественном рассудке. А на волосы разливает миро, душой внутри себя самой составленное из добродетелей, и готовит его к принесению Богу в таинственном священнодействии, в благоухание и жертву не чего-либо иного, но себя самого. Так возведенный Господом в священство, умертвив плотское мудрование мечом духовным, «который есть Слово Божие» (Еф.6:17), потом, пребывая во святилище, умиловивляет Бога, таковой жертвой посвятив себя самого и представив тело свое «в жертву живую, святую, благоугодную Богу» (Рим.12:1).

Как надлежит приготовить себя посвящаемому, достаточно показано это словом в исследованном до этого, остается же рассмотреть само прошение, какое пребывающему внутри святилища Господь повелел возносить к Богу.

1-е прошение «Да святится имя Твое».

Св. Григорий Нисский. Мне кажется, что излагающий просто слова молитвы по первому взгляду не доставляет нам удобопонятного смысла. Сказано: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое». Как относится это к моей потребности? – скажет иной человек, или покаянием наказывая себя за грехи, или, чтобы бежать от преобладающего греха, призывая на помощь Бога, потому что всегда перед очами у него поборающий искушениями. Здесь раздражительность выводит рассудок из упорядоченного состояния; там пожелания неуместного ослабляют силу души; в другой раз наводят слепоту на зоркость сердца любостыжательность, кичливость, гордыня, ненависть и остальная толпа противоборствующего нам, подобно какому-то полчищу вокруг обступивших врагов, при самой крайности ввергают душу в опасность. После этого старающемся при благом содействии избавиться от этих зол, какие всего удобнее употребить слова? Не те ли, которые употребил великий Давид, сказав: «Да избавлюсь от ненавидящих меня» (Пс.68:15), и еще: «Да обратятся назад... умышляющие мне зло» (Пс.34:4), и еще: "Поддай нам помощь от скорби» (Пс.59:13), – и другие этому подобные, которыми можно восставить Божие против врагов содействие? Теперь же что говорит закон молитвы? «Да святится имя Твое». Если и не будет это мною сказано, неужели возможно имени Божию не быть святым?! «Да придет Царствие Твое». Что же изъято из под власти Бога, Который, как говорит Исаия, объемлет дланью все небо, горстью всю землю, рукой содержит влажное естество, в объятиях носит всю тварь и этого мира, и премирную (Ис.40:12). Поэтому если имя Божие всегда свято, ничто не избегло державы владычества Божия, но всеми обладает, в святыне не требует прибавлений, во всем нескудный и совершенный – что выражает молитва словами: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое»?

Св. Киприан отвечает так: «мы говорим, «да святится имя Твое», – не в том смысле, будто мы желаем Богу, да святится

Он молитвами нашими; но мы просим у Него, чтобы имя Его свяtilось в нас. Ибо от кого же освятитса Бог, Который сам всех освящает?»

Тертуллиан прибавляет: «так молились мы не для того, чтобы людям прилично было благожелательствовать Богу, как бы было еще нечто, чего можно пожелать Ему, и в чем Он будет недостаточествовать, если мы не поблагожелательствуем Ему того. Но так как нам подобает благословлять Бога (Пс.102, 22) на всяком месте и во всякое время, всегда памятуя великие Его к нам благодеяния, то это слово («да святится имя Твое») стоит здесь вместо благословения (т.е. вместо «да благословляется»). – К тому же, когда не свято и когда не свяtimo имя Бога само по себе, когда Он из себя освящает всех? Но так как обстоющей Его сонм Ангелов непрестанно взывает: «свят, свят, свят» (Ис.6,3. Апок.4,8); то и мы, кандидаты на Ангельский чин, отселе еще научаемся такой же воссылать к Богу небесный глас, здесь еще приучаясь к будущему торжествованию. Итак, первая здесь мысль – мысль о славе Божией.

Свт. Иоанн Златоуст. «Да святится имя Твое», говорит Он. Ничего не просить прежде славы Отца небесного, но все почитать ниже хвалы Его – вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцом! ...Бог имеет собственную славу, исполненную всякого величия и никогда неизменяемую. ...Ею созерцают и серафимы, славя Бога, так взывают: «свят, свят, свят» (Ис.6,3).

Он же. Пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами: «да святится имя Твое». Он – свят и всесвят и святее всех святых. И Серафимы приносят Ему такое песнопение, непрестанно взывая: «свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его» (Ис.6,3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что имеют; так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: «да святится имя Твое», но прославляем находящуюся у Него; ибо «да святится» здесь сказано вместо «да прославится».

Св. Кассиан. Достигши столь высокой степени сынов Божиих, мы не можем не гореть свойственною добрым деяниям любовью, которая заставит нас во всем искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Посему и говорим: «да святится имя Твое», чем свидетельствуем, что наше упование, наша радость – есть слава нашего Отца, последуя Тому, Кто сказал: «Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин.7,18).

Свт. Тихон Задонский. «Да святится имя», то есть да славится имя Твое, говорит святой Иоанн Златоуст. Это значит, чтобы мы ничего иного не искали, как только славы Божией. Достойна молитва того, говорит Златоуст, который Бога Отцом называет, ничего не просить прежде славы Божией, но всему предпочитать хвалу Ему. Имя Божие свято и славно и без нашего прославления, но мы должны стараться, чтобы и в нас оно славилось.

Собиратель (свт. Феофан Затворник). Вторая мысль в слове «да святится» есть – да благоговейно читается. Ибо что свято, то окружаем мы всяким почтением, перед тем всегда благоговеинствуем, к тому относимся с должным страхом. «Да святится имя Твое» будет тоже что: страх Твой всади в сердца нас, воспевающих Тебя! – И пристойно сему прошению стоять на первом месте: ибо благоговейный страх Божий есть источник духовной мудрости и богоугодной жизни. Кто его имеет, тот имеет и руководителя, и возбудителя и подкрепителя. Пока он есть, душа бывает полна несокрушимою силою против всякого греха и на всякое добро. Поскольку таким образом он есть первое в духовной жизни о нем и первая молитва.

Блаж. Августин. Сказано, кто – Тот, к Кому обращаемся с молением и где Он обитает. (Это в словах: «Отче наш, сущий на небесах»). Теперь посмотрим, о чем надлежит молить Его. Первое из всего, что испрашивается есть: «да святится имя Твое». О сем просим не в том смысле, будто бы имя Божие не было свято, но в том, да имеется оно святым у людей; т.е. так да ведом им будет Бог, чтобы они не почитали что-либо другое более святым и что оскорбить более боялись бы они, чем-либо имя Его. Подобно сему, когда сказано: «Ведом в Иудее Бог; у

Израиля велико имя Его» (Пс.75:2), то это должно не так понимать, как бы в одном месте Бог был менее велик, а в другом более; но там велико имя Его, где оно именуется по великости величия своего. Таким образом, там именуется имя Божие, как святыня, где именуется с благоговением и страхом оскорбить Его.

Чего ради просишь, – да святится имя Божие? – Оно свято. Что же и просить, да будет свято то, что уже свято есть? – К тому же когда просишь, да святится имя Его, не о Нем ли Его просишь, а не о себе? – Но уразумей (как должно смысл слова, и увидишь), что о себе просишь. Ибо того просишь, чтобы то, что само в себе всегда свято, святилось в тебе. Что значит «да святится»? Святым да имеется, да не презирается. Видишь ли теперь, что себе добра желаешь, когда сего желаешь. Ибо для тебя пагубно, когда презришь имя Божие, а не для Бога.

Когда говорим: «Да святится имя Твое», то самих себя убеждаем желать и искать, чтобы имя Его, которое всегда в себе свято есть, святым имелось у людей, т.е. не было презираемо; что не для Бога потребно, а для людей спасительно.

Собиратель (свт. Феофан Затворник). К сим двум мыслям, как дополнение и приложение, можно прибавить следующие две.

Первая. Прославляется и благовейно читается имя Божие, когда познаны бывают неизреченное всесовершенство Божие, и величие Его с неподкупною правдою и судом, превосходящие меру постижения нашего. До познания сего можно доходить и собственным размышлением при руководстве божественного откровения. И смиренный Богомысленник не может не заключать своего богомыслия – или славословием Богу, предивному в совершенствах своих, или падением перед Ним в страхе и трепете, при представлении Его величия необъятного и Его страшной правды и судов неподкупных. Но такие проявления славословия и благоговейства, происходя от меры постижения Божиих свойств и величия, и сами не восходят выше сей меры, и далеко бывают от меры Божией. К тому же они проявляются вследствие натиска от ума на сердце, почему

бывают поверхностны. Настоящее же словословие и благоговеинство быют ключом из сердца, заставляя ум только изумляться. Сие производится действием благодати Божией. Она дает чувству вкусить сколь благ и велик Господь, и за сердцем вводит в созерцание сего ум. И бывает тогда истинное славословие и благоговеинство в глубине души. Бывает и то, что у них однажды водрузившись, оно не отходит от них никогда, И вот о сем то благодатном воздействии и гласят слова молитвы: «да святится имя Твое». Даруй Господи, благодатью Твоей сердцу нашему вкусить, сколь благ Ты, дивен и велик, и уму нашему войти в созерцание сего, чтобы наши славословие, благоговеинство, хоть немного, подходили в меру Твою и водворившись внутрь нас, никогда не отходили от нас! – Не потому ли и повелел Господь говорить: «да святится», а не: да святим мы, что благодатные славословие и страх Божий, когда приходят, действуют сами собою, оставляя дух наш быть только сознатеlem происходящего и вкушателем того.

Вторая. Да прославляется и да благовейно читается имя Твое всеми людьми. Молящиеся об этом конечно сами славословят Бога и благоговеинствуют перед Ним, сознав долг свой к тому. Дети естественно и чтут и славят отца. Но самая любовь к отцу не даст им довольствоваться славою и почитанием отца только в своем кругу; они желают и ищут, чтобы отец их всеми был славим и почитаем. Так и в отношении к Богу, именующие его Отцом своим не могут довольствоваться только своим Его прославлением и чествованием; но желают, чтобы и все люди славили Его и благоговеинствовали перед Ним. Так как это не может иначе исполниться, как распространением истинного познания о Боге, через распространение божественного откровения; то в желании, чтобы все славили и почитали Бога – Отца нашего, естественно выражается желание и того, чтобы распространялось благовестие о Боге и всеми было познано имя Его. Ибо Бог наш таков, что только познай Его, и уже не можешь не славословить Его и не благоговеинствовать перед Ним. Блаж. Августин, выразив мысль, что в слове «да святится» содержится моление о том, да благовейно почитается имя Божие, приложил: «и сие-то совершает ныне

Евангелие, возвещаемое всем народам!» – Св. Кассиан после приведенных выше слов о желании славы Отцу небесному от лица детей, движимых любовью к Нему, присовокупляет: «сосуд избранный, будучи исполнен сими чувствованиями, желает «отлучен быт ь от Христа» (Рим.9,3), чтобы только приобрести Ему многочисленное семейство, и присовокупить к славе Отца своего спасение всего Израиля». – Тертуллиан ту же мысль выражает: «молимся, да святится имя Божие не в нас только, которые уже присвоились Ему, но и в прочих людях, которых еще ожидает Божия благодать. Мы повинемся заповеди, повелевающей нам молиться за всех, и даже за врагов наших (Мф.5,44). Не говоря: да святится имя Божие только в нас, мы тем самым говорим: да святится оно и во всех». Таким образом молясь: «да святится...», молимся да распространится во всем роде человеческом истинное Боговедение, чтобы из всех людей составилось одно семейство Божие, Бога именующих Отцом своим, славящих Его и благоговейно чтущих.

Есть еще третья мысль, – в слове: «да святится...», – которую можно признать и дополнительной, как две предложенные перед этим, и принимать, как прямую мысль молитвы именно: да прославляется Бог жизнью нашею. Сию преимущественно мысль внушают все святые отцы.

Св. Кассиан. Слова: «да святится имя Твое» – справедливо могут давать и ту мысль, что священие Бога есть совершенство. Посему говоря ему: «да святится имя Твое», мы говорим как бы следующее: «Отче» сделай нас такими, чтобы мы могли разуметь величие Твоей святости, или удостоиться приятия оной, или лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей». А это только тогда исполняется действительно, когда люди «видят... добрые дела наши, и прославляют Отца нашего Небесного» (Мф.5, 16).

Св. Киприан Карфагенский. Так как Бог сказал: «будьте святые, потому что Я свят» (1Петр.1,16), то мы просим и молим, чтобы, освященные в крещении, мы и пребыли такими, какими быть начали. И об этом молимся ежедневно, потому что имеем нужду в ежедневном освящении, чтобы ежедневные грехи наши очищать непрестанным освящением. Каково же освящение,

даруемое нам Богом по Его благодати, – это поясняет апостол, говоря: «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор.6:9–11). Он называет нас освятившимися именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего; и мы молимся, да пребудет в нас такое освящение. А так как Господь и Судия Наш исцеленному от Него и оживотворенному с угрозой заповедал не грешить более, чтобы ему не было хуже (Ин.5,14), то мы непрестанной молитвой умоляем, днем и ночью просим, чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением.

Св. Григорий Нисский. Писание под видом молитвы не учит ли, может быть, чему-либо такому: природа человеческая для приобретения чего-либо доброго немощна, и потому о каком бы добре ни заботились, не достигали бы мы его, если бы не совершало это в нас Божие содействие. А главное для меня из всех благ – то, чтобы жизнью моей прославлялось имя Божие.

Вразумительнее же сделается для нас этот смысл через предположение противного. Слышу, что Священное Писание осуждает где-то тех, которые делаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: горе тем, из-за которых «имя Мое хулится у язычников» (Ис.52:5). А это значит: не уверовавшие еще слову истины взирают на жизнь принявших веру в таинство, а поэтому, когда иные носят на себе имя веры, а жизнь их противоречит имени или идолослужительствуя любостыжательностью, или бесчинствуя в пьянстве и на пиршествах, или наподобие свиней валяясь в тине распутства; тогда у неверных тотчас готов отзыв, осуждающий не произвол худо пользующихся жизнью, но таинство, как будто оно учит поступать таким образом, и будто бы такой-то человек, посвященный в божественные таинства, не сделался бы или злоречивым, или любостыжательным, или хищником, или подверженным иному какому пороку, если бы грешить не было для них законно. Поэтому-то Писание

обращается к таковым со строгой угрозой, говоря: горе тем, из-за которых «имя Мое хулится у язычников».

Если это понятно нам, то благовременно будет обратить внимание на то, что говорится с противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежит молиться и главным предметом молитвы поставлять то, чтобы жизнью моей имя Божие не хулилось, но прославлялось, и чтобы святилась вера в таинство. Поэтому во мне, говорит молящийся, да святится призываемое мною имя Твоего владычества, да видят человеки «добрые дела и прославят Отца... Небесного» (Мф.5:16). А кто столько звероподобен и неразумен, что, в верующих в Бога видя жизнь чистую, преуспевающую в добродетели, свободную от всех скверн греха, чуждую всякого подозрения в худом, сияющую целомудрием, достойную уважения за благоразумие, мужественно отражающую приражения страстей, нимало не расслабляемую телесным сладострастием, всего более удаляющуюся от забав, неги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейским, сколько это необходимо, только концами пальцев ног касающуюся земли, во время пребывания на земле не утопающую в наслаждениях удовольствиями сей земной жизни, но стоящую выше всякого чувственного обольщения и в жизни плотской соревнующую жизни бесплотных, признающую единственным богатством приобретение добродетели, единственным благородством – усвоение себя Богу, единственным достоинством и единственным владычеством – обладание самим собой и нераболепство человеческим страстям, обременяющуюся продолжительностью жизни в вещественном веке и, подобно бедствующим на море, поспешающую в пристань встретить там успокоение, – кто, видя все этому подобное, не прославит имени, призываемого такой жизнью?!

Поэтому, кто говорит в молитве: «Да святится имя Твое», – по мне тот по силе произносимых им слов молится о следующем: «При содействии Твоей помощи да сделаюсь неукоризненным, справедливым, благочестивым, буду воздерживаться от всякого лукавого дела, говорить истину, делать правду, ходить по правоте, отличаться целомудрием,

украшаться нерастлением, мудрствовать о небесном, презирать земное, просиявать ангельским житием». Это и подобное ему содержит в себе это краткое прошение, в молитве взывающее Богу: «Да святится имя Твое». Ибо не иначе возможно Богу прославляться в человеке, как разве когда добродетель его свидетельствует, что причина благ в Божием могуществе.

Св. Кирилл Иерусалимский. «Да святится имя Твое». Имя Божие по естеству свято, хотя говорим, или не говорим сие. Но поскольку иногда бывает оно в согрешающих и поругано, по сказанному: «из-за вас всегда имя Мое хулится у язычников» (Ис.52, 5); то молимся, чтобы в нас свяtilось имя Божие; не потому, что Он из не святого делается святым, но потому, что в нас оно бывает свято, когда мы освящены и делаем достойное святыни.

Свт. Иоанн Златоуст. Итак, «да святится» значит – да прославится. Сподоби нас, – как бы так учит нас молиться Спаситель, так чисто жить, чтобы через нас все Тебя славили. Перед всеми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый из видящих ее возносил хвалу Владыке, – это есть признак совершенной мудрости.

Св. Максим Исповедник. Освятим мы имя небесного Отца своего по благодати, когда умерщвляем привязанную к материи похоть и очищаемся от тлетворных страстей. Ибо освящение есть полнейшая неподвижность и умерщвление чувственной похоти. Находясь в таком состоянии, мы унимаем непристойный вой ярости, не имея более похоти, возбуждающей ее, а также подстрекающей ее воевать из-за своих наслаждений. А поэтому похоть, благодаря сообразной с разумом святости, умерщвляется в нас. Ведь ярость, по природе (своей), неся в себе возмездие за похоть, обыкновенно перестает неистовствовать, когда видит похоть умерщвленной.

Блаж. Феофилакт. «Да святится имя Твое». То есть сделай нас святыми, дабы посредством нас прославлялось имя Твое. Ибо как моими худыми делами Бог хулится, так моими добрыми делами святится, т.е. прославляется как святой.

«Да святится», – вместо да прославится, т.е. устрой нашу жизнь так, чтобы она была во славу Твою. Ибо как злыми

хулился имя Божие, так ведущими добрую жизнь прославляется.

Симеон Солунский. «Да святится имя Твое». Так как Ты свят, то освяти имя Твое и в нас, чтобы соделавшись собственниками Тебе, мы святили имя Твое, и чтобы оно будучи проповедуемо нами, как святое, и славимо было через нас, а не хулилось из-за нас.

Свт. Тихон Задонский. Имя Божие прославляется, когда слово Его чисто проповедуется, и мы по слову Его жизнь нашу исправляем, как говорит Христос: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5,16). Этому сами, без Божией благодати, делать не можем. Потому просим Небесного Отца, чтобы Он это милостиво нам подал. Отсюда видна немощь наша, то, что мы без Бога никакого добра не можем творить, как говорит Христос: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин.15,5). Если просим, дабы святилось и славилось имя Божие, то не должно нам искать славы от добрых дел своему имени. Кто учит или живет иначе, чем слово Божие учит, тот имени Божьего не прославляет. Поэтому, чтобы Сам Бог не допустил нас до этого, молимся Ему: «да святится имя Твое».

2-е прошение «Да придет царствие Твое».

Собиратель (свт. Феофан Затворник). Царствие сие прямо есть будущее царство небесное, которое откроется по конце мира и страшном суде Божиим. Но чтобы искренно желать пришествия сего царствия, надо быть уверенным, что мы будем удостоены его вместе с теми, к которым речено будет: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). Достойным же сего бывает тот, в ком в сей еще жизни пресечено царство греха, страстей и диавола. Пресечение этого царства совершается действием благодати по вере в Господа Спасителя. Уверовавший предаёт себя Господу, обещая Ему жить свято и непорочно. За это в таинстве крещения подается благодать Св. Духа, возрождающая его к новой жизни; с этой минуты уже не грех царствует в нем, а благодать, научая всякому добру и укрепляя на совершение его. Это есть царство благодати, о котором сказал Господь: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк.17:21). Будущее царство есть царство славы, а это – духовное есть царство благодати. Молитва совместно объемлет то и другое царство. Иначе желающий скорейшего пришествия будущего царствия, не сделавшись сыном царства благодати, будет желать; чтобы скорее пришел конец мира, и страшный суд, на котором неизбежно он окажется на стороне тех, которые услышат: «отойдите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф.25:41). Св. Отцы и учителя берут во внимание также совместно оба царства; но иногда и одно какое, – более последнее.

Тертуллиан. Царство, испрашиваемое нами у Отца небесного есть будущее царство по кончине мира. Мы молим Его о скорейшем пришествии сего царства, чтобы нам скорее вступить в него и не быть надолго задержанными в рабстве, порываясь «войти в покой оный» (Евр.4,11). В Апокалипсисе души под алтарем вопиют к Господу: «доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откр.6:10) – Итак, мы молимся: скорее, Господи, «да

придет царствие Твое» – сие желание христиан, смятение язычников, торжество Ангелов, ради которого страждем и которого неудержимо желаем.

Св. Киприан Карфагенский. Мы просим о пришествии к нам Царства Божия в таком же смысле, в каком молим Бога, чтобы святилось в нас Его имя. Ибо когда же Бог не царствует или когда положить начало Его Царства, которое всегда было при Нем и не перестает быть? Мы просим, да придет наше Царство, обещанное нам Богом, приобретенное кровью и страданием Христовым; просим, чтобы нам, послужившим в этом веке, царствовать потом с Владыкой Христом, как и Сам Он обещает это, говоря: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). ...И мы правильно испрашиваем Царства Божия, т.е. Царства Небесного; ибо есть и царство земное. Но кто отрекся уже от мира, тот выше мирских почестей и царства. Таким образом, посвящающий себя Богу и Христу желает не земного, но Небесного Царства. А при этом необходима непрестанная молитва и моление, да не отпадем от Небесного Царства так, как отпали иудеи, которым оно было обещано прежде. Господь ясно говорит: «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф.8,11–12). Он показывает, что иудеи были прежде сынами Царства, доколе не переставали быть сынами Божиими; потом же с упразднением у них имени Отеческого упразднилось и Царство. Потому-то мы, христиане, которые стали называть в молитве Бога Отцом, просим, да придет к нам Царство Божие.

Св. Григорий Нисский. В последующих словах заключается молитва о том, чтобы пришло Царство Божие. Неужели теперь только желательно, чтобы сделался царем Царь Вселенной, всегда Тот же, каков Он есть, для всякого изменения непреложный. Кому невозможно и найти что-либо лучше, во что мог бы измениться? Поэтому что же значит молитва, призывающая Царствие Божие? Но истинное об этом понятие ведомо тем, кому Дух истины открывает сокровенные тайны, а

мы имеем такое разумение этого изречения: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствует и царствует во Вселенной не насилием каким-то, не самоуправным властительством, не страхом, не принуждениями приводящая в подчинение, что покорно ей, потому что добродетели надлежит быть свободной от всякого страха, не по жестокому над собой владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе, а главное во всяком добре – состоять под животворной властью. Поэтому, так как природа человеческая в суждении о добре обманом введена в заблуждение, то в произволении нашем произошла склонность к противоположному, жизнь человеческая обладает всем худым, потому что смерть тысячами путей вмешалась в природу; всякий вид греха делается как бы путем к нам смерти. Поэтому, так как под таким самоуправством мы являемся как бы некими исполнителями казней или врагами, приражениями страстей поработанными смерти, то хорошо молимся, чтобы пришло к нам Царствие Божие. Ибо невозможно иначе свергнуть с себя лукавое владычество тления, пока не воспримет над нами снова владычества животворящая сила.

Поэтому если просим, чтобы пришло к нам Царство Божие, то в действительности умоляем Бога о следующем: “Да избавлюсь я от тления, да освобожусь от смерти, да буду разрешен от уз греха, да не царствует более надо мной смерть, да не будет более действительным над нами самоуправство порока, да не обладает мной враг, да не водит меня пленником, поработывая грехом; но да «придет» на меня «Царствие Твое», чтобы отступили от меня или, лучше сказать, обратились в ничто преобладающие и царствующие ныне страсти. “Как исчезает дым, да исчезнут; как тает воск от огня, так... да погибнут» (Пс.67:3). И дым, разлившись в воздухе не оставляет по себе никакого признака собственного своего естества, и воска, пребывающего в огне, уже не найдешь. Но воск, напитав собой пламя, претворился в пар и в воздух; и дым пришел в совершенное уничтожение. Так, когда придет на нас Царствие Божие, тогда все обладающее нами теперь обратится в ничто, потому что тьма не терпит присутствия света, не остается

болезни по возвращении здоровья, не действуют и страсти при появлении бесстрастия, бездейственна смерть, исчезает тление, когда воцаряется в нас жизнь и начинает преобладать нетление.

«Да придет Царствие Твое». Какое сладостное изречение! Им ясно приносим Богу следующее моление: «Да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменников, да прекратится борьба плоти с духом, да не служит тело прибежищем неприятелю души, да явятся на мне царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющих, тьма помогающих с правой руки, чтобы с противной стороны пала тьма враждующих». Сопротивник силен, но страшен и непреоборим для лишенных Твоей помощи, пока побораемый им один. А как скоро откроется Твое Царствие, «печаль и воздыхание удалятся» (Ис.35:10), на место же их входят жизнь, и мир, и радование.

Св. Кирилл Иерусалимский. Чистой душе свойственно с дерзновением говорить: «да придет царствие Твое». Ибо кто послушал Павла, сказавшего: «да не царствует грех в смертном вашем теле» (Рим.6,12), и очистил себя делом, и мыслью, и словом, тот скажет Богу: «да придет царствие Твое».

Св. Кассиан. Вторым прошением ум, достигший высшей степени чистоты, умоляет о том, «да придет», как можно скорее, «Царствие» Отца его, понимая под этим то всегдашнее царствование Христа во святых, которое наступает тогда, когда, по истреблении из сердец наших смрадных пороков, власть дьявола прекращается и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать, когда, вместо побежденной плотской похоти, воцаряется в уме нашем чистота, вместо подавленного гнева, спокойствие, вместо попранной гордости – смирение, или то Царство, которое в predeterminedенное время обещано всем вообще достигшим совершенства и сделавшимся сынами Божиими, когда Христос скажет им: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). К сему-то Царствию бывают устремлены и как бы пригвождены взоры, желания и ожидания чистой души, когда она взывает к

Богу: «да придет Царствие Твое!» Ибо она твердо уверена свидетельством своей совести, что тотчас наследует это Царство, как скоро оно откроется. Напротив, никто из беззаконников не осмелится желать сего; ибо тот, конечно, не захочет и видеть Престола Судии, кто знает, что в день Пришествия Его получит он за дела свои не венец и награду, а наказание.

Свт. Иоанн Златоуст. «Да придет царствие Твое». И эти слова приличны доброму сыну, который не привязывается к видимому, и не почитает настоящих благ чем-либо великим, но стремится к Отцу и желает будущих благ. Такая молитва происходит от доброй совести и души, свободной от всего земного. Этого и Павел желал каждодневно, почему и говорил: ««и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим.8,23). Кто имеет такую любовь, тот не может ни возгордиться среди благ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, как живущий на небе, свободен от той и другой крайности.

Научены мы говорить в молитве: «да придет царствие Твое»; потому что, претерпевая насилие от плотских страстей и подвергаясь бесчисленным искушениям, мы имеем нужду в царствии Божию, «да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности» для Бога веков (Рим.6,12–13). Притом мы научаемся не слишком прилепляться к настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущего, как постоянного, и искать царства небесного и вечного, а здешними приятностями не увлекаться, ни благообразием телесным, ни обилием богатства, ни множеством стяжаний, ни драгоценностью камней, ни великолепием домов, ни званиями градоправителей и военачальников, ни багряницею и короною, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чем-либо другим из предметов, услаждающих наши чувства, но отказавшись от всего этого, непрестанно искать царствия Божия.

Блаж. Августин. «Да придет царствие Твое». Кому это говорим мы? – Бог всегда есть Царь. Он всегда Облечен царственной властью, когда Ему служит всяческая тварь. О каком же царстве молимся? О том, которое откроется в конце мира, и о котором написано в Евангелии: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). Вот о каком царстве помышляем, когда говорим: «Да придет царствие Твое». Но если не будем просить, неужели царство это не придет? Конечно, придет. Но что пользы, если мы окажемся тогда стоящими слева? Поэтому молясь так, выражаем желание, чтобы царствие пришло для нас, чтобы и мы обрелись в нем, а не вне его. Того желаешь ты, того ищешь молясь, да так живешь, чтобы и тебе принадлежать к Царству которое дано будет всем святым. Следовательно, когда говоришь: «да придет царствие Твое», о том молишься, чтобы тебе жить хорошо. – Да принадлежим к царству Твоему, Господи, да придет оно и для нас, имея придти для Твоих святых и праведных.

Желаем, да придет царствие Божие. Придет, хотя бы мы и не желали того. Но желать и молиться, да придет царствие, не что иное есть, как желать, да соделает нас Отец наш небесный достойными царствия Своего, чтобы не случилось, – чего да не будет, – что оно придет, и не для нас придет. Ибо для многих не придет это, имеющее прийти, царство. Для тех придет, которым будет сказано: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). А для тех не придет, которые услышат: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф.25,41). Итак, когда говорим: «да придет царствие Твое», молимся да придет оно для нас. Что значит, да придет оно для нас? – Да обретет нас добрыми. О том, следовательно, молимся, да соделает нас добрыми Господь: ибо тогда уже всеконечно для нас придет царствие Его.

Говоря: «да придет царствие Твое», которое несомненно придет, желаем ли мы того, или не желаем, – возбуждаем в себе желание того царства, чтобы оно пришло для нас и мы достойными оказались участвовать в нем.

Блаж. Феофилакт. «Да придет царствие Твое», т.е. второе пришествие: ибо человек с спокойною совестью смело молится о пришествии воскресения и суда. Грешник не молится о царствии Божиим; ибо не желает его пришествия, по причине ожидающих его там наказаний. Напротив праведник молит, чтобы оно пришло скорее, дабы ему освободиться от здешних искушений и успокоиться.

Симеон Солунский. «Да придет царствие Твое». Ты будь Царь над нами через добрые дела, не враг Твой через дела злые. И да придет царствие Твое, – последний день, когда Ты над всеми воцаришься и над самими врагами Твоими, и царствие Твое будет вечно, как и есть. Но это (говорить в молитве прилично) достойным и к тому времени приготовившимся.

Свт. Тихон Задонский. По учению святого Иоанна Златоуста, царствие здесь разумеется небесное – царство, которого ожидают истинные христиане и молятся: «да придет царствие Твое». И это, – говорит, – есть слово благоразумного сына, который не прилепляется к видимому, и не почитает настоящее за великое, но к отцу спешит и к будущему стремится. Кто царствия небесного желает и молится: «да придет царствие Твое», – тому надобно презирать земное царствие, славу, честь, утеху и богатство. Иначе напрасно, говорит, и молится: «да придет царствие Твое». Надобно прежде презреть земное, и тогда желать небесного. Надобно ему иметь чистую совесть, или очистить ее покаянием, и тогда молиться: «да придет царствие Твое». Иначе не может желать того и просить, когда совесть, грехами оскверненная, судом Божиим и вечной мукой грозит. Ибо как может молиться и говорить: «да придет царствие Твое», – а в совести ожиданием вечной муки смущается? Итак, непременно требуется, чтобы тот, кто хочет и просит, чтобы царствие Божие пришло, оставил грехи, и их покаянием, сожалением и верой очистил. Ибо царство Божие праведным и святым уготовано, и придет непременно, а оскверненный грехами его напрасно ожидает. От совести чистой, – говорит Златоуст, – это желание происходит, и от души, удаленной от земного.

3-е прошение «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

Собиратель (свт. Феофан Затворник). Воля Божия есть «святость» наша (1Сол.4,3). Бог хочет, чтобы исполняя святую волю Его, выраженную в заповедях, мы все соделались святыми, и таким образом спаслись (1Тим.2,4). Молясь, «да будет воля Твоя», просим, чтобы Отец наш небесный и дал нам уразумевать святую волю Его, – благую, угодную и совершенную (Рим.12,2), – и силами снабдил на совершение всего, «что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Филип.4,8), чтобы мы явились столь же совершенными на земле, сколь совершенны Ангелы Божии на небеси, «крепкие силою, всегда творящие волю Божию» (Пс.102:20–21). Из предыдущих двух прошений, первое, страхом Божиим пробуждает от усыпления, второе, желанием царствия возбуждает энергию, а сие, третье, указывает самое дело, на которое надлежит устремить пробужденные и напряженные силы. Поскольку все это от Господа; то молимся, да совершит Он все это в нас, по благоволению Своему, предавая себя всецело Его вседействию и управлению.

Тертуллиан. Взываем, «да будет воля Твоя», не потому, чтобы мог кто либо помешать быть воле Божией, но молим, да исполняется воля Его во всех нас. Но чего другого хочет Бог, как не того, чтобы мы шествовали по заповедям Его? Поэтому молимся, чтобы Он и указал нам волю Свою и подал силу исполнять ее, да явимся спасенными и на небесах и на земли. Ибо сущность воли Его есть – спасение тех, которых Он усыновил. И то есть воля Божия, что Господь совершил проповедью, деяниями и страданием. Так сам Он сказал, что творит не свою, но Отца Своего волю (Ин.6,39). И нет сомнения, что все, что Он делал, делал по воле Отца. И теперь Он нас приглашает последовать примеру Его, и пребывать в воле Божией даже до смерти. Но чтобы могли мы это исполнить, имеем нужду в воле Божией (в благоволении Его и помощи).

Почему говоря: «да будет воля Твоя», выражаем желание, да совершается она в нас, в уверенности, что в воле Божией, ничего нет для нас худого, хотя бы пришлось и пострадать ради ее. И Господь перед наступлением страданий, желая показать немощь человеческой плоти и во Своей плоти, сказал: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!» (Лк.22,42). Но тотчас присовокупил: «впрочем не Моя воля, но Твоя да будет». Он Сам есть воля и сила Отца, и однако ж благоволил предать Себя воле Отца, в показание необходимости подлежащего страдания.

Св. Киприан Карфагенский. Говоря: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», – не с тем, чтобы Бог вследствие нашей молитвы делал что хочет, но чтобы мы могли делать угодное Ему. Ибо кто же воспрепятствует Богу делать угодное Ему? Но так как диавол полагает нам препоны в оказывании духом и телом полного повиновения Богу, то мы просим и молим, да будет в нас воля Божия. А чтобы она была – необходимо изволение Божие, т.е. Божия помощь и защита; потому что никто не крепок собственными силами, а всякий находит безопасность только в Божием снисхождении и милосердии. Да и Господь, показывая человеческую немощь, которую Он носил в себе, говорил: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия», – а затем, подавая ученикам пример, чтобы они исполняли не свою волю, но Божию, прибавил: «впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26,39). И в другом месте говорит: «сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин.6,38). Если Сын повиновался так, что исполнял волю Отца, то не гораздо ли более должен повиноваться и исполнять волю своего Господа раб? Иоанн в Послании своем так увещевает и наставляет нас к исполнению воли Божией: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1Ин.2,15–17), как и Бог пребывает во веки. Итак, желая пребывать во веки, мы должны творить волю Бога, Который вечен. Воля же Божия указана нам в делах и учении

Христовых. Смирение в обращении, стойкость в вере, скромность в словах, правда в действиях; в делах – милосердие, в нравах – благочиние; неумение причинять обиду, умение переносить обиду, нам причиненную; хранить мир с братьями; любить Бога всем сердцем, любить Его как Отца, бояться как Бога; ничего не предпочитать Христу так, как и Он ничего не предпочел нам; мужественно и верно стоять у Его креста, когда препираются о имени Его и чести, выражать в речи постоянство исповедания, при допросе отвагу, с которой вступаем в бой, в смерти терпение, которым венчаемся, – это значит желать быть сонаследником Христу! Это значит – творить заповедь Божию, исполнять волю Отца!

Св. Григорий Нисский. Здравием для души служит исполнение Божественной воли, равно как и наоборот: отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью. Поэтому, так как сделались мы немощными, когда в раю, оставив добрый образ жизни, без меры вкусили яд преслушания, и потому природой нашей возобладала жестокая и смертельная болезнь, то пришел истинный Врач, по закону врачебного искусства исцеляющий зло противоположным ему, и одержимых недугом потому, что отступили от Божией воли, освобождает опять от болезни единением с Божией волей. Ибо слова молитвы служат врачеванием от постигшего душу недуга. У кого душа одержима как бы некими болезнями, тот молится, говоря: «Да будет воля Твоя». А воля Божия – спасение людей.

Поэтому, когда дойдем до того, чтобы сказать Богу: «Да будет воля Твоя» и на мне, тогда совершенно необходимо осудить прежде ту жизнь, которая была несогласна с Божией волей, и выразить это исповеданием: «Поскольку во время протекшей жизни на зло мне действовала во мне противная Твоей воля, сделался я служителем лукавого мучителя и как бы исполнителем казни, приводящим в исполнение над самим собой приговор врага, поэтому, возбуждись жалостью к моей гибели, даруй, чтобы со временем и во мне совершалась воля Твоя. Ибо, как в мрачных пещерах, когда вносится туда свет, мрак исчезает, так, когда Твоя воля во мне будет совершаться, всякое лукавое и неуместное движение произвола

обратится в ничто. Целомудрие угасит невоздержанное и страстное стремление ума, смиренномудрие истребит кичливость, скромность уврачуе болезнь гордыни, а доброта любви изгонит из души многочисленный сонм противоположных зол; да бегут от нее ненависть, зависть, негодование, гневное движение, раздражительное расположение духа, злонамеренность, притворство, памятование огорчения, жажда мщения, воскипение крови в предсердечии, недоброе око, – все это стадо таковых зол да уничтожится любвеобильным расположением». Так действенность Божией воли исторгает сугубое идолослужение; называю сугубым, как неистовую, приверженность к идолам, и вожделение серебра и золота – этих, как наименовало их пророческое слово, идолов «язычников» (Пс.113:12). Поэтому «да будет воля Твоя», чтобы стала недействительной воля диавола.

Но почему просим у Бога, чтобы произволение наше сделалось благим? Потому что естество человеческое, однажды приведенное в расслабление пороком, немощно для добра. Ибо человек не с той же легкостью, с какой доходит до худого, возвращается от него опять к доброму, как подобный этому закон можем примечать и в телах, потому что неодинаково, не с равным удобством здоровое тело делается больным и заболевшее выздоравливает. Пользовавшийся до сих пор здоровьем часто от одной раны приходил в крайнюю опасность, и один оборот или припадок горячки истреблял всю силу в теле, малый прием яда или совершенно разрушал тело, или производил это постепенно, и за укусом пресмыкающегося, или за ужалением одного из ядовитых животных, или за поползновением ноги, или за падением, или за вкушением с жадностью чего-либо сверх силы, или за иным, тому подобным, мгновенно следовали или болезнь или смерть; освобождение же от недуга если когда и бывает, то при скольких достигается примышлениях, затруднениях и врачебных искусственных средствах? Поэтому, когда действует в нас стремление ко злу, нет потребности в содействующем, потому что порок сам собою довершает себя в воле нашей. Если же возникает склонность к лучшему, то потребно, чтобы пожелание Бог привел в

исполнение. Поэтому говорим: поскольку целомудрие – Твоя воля, «закон духовен, а я плотян, продан греху» (Рим.7:14), то Твоей силой да преуспеет во мне благая эта воля. То же говорим о справедливости, о благочестии, об отчуждении от страстей. Слово «воля» объемлет собой все вообще добродетели, словами же «воля Божия» означает поодиночке все, разумеемое под именем доброго.

Но что значит это прибавление: «и на земле, как на небе»? Слово это, как мне кажется, указывает, может быть, на один из более глубоких догматов и составляет учение боголепного разума при взгляде на тварь. Смысл же того, о чем говорю, таков: вся разумная тварь делится на естество бесплотное и на облеченное телом. Бесплотное естество есть ангельское, а другой вид естества – мы, люди. Поэтому первое – духовно, как отрешенное от обременяющего тела (разумею же тело это грубое и к земле тяготеющее), проходит горний жребий, по легкости и удободвижности естества пребывая в странах легких и эфирных. А другое, по сродству нашего тела с оземленевшим, по необходимости получило в удел как бы некий отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что устроила этим Божия воля – может быть то, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольний жребий не был безучастным в небесных высотах и небо не вовсе было безучастно в том, что на земле, но вследствие образования человеческого естества из обеих стихий происходило некое общение усматриваемого в той и другой стихии, так как духовная часть души, которая, по-видимому, есть нечто сродное и одноплеменное с небесными силами, обитает в земных телах, и оземленевшая эта плоть при изменении тленных и восхищении праведных вместе с душой переселится в небесную область. Ибо «восхищены будем, – как говорит апостол, – а облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1Фес.4:17). Поэтому это или иное что устроила этим Божия премудрость – все разумное естество по двоякой этой жизни делится на части, и естество бесплотное приняло в свой жребий небесное блаженство, а другое по причине плоти обитает на земле по сродству с ней. Хотя вождение прекрасного и доброго равномерно

осуществлено в том и другом естестве и Правитель Вселенной в обоих сделал равными самоуправление, самовластие и свободу от всякой необходимости, чтобы все одаренное словом и разумением распоряжалось собой по самозаконному некоему произволу, однако же жизнь небесная во всем хранит себя чистой от порока и с ней несовместно ничто представляющееся противоположным, всякое же страстное движение и расположение, которым подвержен род человеческий, приводит в кружение жизнь земную. Поэтому житие святых сил на небесах Богодухновенное слово признает не имеющим примеси порока и чистым от всякой греховной скверны. Все же, что умышлением худого и отступлением от доброго превращается в зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается в эту обыкновенную жизнь, и оскверняется человеческий род, находя в этой тьме препятствие к тому, чтобы усматривать Божественный свет истины. Поэтому если и высшая жизнь бесстрастна и чиста, а здешняя бедственная жизнь погружена во всякие страсти и злострадания, то явно, что горнее житие, как чистое от всего худого, преуспевает в благой воле Божией, ибо где нет зла, там по всей необходимости есть добро. А наша жизнь, утратив общение в добре, отпала и от Божией воли. Поэтому, научаемся мы в молитве в такой мере очищать нашу жизнь от худого, чтобы, как в Небесном жительстве, и в нас беспрепятственно управляла Божия воля, так чтобы можно было иному сказать: «Как в престолах, началах, властях, господствах и во всякой премирной силе совершается Твоя воля и никакой порок не препятствует действию добра, так и в нас да совершается доброе, чтобы по истреблении всякого порока в душах наших благоуспешно исполнялась во всем Твоя воля».

Св. Кирилл Иерусалимский. Божественные и блаженные Ангелы Божии творят Божию волю, как сказал Псалмопевец Давид: «благословите Господа все Ангелы Его, крепкие силою, исполняющие слово Его» (Пс.102,20). Посему молясь: «да будет воля Твоя, и на земле, как на небе», мысленно говори: как в Ангелах совершается воля Твоя, Владыко, так да будет и во мне на земли.

Свт. Иоанн Златоуст. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Видишь ли прекрасную связь? Он прежде повелел желать будущего и стремиться к своему отечеству; но доколе этого не будет, живущие здесь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителям. Должно желать, говорит Он, неба и небесного. Впрочем и прежде достижения неба Он повелел нам землю сделать небом и, живя на ней, так вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа. Действительно, к достижению совершенства горних сил нам нимало не препятствует то, что мы живем на земле. Но можно, и здесь обитая, все делать так, как бы мы жили на небе. Итак, смысл слов Спасителя таков: как на небе совершается все беспрепятственно и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всем повинуются и покоряются (потому что сказано: «крепкие силою, исполняющие слово Его» (Псал.102,20), – так и нас, людей, сподоби не в половину творить волю Твою, но все исполнять, как Тебе угодно. Видишь ли? Христос научил и смиряться, когда показал, что добродетель зависит не от одной только нашей ревности, но и от благодати небесной, и вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, – Он не сказал: «да будет воля Твоя» во мне, или в нас, но на всей «земле», – т.е., чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли. Если так будет, говорит Он, то земное ничем не будет различествовать от небесного, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажет нам других ангелов

Возбудив в нас перед этим любовь к будущему и желание царства и пронзив нас этим желанием, Он заповедует говорить: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Дай нам, Господи, говорит, подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того же, чего желаешь Сам Ты; помоги нашей воли немоществующей и хотя желающей исполнять дела Твои, но удерживаемой немощью плоти; простри руку стремящимся идти, но принуждаемым хромать; душа легка (дух бодр), но ее

обременяет плоть; та быстро стремится к небесному, а эта тяготеет к земному; но при Твоей помощи и невозможное будет возможным; «да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

Св. Кассиан. Не может быть молитвы выше той, которую мы желаем, чтобы земное удостоилось сравниться с Небесным. Ибо что значат слова: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», как не то, что «да будут люди подобны – Ангелам, и, как сии исполняют волю Божию на Небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю. (Другая мысль) И этого прошения никто не может произнести с полным чувством, кроме одного того, кто верует, что Бог все, что кажется нам несчастием или счастьем, устраивает к нашей пользе, и что Он более промышляет и печется о нашем спасении и благе, нежели мы сами о себе.

Блаж. Августин. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Служат Тебе Ангелы на небе, да служим Тебе и мы на земле. Не оскорбляют Тебя Ангелы на небе, да не оскорбляем Тебя и мы на земле. Как они творят волю Твою; так да творим и мы. – И здесь о чем молимся, как не о том, чтобы быть нам добрыми? Ибо воля Божия тогда бывает в нас, когда мы творим ее; а это и значит быть добрыми.

Когда говорим: «да будет воля Твоя», то испрашиваем себе у Отца небесного самого повиновения воле Его, чтобы она также и нами была исполняема, как исполняется на небесах Ангелами Его.

«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе»; т.е., как в отношении к Ангелам, сущим на небе, есть воля Твоя, чтобы они всячески к Тебе прилеплялись и Тобою наслаждались, так что никакое облако заблуждения не затемняет их премудрости и никакая скорбь не возмущает их блаженства: так да будет и во святых Твоих, сущих на земле, по телу из земли сотворенных и хотя в небесное жилище, но от земли, имеющих быть взятыми. – «Да будет воля Твоя» можно разуметь и так: да будет оказываемо повиновение повелениям Твоим; а: «и на земле, как на небе» – так: как Ангелами, так и людьми. Ибо что тогда бывает воля Божия, когда исполняются повеления Его, это сам Господь показывает, когда говорит: «Моя пища есть творить

волю Пославшего Меня» (Ин.4,34). И еще: «сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин.6,38). Итак, которые творят волю Божию, в тех и бывает воля сия; потому что делают то, чего хочет Бог, т.е. действуют по воле Его.

Св. Максим Исповедник. Кто таинственно приносит Богу служение одной разумной силой (своей), отрешенной от похоти и ярости, тот на земле, подобно чинам ангельским на небе, исполняет волю Божию. (Он уже) стал сослужителем и сожителем Ангелов, как говорит великий Апостол: «Наше же жительство – на небесах» (Флп.3,20). У таких (людей) нет ни похоти, расслабляющей наслаждениями напряжение ума, ни ярости, беснующейся и бесстыдно лающей на сродное себе. В них остается лишь один-единственный разум, естественно приводящий разумные существа к первому Разуму. ...Но святые Ангелы на небе ничего не приносят Богу, кроме разумного служения. Желая того же и от нас, (Господь) научает молящихся говорить: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Так пусть же наш разум устремляется к исканию Бога, а сила желания пусть становится влечением к Нему, как и яростное начало пусть вступает в борение, чтобы сохранить Его. Или, точнее сказать, пусть весь ум [наш] простирается к Богу, побуждаемый, словно неким гласом, напряжением страстности и распалемый предельным порывом силы желания. Подражая таким образом Ангелам небесным, мы всегда будем служителями Бога и на земле явим равноангельское житие, а поэтому наравне с Ангелами будем обладать умом, полностью безучастным к тому, что ниже Бога.

Блаж. Феофилакт. «Да будет воля Твоя», как на небе у Ангелов, так и у нас людей на земле. Как Ангелы исполняют волю Твою, так и нам даруй исполнять ее. Ибо Ангелы всегда и во всем действуют по воле Божией.

Симеон Солунский. Настрой нас подобно Ангелам, чтобы как в них, так и в нас была воля Твоя, и нами была совершаема. Да не будет наша воля страстная и человеческая, но Твоя да будет воля бесстрастная и святая. Как благоволил

Ты соединить земное с небесным, так благоволи, да и в нас, на земле сущих, будет небесное (житие, служение, действие).

Свт. Тихон Задонский. Воля Божия бывает и без нашего прошения. Поэтому не просим, чтобы Бог делал, что хочет, а просим, чтобы мы могли делать то, что воля Его хочет. Отсюда видим, что воли Божией не можем творить без Бога. Воля Божия исполняется, когда благочестие в целости храним и до конца в нем пребываем, по сказанному: «будь верен до смерти» (Откр.2,10), а также, когда грешники от грехов отстают и каются. «Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим 2,4). Для того чтобы так было, просим Бога: «да будет воля Твоя». И да будет «и на земле, как на небе». То есть, как Ангелы на небе исполняют волю Божию и живут между собою любовно, мирно, согласно, так и мы, подражая им на земле, да возможем творить волю Его, и жить свято, чисто, мирно, любовно и согласно. Когда молимся: «да будет воля Твоя», – то должны от своей воли отречься и ее оставить.

Собиратель (свт. Феофан Затворник). В словах: «да будет воля Твоя» – можно видеть и выражение преданности в волю Божию. На это намекают некоторые слова св. Кассиана и св. Киприана. Исполнение воли Божией в заповедях выраженной, не может явиться в совершенстве без сей преданности, потому что бывает сопряжено с лишениями, иногда очень большими, и со страданиями, иногда очень чувствительными. Перенесение тех и других неизбежно посредствуется преданием себя своей участи, и всего дела своего в волю Божию. Исполнение заповедей, посредствуясь преданностью в волю Божию, саму эту преданность укрепляет и возвышает. И полная преданность есть верх нравственного совершенства христианского.

4-е прошение «Хлеб наш насущный дай нам на сей день».

Собиратель (свт. Феофан Затворник). С четвертого прошения начинается поворот молитвы: то все были прошения о внутреннем строе духовной жизни, которая зарождаюсь под действием Страха Божия, и воодушевляясь надеждою царства небесного, течет путем заповедей Божиих; теперь пойдут прошения о неизбежных соприкосновениях сей жизни. Как ограниченным нужна нам пища не для тела только, но и для души; как часто падающим по немощи, нужно исповедание и прощение; как окруженным искушениями и всегда врагом лукавым наветуемым нужны охранение и защита. О всем этом молимся в следующих четырех прошениях, которые все направлены к тому, да устроит Отец наш небесный благоприятное для духовной жизни течение событий нашей жизни, и внешних и внутренних.

Хлеб, о котором молимся в четвертом прошении, есть вещественный хлеб, необходимый для поддержания жизни телесной; при чем при нем можно доразумевать испрашивание и других потреб, без которых жить нельзя, как-то: одежды, жилища. Но как и душа имеет нужду в духовном питании для поддержания жизни духовной, то под хлебом можно разуметь здесь и духовную для души пищу. Пища ее есть – «Слово Божие», питающее душу ведением божественных истин и вводящее ее в созерцание невидимых сокровищ Божиих, одно умное видение которых питательно и усладительно, и благодать Божия через таинства нисходящая в душу, ее наполняющая, и насыщающая. По течению нашей жизни Таинства сии суть: покаяние, и более причащение св. Христовых Таин, которые сам Господь наименовал единственным питательным хлебом, сходящим с небес и дающим жизнь миру. Помышление о всем этом уместно держать в душе, произнося слова молитвы: «хлеб наш насущный дай нам на сей день».

Тертуллиан. Какой прекрасный божественная премудрость дала порядок молитвенным прошениям, – когда после

небесного, т.е., имени Божия, царства Божия, воли Божией, дала место прошению и о земных потребах, хотя и говорил Господь: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф.6,33). Впрочем, слова: «хлеб наш насущный дай нам на сей день», будем разуметь более в духовном смысле. Ибо Христос есть хлеб наш: Он есть жизнь и хлеб жизни, как Сам говорит: «Я есмь хлеб жизни» (Ин.6,48); и еще несколько выше: «Отец Мой даёт вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру»; и потом: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин.6:32–33, 51); так что в хлебе есть и принимается тело Его. «Сие есть тело Мое» (Лк.22,19) говорит Он. О ядущих же тело Его и пьющих кровь Его Он сказал, что они в Нем пребывают, а Он в них (Ин.6,56). Таким образом, испрашивая хлеба насущного, мы молимся о непрестанном пребывании во Христе, через приобщение тела Его. – Но если и не в духовном смысле принять слова сии, и тогда это не чуждо будет духовного назидания. Ибо повелевается просить только хлеба, который один полагается необходимым для верных; о всем же прочем сказано: «всего этого ищут язычники» (Мф.6,32). Что самое и примерами подтверждает и притчами внушает Господь, когда говорит: «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф.15,26). Также: «подал бы... камень» кто сыну, хлеба просящему? (Мф.7,9) – Ибо здесь указывается, чего дети ожидают от Отца. Но и тот ночной проситель просил лишь хлеба (Лк.11,5). – Премудро приложил Господь: «дай нам на сей день», так как прежде Он уже внушал: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф.6,34). К чему и притчу приспособил о человеке оном, у которого «был хороший урожай в поле», который, тогда как замышлял долго прожить в безопасности и довольстве, умер в ту же ночь (Лк.12, 16–20).

Св. Киприан Карфагенский. Продолжая молитву, мы произносим следующее прошение: «хлеб наш насущный дай нам на сей день». Это можно понимать как в духовном, так и в простом смысле, потому что и тот и другой, по божественному

дарованию, равно благоприятствует спасению. Христос есть хлеб жизни, и этот хлеб не всех, но только наш. Как говорим мы: «Отче наш», потому что Бог есть Отец познающих Его и верующих, так и Христа называем нашим хлебом, потому что Он и есть хлеб тех, которые прикасаются Телу Его. Просим же мы ежедневно, да дастся нам этот хлеб, чтобы мы, пребывающие во Христе и ежедневно принимающие Евхаристию в пищу спасения, будучи по какому-либо тяжкому греху отлучены от приобщения и лишены небесного хлеба, не отделились от Тела Христова, как Господь говорит в наставление наше: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин.6,51). Когда Он говорит, что ядущий от хлеба Его жив будет во веки, то этим показывает, что живут те, которые прикасаются, Его Телу и по праву приобщения принимают Евхаристию. Итак, должно бояться и молиться, да не отделится кто-либо от Тела Христова, подвергшись запрещению, и не удалится от спасения, как угрожает Господь, говоря: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин.6,53). Потому-то мы и просим ежедневно, да дастся нам хлеб наш, чтобы нам, пребывающим и живущим во Христе, не удалиться от освящения и от Тела Его.

Можно это понимать и так: отрекшись от века сего и по вере духовной благодати отказавшись от его богатств и почестей, памятуя наставление Господа, Который говорит: «кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк.14,33), мы просим одной только пищи и пропитания. Кто сделался учеником Христовым, тот, по слову Учителя, отказываясь от всего, и должен просить только дневного пропитания и в молитве не простирает далее своих желаний, имея в виду заповедь Господа, сказавшего: не «не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф.6,34). Итак, ученик Христов, которому воспрещается заботиться о завтрашнем дне, праведно испрашивает себе дневной пищи: было бы противоречие и несообразность в том, если бы мы

искали в этом веке продовольствия на долгое время, когда просим о скором пришествии Царства Божия. Блаженный апостол, поучая и утверждая крепость надежды и веры нашей, делает нам следующее напоминание: «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести *из него*. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1Тим. 6,7–10). Этим учит, что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: в них корень лъстивых зол, обольщающих слепоту человеческого ума скрытым коварством. Потому-то Бог обличает безумного богача, который помышлял о мирских достатках и хвастался чрезвычайным изобилием плодов. "Безумный! – говорит Он ему, – в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк.12, 20). Безумный, он радовался о прибыли в ту ночь, в которую надлежало ему умереть; тот, кому мало уже оставалось жить, помышлял о изобилии плодов.

Напротив, Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое имение и раздав в пользу нищих, заготавливает себе сокровище на небе; тот, по словам Господа, может следовать за Ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предпослав свое имущество Богу, отрешенный и свободный, сам идет туда (Мф.19, 21). Вот как да научится всякий молиться, чтобы приготовить себя к тому же; из закона молитвы да уразумеет всякий, какова должна быть молитва! Между тем для праведника никогда не может быть недостатка в ежедневной пище, по Писанию: «Не допустит Господь терпеть голод душе праведного» (Притч. 10,3). И опять: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (Пс.36,25). То же обещает и Господь, говоря: «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает,

что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф.6, 31–33). Он обещает, что ищущим Царства и Правды Божией все приложится: ведь все Божие; следовательно, имеющий Бога ни в чем не будет иметь недостатка, только бы сам не отстал от Бога. Так, Даниилу, когда он был ввержен в ров львиный по велению царскому, изготавливается обед Промыслом Божиим и человек Божий насыщается среди зверей алчущих, но щадящих его (Дан.14, 30–39). Так, Илия питается во время бегства: преследуемый, он получает пропитание в пустыне от воронов, которые служат ему, от птиц, которые приносят ему пищу.

Св. Григорий Нисский. Но возразит кто-нибудь: возможно ли в той чистоте, какая в бесплотных силах, преуспевать получившими в удел жизнь во плоти, когда душа по телесным потребностям погружена в тьму забот? Поэтому то, кажется мне, как бы устраняя такую невозможность, Господь в последующих словах разрешает кажущееся затруднительным в предстоящем деле. Ибо этими словами в повелении просить насущного хлеба предлагается нам, думаю, учение, что довольство малым и умеренность по закону бесстрастия равняется тому, чтобы не иметь ни в чем нужды по естеству. Ангел не просит в молитвах Бога о подаянии ему хлеба, потому что одарен естеством, не имеющим нужды в чем-либо подобном, а человеку повелено просить, потому что делающееся пустым непременно имеет нужду в наполняющем. Скоротечен и преходящ состав человеческой жизни, вместо отделившегося требует возобновляющегося. Поэтому, кто в услужении естеству не увлекается сверх необходимости суетными заботами, тот ненамного ниже ангельского чина по жизни, в довольстве для себя малым подражая ангелам, ни в чем не имеющим нужды. Поэтому повелело нам искать только достаточного к сохранению телесной сущности, говоря Богу: хлеб нам дай, т.е. дай не забавы, не богатство, не доброцветные багряницы, не золотые уборы, не блеск камней, не серебряные сосуды, не обширные поместья, не военоначальство, не владение городами и народами, не стада коней и волов и великое множество другого скота, не обилие невольников, не

знаменитость на торжищах, не памятники, не изображения, не шелковые ткани, не увеселения музыкой и не что-либо этому подобное, чем душа отвлекается от Божественной и более досточестной заботливости, – но дай хлеб.

Видишь ли эту широту любомудрия? Сколько учений содержится в этом кратком изречении? Словом хлеб как бы так взывает Господь внимающим: «Перестаньте, люди, истощаться пожеланиями суетного! Перестаньте на горе себе самим умножать поводы к трудам! Невелик твой естественный долг: обязан ты доставать плоти своей пищу – дело небольшое и нетрудное, если имеешь в виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долгов, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всем подобным услаждать тебе этого всегдашнего собирателя податей – чрево, которому потребен только хлеб, удовлетворяющий тому, в чем нуждается тело?» А ты отправляешься к индам, терпишь беды на чужеземном море, пускаешься в плавание на целые годы, чтобы привезенными оттуда покупками усладить пищу, не обращая внимание на то, что ощущение сладостей имеет пределом небо во рту, а также и благовидное, и благовонное, и услаждающее вкус доставляет чувству какую-то скоропреходящую и мгновенную приятность. Кроме неба, во рту разность влагаемого в гортань ничем не различима, потому что естественном одинаково изменяется все в зловоние. Видишь ли конец поварского искусства? Видишь ли последствие поварских ухищрений? Проси хлеба для жизненной потребности – в этом природа сделала тебя должником телу. А что сверх этого изобретено изнеженностью роскошных, то из числа привсеянных плевел. Сеяние домовладыки – пшеница, а из пшеницы делается хлеб; роскошь же – плевелы, они врагом привсеяны к пшенице. Но люди, перестав служить природе необходимым, действительно, как говорит где-то Писание (Мк.4:7), бывают подавляемы заботой о суетном и остаются недостижими зрелости, потому что душа непрестанно занимает себя этими суетностями. Ограничивайся необходимой

потребностью. Пределом заботливости твоей о жизни пусть будет удовлетворение нужды тем, что у тебя есть.

Если и с тобою Евин советник вступит в беседу о том, что прекрасно для взора и приятно для вкуса и при хлебе станешь искать такой-то снеди, приготовленной с такими-то приправами, а потом вследствие этого прострешь пожелание далее необходимых пределов, то увидишь тогда, как пресмыкающийся вслед за этим неприметно прокрадется к любостяжательности. Ибо, от пищи необходимой перейдя к лакомым снедам, перейдет и к тому, что приятно для глаз, будет домогаться светлых сосудов, красивых слуг, серебряных лож, мягких постелей, прозрачных, с золотой насыпью покрывал, престолов, треножников, купален, чаш, рогов, холодильников, ковшей, лоханей, светильников, курильниц. А через это входит похоть любостяжательности и домогается подобных вещей, но, чтобы в заготовлении их не было недостатка, потребны доходы на приобретение требуемого. Поэтому надобно иному быть в печали, живущему вместе проливать слезы, многим сделаться бедствующими, лишившись собственности, чтобы вследствие их слез за столом этого человека было блистательно. А когда змей обовьется вокруг этого и наполнит чрево, чем было желательно, тогда в след за этим по пресыщении человек более и более вовлекается в неистовство непотребства – и это есть крайнее из зол человеческих.

Поэтому, чтобы не происходило ничего такого, ограничивай молитву испрошением этого пособия – хлеба, ища снеди, приправляемой тебе самой природой. И эта приправа есть добрая совесть, при правильном употреблении хлеба всего более его услаждающая. А если желательно тебе усладить и ощущение гортани, то пусть приправой у тебя будет скудость, пусть не прилагается сытость к сытости, побуждение к принятию пищи не притупляется пьянством, но вкушению ее да предшествует у тебя по заповеди пролитие пота. "В поте и труде будешь есть хлеб» (Быт.3:19). Видишь ли, какая первая приправа пищи, по Писанию? Достаточно для тебя этой только потребностью занимать мысль свою – лучше же сказать, до этого только связывать душу попечениями о хлебе. Но скажи

Тому, Кто изводит «хлеб от земли» (Пс.103:14), скажи Тому, Кто питает воронов (Пс.146:9), «даёт пищу всякой плоти» (Пс.135:25), отверзает руку и насыщает «всё живущее по благоволению» (Пс.144:16): «От Тебя моя жизнь, от Тебя да будет и средство к жизни. Ты «дай» хлеб, то есть даруй иметь пищу от праведных трудов».

Прекрасно же и присовокупление слова «день». Ибо сказано: «Хлеб насущный дай нам на сей день». В этом слове заключается другое любоумудрие; произнося это, должен ты познать, что жизнь человеческая однодневна. Собственность каждого – одно только настоящее, а надежда на будущее остается в неизвестности; "не знаем, что родит тот день?" (Прит.27:1). Для чего мучим себя неизвестным, томим заботами о будущем? Сказано: «Довольно для каждого дня своей заботы» (Мф.6:34), где заботой называется злострадание. Для чего прилагаем попечение «о завтрашнем»? Поэтому Господь тем, что повелевает говорить «день», запрещает тебе заботу «о завтрашнем», как бы следующее внушая тебе этим словом: «Кто дал тебе день, Тот даст и потребное на день. Кто «повелевает солнцу... восходить» (Мф.5:45); Кто уничтожает ночную тьму; Кто показывает тебе луч света; Кто вращает небо, чтобы над землей стало светило; Кто дает тебе это и многое другое, Тот неужели имеет нужду в твоём содействии, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдив ее потребным? Какую тщательность о собственной жизни привносит от себя естество бессловесных? Какие пашни у воронов, какие житницы у орлов? Не одна ли у всех снабдительница жизни – Божия воля, которой все содержится? Вол, или осел, или другое какое бессловесное, не участь, от природы имеют любоумудрие и хорошо располагают настоящим, о том же, что будет после, нет у них никакой заботы».

Неужели мы имеем нужду в советниках, чтобы уразуметь эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вразумляемся тем, что бывает с другими? Как не уцеломудриваемся собственной своей жизнью? Что было пользы от большого заготовления тому богачу, который обольщал себя неосуществимыми надеждами, разорял, строил,

собирал, роскошествовал; чего достало бы на многие годы, то в суете надежд запирает в житницы? Не одна ли ночь обличала всю эту мечтательность надежды, как суетное некое сновидение о чем-то не стоящим внимания? Жизнь телесная ограничивается одним настоящим, а жизнь, предоставляемая надежде, есть собственность души. Но человеческое неразумие погрешает в употреблении той и другой, думая телесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя в наслаждениях настоящим. Поэтому-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждой надежды существенной и действительной, по надежде опираясь на непрочное, и этим не овладевает, и чего надеялась, того не имеет.

Поэтому научимся из настоящего совета, чего надлежит просить сего дня и чего впоследствии. Хлеб – сегодняшняя потребность, а Царствие – упваемое блаженство. Сказав же о хлебе, Писание разумеет под этим телесную потребность. Если это станем просить, уму молящегося будет явно, что забота его – об однодневном. Если же просим чего-либо из душевных благ, то явно, что прошение имеет в виду всегда пребывающее и нескончаемое, на что Господь и повелевает наиболее взирать молящимся, как на важнейшее, удовлетворяющее и первой потребности. «Просите, – говорит Он, – Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф.6:33).

Св. Кирилл Иерусалимский. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». Хлеб обыкновенный не есть насущный, а сей святой хлеб (тело и кровь Господа) есть насущный, т.е. имеющий действие на сущность души. Сей хлеб сообщается всему твоему составу, к пользе души и тела. А слово «день» употреблено вместо ежедневно, как и Павел сказал: «доколе можно говорить: `ныне`» (Евр.3, 13).

Свт. Иоанн Златоуст. Что такое «хлеб насущный»? Повседневный. Так как Христос сказал: «да будет воля твоя, и на земле, как на небе», а беседовал Он с людьми, облеченными плотью, которые подлежат необходимым законам природы, и не могут иметь ангельского бесстрастия, то, хотя и повелевает нам так исполнять заповеди, как и ангелы исполняют их, однако снисходит к немощи природы, и как бы так говорит: Я требую от

вас равноангельской строгости жизни, впрочем не требуя бесстрастия, поскольку того не допускает природа ваша, которая имеет необходимую нужду в пище. Смотри, однако, как и в телесном много духовного! Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о многоценных одеждах, не о другом чем-либо подобном, но только о хлебе, и притом о хлебе повседневном, так чтобы нам не заботиться о завтрашнем, почему и присовокупил: «хлеб насущный», т. е. повседневный. Даже и этим словом не удовлетворился, но присовокупил вслед затем и другое: «дай нам на сей день», чтобы нам не сокрушать себя заботою о наступающем дне. В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем? Это Спаситель заповедал и далее затем в Своей проповеди: «не заботьтесь, – говорит, – о завтрашнем дне» (Матф.6,34). Он хочет, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верою, и не более уступали природе, чем сколько требует от нас необходимая нужда.

Так как Он упомянул о земле, а существам, происшедшим из нее и живущим на ней, и облеченным телом земным, нужна соответственная пища, то по необходимости Он присовокупил: «хлеб наш насущный дай нам на сей день». Он повелел просить хлеба насущного, не для объедения, а для питания восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть с голода, – не роскошных столов не разнообразных яств – произведений поваров, изобретений хлебопеков, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребца непослушным вознице. Не этого просить научает нас заповедь, но «хлеба насущного», т. е. обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день. «Не заботьтесь, – сказал Господь, – о завтрашнем дне» (Мф.6,34). И для чего заботиться о завтрашнем дне тому, кто может быть и не увидит завтрашнего дня, кто предпринимает труд, а не пожинает плода? Надейся на Бога, Который «дает пищу всякой

плоти» (Пс.135,25). Тот, кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде нежели создал тебя, как презрит тебя созданного, «ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5,45). Итак, надеясь на Него, проси пищи только на настоящий день, а об завтрашнем предоставь заботу Ему, как и блаженный Давид говорит: "Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя пропитает" (Пс.54,23).

Св. Кассиан, разумея под хлебом Господа Иисуса Христа, и пречистое тело Его с Животворящею кровью, говорит: «хлеб наш, т.е. насущный, или, по другому Евангелисту, «ежедневный, дай нам на сей день». Первым словом означает существование его достоинство, по которому он превышает все сущности и превосходит все твари высокою своею святостью, а вторым выражается естественное употребление его и польза. Ибо когда говорится: «ежедневный», то этим показывается, что без него мы не можем ни одного дня продолжать духовной жизни; а когда говорится: «день», то этим показывается, что надобно принимать его ежедневно и что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он подобным образом не будет и ныне преподан нам. Поскольку же нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого «хлеба», то таковая ежедневная потребность должного заставляет нас во всякое время проливать о нем молитву. Впрочем, слово «день» – можно принимать и в отношении к настоящей жизни, то есть: «Подавай нам хлеб сей, доколе мы находимся в здешнем веке, ибо знаем, что и в Будущей Жизни он будет Тобою подаваем тем, которые заслужили его, но мы просим даровать нам его еще «день», ибо кто не удостоится принять оно в настоящей жизни, тот не сможет причаститься его и в Будущей».

Блаж. Августин, в трактате о нагорной беседе Господа, говорит, что может «хлеб» иметь три значения, – может означать и вещественный хлеб со всем другим, необходимым для жизни и таинство тела Христова, которое мы принимаем каждодневно (так было тогда), и пищу духовную, о которой Господь сказал:

«Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную» (Ин.6,27). И в другом месте: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин.4,34). Из этих трех значений он иногда об одном преимущественно рассуждает, иногда о другом, но всегда имеет во внимании все три.

«Каждодневный хлеб надлежит принимать здесь в значении хлеба духовного, т.е. божественных заповедей, в которых поучаться и которые делом исполнять должно каждодневно. Ибо их разумел Господь, когда сказал: «Старайтесь не о пище тленной». Каждодневым называется это хлебом потому, что временная жизнь наша проводится при преемстве дней, из которых один отходит, а другой приходит. Делом же каждого из них должно быть исполнение заповедей. Так как расположение нашего духа то поднимается ввысь, то ниспадает вниз, т.е. то к духовному обращается, то к плотскому, подобно как тело то насыщается пищею, то чувствует голод; то ему на всяк день необходима оная духовная пища, которою подкрепляясь он поднимался бы опять ввысь всякий раз, как ниспадет. Как тело наше в сей жизни, прежде, т.е. жизни будущей, не подлежащей изменениям, бывает подкрепляемо пищею, когда чувствует истощение: так и дух, поскольку, по причине временных страстей, подвергается истощению в своем устремлении к Богу, должен быть каждодневно подкрепляем пищею заповедей божественных. – Сказано же: «дай нам на сей день», т.е. «доколе можно говорить: `ныне`» (Евр.3,13), тоже что в настоящей временной жизни. Ибо после жизни сей, в жизни будущей, мы во веки сыты будем духовною пищею, и тогда она не будет уже называться каждодневым хлебом. Тогда не будет этого течения времени, в котором дни сменяются днями и производят каждодневность. Итак, в каком смысле сказано: «если бы вы ныне послушали гласа Его» (Пс.94,7), – каковое "ныне" Апостол в послании к Евреям истолковывает так: «доколе можно говорить: `ныне`»: в таком надобно принимать и: «дай нам на сей день». – Если же кто хочет принимать здесь «хлеб» в значении необходимой телесной пищи, или в значении таинства тела Господня, то пусть уже принимает его совокупно

во всех трех значениях, т.е. и как каждодневный хлеб, необходимый для тела, и как таинственный хлеб видимый, и как невидимый мысленный хлеб слова Божия.

Можно просто понимать, что молитву сию изливаем мы о каждодневном нашем содержании, чтобы его было у нас в изобилии, или если не в изобилии, по крайней мере, не было в нем недостатка. «Насущный» – ежедневный сказал в смысле – в сей жизни, т.е. «доколе можно говорить: `ныне`» (Евр.3,13). Ежедневно встаем, ежедневно алчем, ежедневно насыщаемся. И молимся, да дарует нам Отец наш небесный хлеб на всякий день. – Почему не сказал: и покров. Только нам и нужно: содержание – пища и питье, и покров – одеяние и жилище. Апостол больше этого и желать не велит, когда говорит: «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1Тим.6:7–8). Поскольку и это принадлежит к необходимой потребности нашей: то не неуместно разуместь и эти предметы, когда говорим: «хлеб наш насущный дай нам на сей день». И нечего удивляться, если именуя один хлеб разумеем и прочие необходимые потребности, как и Иосиф, когда пригласил братьев своих, сказал: «со мною будут есть эти люди хлеб в полдень» (Быт.43,16). Разве они один хлеб ели за эту трапезу?! – Но под хлебом разумелось и все прочее. Так и когда молимся о насущном хлебе, испрашиваем и всего, что потребно для плоти нашей на земле. – Можно под хлебом разуместь и божественное причащение, говоря как бы: божественное причащение подавай нам всякий день, как хлеб насущный. Ведают верующие, что принимают, и благо им – принимать этот хлеб насущный, столь необходимый в жизни сей. Но как не все оказываются всегда сего достойными, то и молятся, чтобы им даровано было всегда пребывать добрыми, т.е. верными вере и неукоризненными по жизни. Вот чего желают они, вот о чем просят! – Ибо если не пребудут таковыми, то будут отлучены от онога насущного хлеба. Что же при таком понимании слова «хлеб», будет означать: «хлеб наш насущный дай нам на сей день»? Даруй нам так жить, чтобы никогда не быть отлучаемыми от алтаря Твоего. – И слово

Божие, которое ежедневно вам возвещается, и некоторым образом преломляется для вас, есть хлеб насущный. И его умы алчут, как вещественного хлеба чрево. Так и его мы просим в молитве Господней. Таким образом, под хлебом насущным разумеется все для души и тела необходимое в жизни сей.

Св. Максим Исповедник, помянув мимоходом в конце толкования предыдущего прошения, что под «хлебом» здесь означает хлеб с неба сошедший и дающий жизнь миру (Ин.6,33), продолжает: «Словом «день», как думаю, означает нынешний век. Или, чтобы яснее истолковать это место молитвы, можно сказать: хлеб наш, который Ты уготовал в начале для бессмертия естества (человеческого), дай нам день, в настоящей мертвенной жизни, чтобы вкушение хлеба жизни и познания победило греховную смерть, – того хлеба, причастия которого лишило преступление Божественной заповеди первым человеком. Ведь если бы он насытился этой Божественной пищей, то не был бы взят в плен смертью греха.

Однако молящийся о том, чтобы получить этот насущный хлеб, не получает его весь целиком таким, каков он есть, но получает лишь настолько, насколько сам получающий может (воспринять его). Ибо Хлеб жизни, как Человеколюбец, хотя дает Себя всем просящим, но не всем одинаково: совершившим великие деяния дает больше, а совершившим (деяния) меньшие дает меньше, то есть дает каждому, насколько может принять его духовное достоинство.

К такому пониманию настоящего изречения (молитвы) привел меня (Сам) Спаситель, повелевающий ученикам (Своим) не заботиться вовсе о чувственной пище, говоря им: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться» (Мф.6,25), «потому что всего этого ищут люди мира сего» (Лк.12,30), а вы «ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф.6,33). Как же (Господь) учит в молитве не искать того, что Он (Сам) прежде заповедовал? – Ясно, что в молитве Он не велел просить того, что и в заповеди (Своей не повелел), ибо в молитве мы должны просить о том, что и по заповеди должны искать. А что (Господь) искать не позволяет нам, о том и

молиться незаконно. Если Спаситель заповедал искать одного Царства Божия и правды, то Он побуждал добывающихся Божественных даров и в молитве просить о том же, чтобы, через эту молитву утвердив благодать искомым по природе (благ), соединить и отождествить через относительное единение волю просящих с желанием Подателя благодати.

Если же молитва повелевает нам просить и того повседневного хлеба, которым естественно поддерживается наша настоящая жизнь, то это для того, чтобы мы не переходили границ молитвы, охватывая мыслью целые периоды лет, и не забывали, что мы смертны и имеем (здешнюю) жизнь, подобную преходящей тени, но чтобы, не отягощаясь лишней заботой, просили в молитве и хлеба на день. И покажем, что мы любомудренно, по Христу, превращаем (земную) жизнь (нашу) в размышление о смерти, по своей воле упреждая природу и до наступления смерти отсекая от души попечение о телесном, дабы она не прилеплась к тленному и не извращала (влечением) к материи естественного употребления (своего) стремления (к Богу), приучаясь к любостяжанию, лишаящему богатства Божественных благ.

Итак, будем избегать, насколько возможно, любви к материи и смоем, как пыль, с мысленных очей (наших) саму связь с ней; будем довольны одним тем, что поддерживает нашу жизнь, а не тем, что доставляет ей наслаждение. Будем молить Бога, как научились, о том, чтобы душе нашей не впасть в рабство и не подпасть, ради тела, под иго зримых (вещей). Тогда ясно будет, что мы едим для того, чтобы жить, а не живем для того, чтобы есть, поскольку первое свойственно разумной природе, а второе – неразумной. Будем строгими блюстителями этой молитвы, самими делами (своими) показывая, что мы твердо придерживаемся одной-единственной жизни – жизни в Духе, и для стяжания ее употребляем (всю) настоящую жизнь. Докажем на деле, что ради жизни духовной мы только терпим эту [бренную жизнь], подкрепляя ее одним хлебом и сохраняя, насколько возможно, в здоровом состоянии только для того, чтобы нам не (просто) жить, но жить для Бога».

Блаж. Феофилакт. Господь научает просить хлеба только «насущного», т.е., полезного для нашего существования и для поддержания жизни, отнюдь не лишнего, но необходимого.

«Насущным» называет хлеб тот, который достаточен для сохранения нашего естества в силе. Словом же «день» устраняется забота о завтрашнем дне. – И тело Христово есть насущный хлеб, о неосужденном причащении которого нам должно молиться.

Симеон Солунский. Перед этим испрашивали мы небесного; но будучи смертны, и имея нужду для поддержания жизни в хлебе, просим и его, как человеки, зная, что и он в деснице Твоей, Отче наш, и что Ты один, не скуден, мы же всем скудны. Впрочем, прося хлеба, не слишком много его просим, а сколько требуется для употребления «день»: ибо мы научены не заботиться о завтрашнем дне, потому что Ты, Отче, как ныне Кормитель наш есть, так завтра и всегда будешь им. – И еще, – молясь о хлебе насущном, мы молимся и о живом хлебе небесном, всесвятом теле Слова живаго, не вкушающий Которого жив не будет. И Он есть насущный хлеб наш, как укрепляющий и освещающий душу и тело. Не вкушающий его не имеет жизни в себе, а вкушающий «жив будет во веки» (Ин.6:43, 58).

Свт. Тихон Задонский. Хлеб насущный, по пониманию святого Иоанна Златоуста, означает – повседневный. Здесь понимается не только хлеб, но и все необходимое для этого временного жития, например, питье, одеяние, покой, дом и прочее, как некоторые толкуют. Не просим богатства, но просим нужного к поддержанию этой жизни. Не о деньгах, не о роскоши, ни о многоценном одеянии, ни об ином подобном повелено молиться, но только о хлебе, и о хлебе повседневном, чтобы о завтрашнем не заботились, – говорит святой Златоуст. Отсюда следует, что христианину не должно заботиться о богатстве, многоценном одеянии, богатых домах, богатой пище и прочем, тому подобном. Ибо христианин всегда должен быть готов к тому, что его позовет Господь, и тогда все это он вынужден будет оставить. Зовет же Господь всякого к Себе через смерть. Хочет, – говорит святой Иоанн Златоуст, – чтобы мы всегда

были готовыми и тем довольствовались, что естеству нашему нужно. Когда молимся: «хлеб дай нам», исповедуем, что мы нищие, убогие и бедные, и потому всего у Бога должны просить, и что ни имеем, должны благодати Его приписывать, как Псаломник поет: "Очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь им пищу их в свое время; открываешь руку Твою и насыщаешь всё живущее по благоволению» (Пс.144,15–16). Когда говорим: «хлеб наш дай», то показываем, что не только о своем пропитании просим, но и о прочих, из любви христианской. Ибо любовь христианская требует, чтобы мы не только о себе, но и о ближних наших заботились. Известно, что Бог, так как Щедр, не только христианам, но и не знающим Его подает временные блага. Но христианам должно всю веру у Него просить, как сынам у отца, и тем показывать, что все, что ни имеют необходимое для жизни, – Божие добро, и так, принимая благодеяние, благодарить Благодетеля.

5-е прошение «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Тертуллиан. После обращения к божеской щедрости, надлежит испрашивать и Его милосердия. Пища не все обнимает нам нужное и полезное. Знал Господь, что один Он всегда безгрешен. Почему научает нас молиться об отпущении долгов наших. Это исповедь, испрашивание прощения. Кто испрашивает прощения, тот исповедует грех. Так доказывается, что Бог принимает и покаяние; его желает более, нежели «смерти грешника» (Иез.33,11). Долг в Писании есть образ греха; и подлежит суду и истязанию, от которого не избавится истязуемый, пока не воздаст всего, как изобразил Господь в притче (Мф.18:23–34). Притча та вся относится к истолкованию смысла настоящего прошения. Ибо то, что там, в притче, раб, помилованный господином, не пощадил ради сего своего должника, и за то, по донесению о том господину, предан истязателю для взыскания с него долга до последнего кодранта, т.е. до малейшего остатка его, к тому ведет, чтобы расположить и нас прощать должникам своим, для получения прощения от Господа. С тою же целью Господь и в другом месте заповедал: «прощайте, и прощены будете» (Лк.6,37). И когда Петр спросил Его, прощать до семи ли раз, сказал: «не говорю тебе: до семи раз, но до семидесяти семи* раз» (Мф.18,22).

Св. Киприан Карфагенский. По испрошении пищи испрашивается отпущение грехов, чтобы человек, питаемый Богом, и жил в Боге, и заботился не только о временной, но и о вечной жизни, – а ее можно достигнуть, если прощены будут грехи, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами, говоря: «весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня» (Мф.18,32). И сколь необходимо, сколь прозорливо и спасительно напоминание, которым мы, грешники, побуждаемся к молению о грехах, чтобы, испрашивая милосердие у Бога, дух приходил в самосознание! Для устранения довольства собою, как бы невинными, для избежания опасности погибнуть через высокомерие, нам повелевается ежедневно молиться о грехах и

тем дается напоминание и наставление, что мы и грешим ежедневно. То же указывает в Послании своем Иоанн, говоря: «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши» (1Ин.1,8–9). В Послании своем он объял и то, что мы должны просить о грехах, и то, что получим прощение, если будем просить. Ибо он назвал Господа верным, т.е. верно исполняющим свое обещание; а Научивший нас молиться о грехах и долгах наших обещал нам милосердие Отца и следующее затем прощение. К этому Господь ясно присовокупил и прибавил закон, ограничивающий нас известным условием и обетом, по которому мы должны просить, чтобы нам оставлены были долги так, как и мы оставляем должникам нашим, зная, что не может быть получено нами отпущение грехов, если мы не сделаем того же относительно должников наших. Потому-то и в другом месте Он говорит: «какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф.7,2). Да и раб, который не захотел простить своему товарищу тогда, как господин простил ему самому весь долг, заключен был в темницу; он утратил оказанное ему Господом снисхождение, потому что не захотел оказать товарищу снисхождения (Мф.18,27–34). Это еще сильнее и с большей строгостью Своего суда излагает Господь в заповедях Своих. "И когда, – говорит, – стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мр.11,25–26). Итак, тебе не остается никакого извинения в день суда: ты будешь судим по собственному своему приговору, с тобою поступят так, как сам ты поступишь с другими.

Бог заповедует, чтобы в доме Его жили только мирные, согласные и единомышленные. Он хочет, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Он сделал их вторым рождением; чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божиим; чтобы у нас, у которых один дух, было одно сердце и чувство. Он не принимает жертвы от того, кто находится во вражде, и повелевает таковому возвратиться от алтаря и прежде

примириться с братом, чтобы потом можно было умиловать Бога мирными молениями. Для Бога большая жертва – наш мир и братское согласие, народ, соединенный в единстве Отца и Сына и Святого Духа. При первых жертвоприношениях, принесенных Авелем и Каином, Бог не смотрел на дары их, но на сердца, так что тот угодил Ему дарами, кто угодил сердцем. Мирный и праведный Абель, принеся в невинности жертву Богу, дал урок и другим, приносящим дар к алтарю, – приходите туда со страхом Божиим, с простым сердцем, с законом правды, с миром согласия. Принеся жертву Богу с таким расположением, он потом и сам сделался жертвой Богу: хранитель правды Господней и мира, он первый, претерпев мученичество, славой своей крови предначал страдание Господне. Таковые наконец и увенчиваются от Господа! Таковые в день суда будут судить с Господом! Напротив, кто находится во вражде и несогласии, кто не имеет мира с братьями, тот, по свидетельству блаженного апостола и Священного Писания, хотя бы претерпел смерть за имя Христово, все же останется виновен во вражде братской (1Кор.13, 3); а в Писании сказано: «всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1Ин.3,15), человекоубийца же не может ни достигнуть Царства Небесного, ни жить с Богом. Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа. Каков же это грех, который не омывается и крещением крови? Каково преступление, которого нельзя загладить и мученичеством?

Св. Григорий Нисский. Слово, простираясь вперед, вошло на самый верх добродетели. Ибо словами молитвы изображает, каким по его требованию должен быть приступающий к Богу; показывает, что он уже вне пределов естества человеческого и уподобляется по добродетели Самому Богу, так что, делая то, что свойственно делать одному Богу, по-видимому, и сам делается вторым богом. Ибо оставление долгов есть Божие свойство, и свойство преимущественное, – сказано: никто не «может прощать грехи, кроме одного Бога» (Лк.5:21). Поэтому если кто в жизни своей уподобился отличительным чертам Божия естества, то сам некоторым образом делается тем же, с кем сходство показал в себе точным уподоблением.

Итак, чему же учит слово это? Во-первых, с дерзновением, на какое приобретено право предшествовавшей жизнью, сознать в себе уподобление Богу, и тогда уже осмелиться называть Бога Отцом своим и просить прощения в прежних прегрешениях, потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желает, но тому, кто делами приобрел себе право просить с дерзновением. Ибо это прямо внушает нам Господь в настоящем изречении, а именно, приступая к благодетелю, будь сам благодетелем; приступая к доброму, будь добрым; приступая к правдивому, будь правдивым; приступая к терпимому, будь терпеливым; приступая к человеколюбивому, будь человеколюбивым, а также будь и всем иным, приступая к добросердному, к благосклонному, к общительному в благах, к милующему всякого, и, если еще что усматривается божественного, во всем этом уподобляясь произволением, приобретай тем себе дерзновение на молитву. Поэтому, как невозможно лукавому освоиться с добрым и покрытому нечистыми сквернами иметь общение с чистым и нескверным, так приступающего к Божию человеколюбию отлучает от него жестокосердие. Поэтому, кто за долги держит человека в своей власти и обходится с ним жестоко, тот нравом своим устранил себя от Божия человеколюбия. Ибо какое общение у человеколюбия со зверством, у любвеобильного расположения со свирепостью и у всего прочего, что противоположно злу, с принадлежащим противной стороне и находящимся в таком непримиримом ему сопротивлении, что преданный ему необходимо удален от противоположного? Как сделавшийся добычей смерти уже не жив и наслаждающийся жизнью удален от смерти, так приступающему к Божию человеколюбию совершенно необходимо быть чуждым всякой жестокости. А кто сделался чуждым всего понимаемого под именем порока, тот некоторым образом по такому нраву делается богом, доводя до преуспевания в себе то, что разум признает и о Божественном естестве.

Видишь, до какого величия Господь возвышает слушателей словами этой молитвы, прелагая некоторым образом естество человеческое в божественное и узаконяя, чтобы приступающие

к Богу сами сделались богами? «Для чего, – говорит Он, – ты, поражаемый страхом, бичуемый своей совестью, раболепно приходишь к Богу? Для чего сам себе заграждаешь дерзновение, заключенное в свободе души и изначально существенно принадлежащее естеству? Для чего льстишь словами Небольстимому? Для чего с услужливыми и угодливыми речами обращаешься к Тому, Кто взирает на дела? Тебе, одаренному свободой и благоразумием, можно со властью иметь всякое благо, какое только дается от Бога. Будь сам себе судьей. Произнеси себе спасительный приговор. Желаеть, чтобы отпущены были тебе Богом долги? Отпусти сам; Бог изрек приговор; твой суд над соплеменником, в котором ты властен, каков бы то ни был, есть и твой приговор. Что сам о себе знаешь, то подтверждено о тебе и Божиим судом».

Но как достойным образом раскроет кто все величие Божия слова? Заключаящаяся в нем мысль превосходит словесное истолкование. «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Ту мысль, какая мне приходит при этом на ум, смело и держать в уме, а еще смелее раскрыть ее в слове. Ибо что сказано? Как преуспевающим в добре представляется в подражание Бог по словам апостола: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1Кор.11:1), так, наоборот, требуется, чтобы твое расположение к добру стало образцом для Бога, изменяется некоторым образом порядок и мы осмеливаемся надеяться, что, как в нас подражанием Богу совершается доброе, так и Бог будет подражать нашим делам, когда преуспеваем в чем-либо добром, и ты можешь сказать Богу: «Что сделал я, сделай и Ты; подражай рабу своему, Ты, Господь; убогому и нищему – Ты, царствующий над всем; я отпустил долги, не взыскивай и Ты! Я уважил просителя, не отвергни и Ты просящего! Я отпустил должника своего веселым, таков пусть будет и Твой должник! Не делай, чтобы Твой был грустнее моего! Пусть оба равно благодарят оказавших милость! Пусть посредниками обоих подтверждено будет равное отпущение и моему и Твоему должнику! Мой должник – такой-то, а Твой – я; какое решение дал я о своем должнике, такое же

да возымеет силу и у Тебя; я разрешил, разреши и Ты! Я отпустил, отпусти и Ты! Я великую милость оказал соплеменнику, подражай и Ты, Господи, человеколюбия раба Твоего».

«Но мои прегрешения перед Тобою тяжелее сделанных предо мною моим должником. Признаю это и я; рассуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всяком добре. Тебе справедливо нам, согрешившим, даровать милость, соразмерную преизбытку Твоего могущества. Малое человеколюбие оказал я, потому что большего не вмещает природа моя, а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспрепятствует щедродаровитости Твоей».

Но с большей тщательностью уразумеем предлежащее изречение молитвы; рассмотрение смысла его, может быть, и для нас послужит неким руководством к высокой жизни. Потому исследуем, каковы те долги, которым повинно естество человеческое, и еще каковы те долги, отпущение которых в нашей власти; познание этого доставит нам достаточное некое уразумение преизбыточества Божиих благ. А поэтому сделаем здесь перечисление человеческих прегрешений перед Богом. Человек стал подлежать наказанию от Бога, во-первых, за то, что отступил от Сотворившего и предался противнику, сделавшись беглецом и отступником от Того, Кто его Владыка по естеству; во-вторых, за то, что самовластную свободу променял на лукавое рабство греху и быть под самоуправством тлетворной силы предпочел сопребыванию с Богом. Да и это – не взирать на красоту Создавшего, а обратить лицо к гнусности греха – можно ли признать каким-либо вторым из зол? И какой род наказаний заслуживающими счесть должно презрение Божественных благ, предпочтение же приманок лукавого? Заглаждение образа, повреждение Божественных черт, отпечатленных в нас при начале творения, потеря драхмы, удаление от отчей трапезы, освоение со зловонной жизнью свиней, расточение драгоценного богатства и все подобные прегрешения, какие можно видеть при помощи Писания и рассудка, исчислит ли какое слово?

Итак, поскольку род человеческий за таковые вины должен понести от Бога наказание, то мне кажется, что поэтому слово Божие учением, изложенным в молитве, наставляет нас к молитвенному собеседованию с Богом, хотя бы кто из нас и всех более далек был от человеческих прегрешений, никогда не приступать с таким дерзновением, как будто бы у него чистая совесть. Ибо иной, может быть, подобно тому богатому юноше, образовав жизнь свою по заповедям, вправе, как и тот, похвалиться своей жизнью и сказать Богу: «Всё это сохранил я от юности моей» (Мф.19:20) – и даже предполагать о себе, что ему, как ни в чем не погрешившему против заповедей, крайне неприлично прошение об оставлении долгов, пригодное одним согрешившим. Оскверненному блудом, скажет он, приличны такие слова, или за любостыжательность обвиняемому в идолопоклонстве необходимо просить прощения и вообще всякому, каким-либо прегрешением уязвившему совесть души, прекрасно и сообразно с нуждой прибегать к милосердию. А если он Илия великий, или действует «в духе и силе Илии» (Лк.1:17), или велик «из рожденных женами» (Мф.11:11), или Петр, или Павел, или Иоанн, или другой кто из тех, чье превосходство засвидетельствовано Божественными Писанием, то для чего употреблять подобные речения, которыми испрашивается оставление долгов тому, на ком нет никакого греховного долга? Для того, чтобы иной, имея в виду что-либо подобное, не впал в высокомерие, подобно тому фарисею, не знавшему, что он такое по естеству. Ибо если бы знал, что он человек, то, конечно, естество свое не представлять чистым от скверны научился бы из Святого Писания, которое говорит: «Не найдешь из людей, чтобы жизнь одного дня могла быть у него без скверны» (Иов.14:4–5). Поэтому, чтобы у приступающего с молитвой к Богу не произошло чего подобного с душой, слово Божие заповедует не смотреть на преуспеяния, но приводить себе на память общие долги человеческого естества, в которых всякий, без сомнения, и сам участвует, как участвующий в естестве, и умолять Судию, чтобы даровал прощение прегрешения.

Ибо так как живет в нас Адам и каждый из нас – человек, то, пока видим на естестве своем кожаные эти хитоны и скоро увядающие листья вещественной этой жизни, которые, обнажившись от вечных и светлых риз, сшили мы себе к вреду своему, вместо Божественных одежд облекши себя в забавы, славу, однодневные почести, убийственные наслаждения плоти, – и пока взираем на это плотское местопребывание, на котором осуждены мы обитать, как скоро обращаемся к востоку (не потому только, что там видим для нас Бог, Который, как вездесущий, не объемлется никаким исключительно местом, но все равно содержит, а потому, что на востоке первоначальное наше отечество, разумею же пребывание в раю, из которого мы изгнаны – «насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке» (Быт.2:8)); поэтому, как скоро обращаем взор «на восток» и мысленно приводим себе на память изгнание из светлых и восточных стран блаженства, справедливо тогда присоединяем сии изречения и мы, отменяемые недоброй смоковницей жизни, отверженные от очей Божиих, самовольно предавшиеся змею, который ест землю и по земле ползает: ходит на груди и на чреве своем и нам советует делать то же – предаваться земным наслаждениям, по земле пресмыкающимися и влачащимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чреве, т.е. заботиться о жизни сластолюбивой, поэтому, в этом находясь состоянии, подобно тому блудному сыну, после долгого бедствования, в каком пребывал, пася свиней, как скоро приходим, как и он, в себя и приводим себе на мысль Небесного Отца, тогда прекрасно пользуемся таковыми изречениями: «Остави нам долги наши».

Поэтому хотя бы кто был Моисеем и Самуилом и другим кем из прославившихся добродетелью, тем не менее, поскольку он – человек, почитает для себя приличными слова эти, как причастный Адамова естества, участник и его падения. Поскольку как говорит апостол, «как в Адаме все умирают» (1Кор.15:22), то изречение, какое прилично Адаму при покаянии, надлежит быть общим для всех с ним умерших, чтобы нам при даровании прощения прегрешений снова, как говорит апостол, спастись благодатью Господней (Еф.2:5). Но сказано, чтобы

иной при взгляде на более общее мог уразуметь предлагаемое в слове. Если же кто будет искать истинного смысла в изречении, то, думаю, не потребуется от нас возводить понятие к общему взгляду на естество, потому что достаточно совести, чтобы в рассуждении каждого поступка в жизни соделать необходимым прошение о помиловании.

Поскольку в этом мире жизнь наша, как думаю, подлежит многообразными влияниям, как по душе и разумению, так и по чувствам телесным, то трудно или и совершенно невозможно не увлечься ко греху хотя бы одной какой-либо страстью. Например, эта любящая наслаждения жизнь относительно к телу делится по нашим чувствам, а относительно к душе оказывает себя в стремлении разума и в движении произвола – кто же столько возвышен и одарен таким благоразумием, чтобы по той и другой жизни избежать ему всякой скверны порока? Кто безгрешен оком? Кто невинен слухом? Кто чужд этого скотского услаждения гортани? Кто чист от прикосновения ко греху осязанием? Кому неизвестна эта предлагаемая Писанием загадка: «смерть входит в наши окна» (Иер.9:21)? Ибо чувства, посредством которых, сообщаясь с внешними предметами, душа по выбору занимается ими, Писание назвало окнами, которые, по слову же Писания, и пролагают путь для входа смерти. Действительно, многих смертей входом делается часто глаз: видит он раздраженного и сам возбуждается к той же страсти, или видит благоденствующего не по достоинству и воспламеняется завистью; или видит горделивого и впадает в ненависть; или видит какое-либо доброцветное вещество, красивое расположение лица и всецело погружается в вожделение нравящегося. И ухо отворяет окна смерти вместе с тем, что слышит, принимает в душу многие страсти: страх, печаль, раздражение, удовольствие, вожделение, неумеренный смех и тому подобное. А услаждение вкуса, как скажет иной, есть мать всех по порядку зол. Ибо кому не известно, что корнем почти всех погрешностей в жизни служит заботливость о гортани? От нее зависят роскошь, пьянство, чревоугодие, беспорядочное поведение, многоядение, пресыщение, разгульная жизнь, скотское и неразумное падение в страсти

бесчестия. Подобным образом чувство осязания составляет крайний предел всех согрешений; все, что ни делается для тела сластолюбцами, принадлежит к числу недугов осязательного ощущения, подробное описание которых было бы продолжительно; да и неприлично к предметам важным примешивать все то, что служит в укоризну осязанию. А весь рой погрешностей души и произвола в состоянии ли и исчислить какое слово? Сказано: изнутри «исходят злые помыслы» (Мф.15:19) – и присоединен список оскверняющего нас помыслом. Итак, если повсюду распростерты нам сети грехов всеми чувствилищами и сердечными движениями души, то «кто похвалится, – как говорит Премудрость, – что имеет чисто... сердце» (Притч.20:9)? «Кто... чист... от скверны?» – как о подобном этому свидетельствует Иов (Иов.14:4). А скверна для душевной чистоты есть удовольствие во многих видах и многими способами примешиваемое к человеческой жизни и душой и телом, помышлениями и чувствами, намеренными движениями и телесными действиями. Итак, у кого душа чиста от этой скверны? Кто не был поражен кичливостью? Кто не погран ногой гордыни? Кого не поколебала рука грешная? Чья нога не поспешала к пороку? Кого не оскверняло бесчинное око, не ввергал в нечистоту невежественный слух, не занимал собою вкус? У кого сердце оставалось бездейственным для суетных движений?

Поскольку в нас есть все это, и в живущих скотски весьма дурно и несносно, в более же внимательных к себе сноснее, но все, кто одного с нами естества, всегда непременно участвуют в погрешностях естества, то, припадая в молитве к Богу, просим поэтому оставить нам долги. Но не приемлется таковой глас и не достигает Божественного слуха, если не вопиет вместе и наша совесть, что оказанное милостью делиться с другими – прекрасное дело. Ибо кто рассуждает, что человеколюбие прилично Богу (а если бы не признавал приличным, не стал бы просить у Бога неприличного и несообразного), от того справедливость требует, собственными своими делами подтвердить суждение о прекрасном деле, чтобы самому не услышать от праведного Судии: «Врачу исцелися сам». Меня

умоляешь о человеколюбии, которым не делишься ты с ближними. Просишь об оставлении долгов – почему же сам мучишь должника? Умоляешь, чтобы рукописание на тебя было изглажено, а сам тщательно хранишь договоры с занявшими у тебя в долг? Просишь об уменьшении счета долгов, а сам данное в долг приращаешь лихвой? Твой должник в темнице, а ты в молитвенном доме. Он страдает за долги, а ты испрашиваешь оставление долга? Твоя молитва не услышана, потому что заглушает ее голос страждущего. Если разрешишь телесный долг, разрешены будут тебе душевные узы. Если простишь, прощено будет и тебе; сам будешь своим судьей, сам себе предпишешь закон, расположением к лежащему у ног твоих, произнося свыше приговор себе».

Поэтому если намереваемся принести Богу моление о милости и прощении, то приуготовим дерзновение совести, представим жизнь свою ходатаицей за произносимую молитву, чтобы воистину можно было сказать: «Как и мы» простили «должникам нашим».

Св. Кирилл Иерусалимский. «И прости нам долги наши...» Ибо много у нас грехов; падаем и словом и мыслью, и весьма много делаем достойного осуждения. Почему «если говорим, что не имеем греха», то скажем, как говорит Иоанн (1Ин.1,8). «Как и мы прощаем...» И с Богом вступаем в договор, умоляя Его прощать нам грехи, как мы прощаем долги ближних. Поэтому, представляя в уме, взамен чего и что получаем, не станем ждать и медлить взаимным друг другу прощением. Поступки против нас сделанные малы, неважны, удобозаглаждаемы; а грехи, сделанные нами против Бога, велики и имеют нужду в человеколюбии, свойственном одному Богу. Посему будь осторожен и, по причине неважных и малых прегрешений против тебя, не загради для себя возможности получить от Бога прощение в самых тяжких грехах.

Свт. Иоанн Златоуст. Далее, – так как случается грешить и после купели возрождения, то Спаситель, желая и в этом случае показать Свое великое человеколюбие, повелевает нам приступать к человеколюбивому Богу с молением об оставлении грехов наших, и так говорить: «Прости нам долги наши, как и мы

прощаем должникам нашим». Видишь ли бездну милосердия Божия? После отъятия стольких зол, и после неизреченно великого дара оправдания, Он опять согрешающих удостаивает прощения. А что эта молитва принадлежит верным, – показывают как уставы Церкви, так и начало самой молитвы Господней. Непросвещенный верою не может Бога называть Отцом. Если же молитва Господня принадлежит верным, и если она повелевает им молиться об отпущении грехов, то явно, что и после крещения не уничтожается благодетельное употребление покаяния. Если бы Христос не хотел показать этого, то не заповедал бы и молиться таким образом. Когда же Он упоминает и о грехах, и повелевает просить их прощения, и научает, каким образом мы можем получить это прощение, и тем самым делает для нас легким путь к получению его, то, без сомнения, дал этот закон молитвы потому, что и сам совершенно знал, и нам желал внушить, что и после крещения можно омыть грехи. Напоминанием о грехах Он внушает нам смирение; повелением отпустить другим уничтожает в нас злопамятство; а обещанием за это и нам прощения утверждает в нас благие надежды и научает нас размышлять о неизреченном человеколюбии Божиим. Особенно же достойно замечания то, что Он в каждом вышесказанном прошении упомянул о всех добродетелях, а этим последним прошением еще объемлет и злопамятство. И то, что через нас святится имя Божие, есть несомненное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показывает то же самое; и то, что мы называем Бога Отцом, есть признак непорочной жизни. Во всем этом уже заключается, что должно оставлять гнев на оскорбляющих нас; однако Спаситель этим не удовлетворился, но, желая показать, какое Он имеет попечение об искоренении между нами злопамятства, особо говорит об этом, и после молитвы припоминает не другую какую заповедь, а заповедь о прощении, говоря: «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Матф.6,14). Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд произносимый о нас. Чтобы никто из неразумных, будучи осуждаем за великое или малое

преступление, не имел права жаловаться на суд, Спаситель тебя, самого виновного, делает судьей над самим Собою, и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и Я произнесу о тебе; если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние, – хотя это последнее на самом деле гораздо важнее первого. Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, сам ни в чем не имея нужды; ты прощаешь сорабу, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен. С другой стороны, Господь показывает Свое человеколюбие тем, что хотя бы Он мог и без твоего дела простить тебе все грехи, но Он хочет и в этом благодетельствовать тебе, во всем доставляет тебе случаи и побуждения к кротости и человеколюбию; гонит из тебя зверство, угащает в тебе гнев и всячески хочет соединить тебя с твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпел какое-нибудь от ближнего зло? Если так, то, конечно, ближний согрешил против тебя; а если ты претерпел по правде, то это не составляет греха в нем. Но и ты приступаешь к Богу с намерением получить прощение в подобных, и даже гораздо больших грехах. Притом еще прежде прощения мало ли получил ты, когда ты уже научен хранить в себе человеческую душу и наставлен кротости? Сверх того и великая награда предстоит тебе в будущем веке, потому что тогда не потребуется от тебя отчет ни в одном грехе твоём. Итак, какого будем достойны мы наказания, если и по получении таких прав оставим без внимания спасение наше? Будет ли Господь внимать нашим прошениям, когда мы сами не жалеем себя там, где все в нашей власти?

Словами: «Хлеб наш... дай... на сей день», научив нас высокому любомудрию (возлагать на Бога печаль свою, в уверенности, что Тот печется о нас), и зная, что невозможно, чтобы мы, как люди облеченные смертным телом, не падали, Господь научает еще говорить в молитве: «и прости нам долги наши...» Этими словами доставляются три блага вместе: достигших высоты добродетелей, Он научает смиренномудрию и увещевает не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежних грехах, как поступал и

божественный Павел, который после бесчисленных подвигов говорил: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1Тим.1, 15). Не сказал: «я был», но «есть», выражая, что он непрестанно вспоминал о грехах своих. Итак, достигшим высоты добродетелей Господь доставляет этими словами безопасность в смиренномудрии; а падшим после благодати Святаго Крещения не попускает отчаиваться в своем спасении, но научает их просить у врача душ врачевства прощения. Кроме того, эти слова научают человеколюбю. Он хочет, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами предуготовляли себе меру человеколюбия. Ибо мы просим столько даровать нам, сколько сами даем ближним и испрашиваем себе такого же прощения, какое даем своим должникам.

Св. Кассиан. Неизреченное Божие милосердие! Оно не только передало нам образ молитвы, не только изложило нам правила нравственности, через исполнение которых мы можем угодить Богу, и не только исторгает самые корни гнева и уныния силою предписанного образа непрестанной молитвы, но даже подает молящимся средство к снисканию себе милости и любви в День откровения Суда Божия и некоторым образом сообщает нам власть смягчить определение Судии нашего и как бы обязать Его к прощению наших согрешений примером собственного нашего прощения: «Прости нам, – говорим Ему, – как и мы прощаем». Итак, в надежде на эту молитву смело может просить отпущения грехов всякий, кто только отпустил своим должникам, но не должникам своего Господа. Ибо некоторые из нас (что всего хуже) бывают обыкновенно милостивы и весьма снисходительны к тем поступкам, которые оскорбляют Бога, хотя бы они были великими преступлениями, и, напротив, являются жестокими и неумолимыми отмстителями за собственные малейшие оскорбления. Посему кто от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату своему, тот сею молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение и сам собственным признанием призывает на себя строгий суд, говоря: «Прости мне, как и я простил». Ибо если

эта молитва его будет услышана, то, в соответствии примеру его, что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и неперемнное определение наказания. Итак, если мы хотим быть судимы милостиво, то и сами должны быть милостивы к тем, которые против нас согрешили; ибо столько отпустится нам, сколько мы отпустим тем, которые причинили нам какой-либо вред своею злостью. Некоторые, страшась того, чтобы не показать, что произнесением этих слов молитвы они более обвиняют себя, нежели извиняют, молча пропускают их, тогда как весь народ поет оные в церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости перед Судиею всех, Который восхотел наперед показать своим подсудимым, как Он будет судить их, то есть Он показал нам такой образ суда, по которому не хочет явиться строгим и неумолимым, но как мы хотим от Него быть судимы, так должны судить и братьев наших, если они в чем-либо согрешат против нас: «Ибо суд без милости будет не оказавшему милости» (Иак.2, 13).

Блаж. Августин. Долгами, очевидно, здесь называются грехи, как и в другой раз, когда возвестили о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами и о восемнадцати побитых падшим столпом Силоамским, Господь сказал: «думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали?» И потом прибавил: «если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк.13,2–3). Итак здесь не деньги оставлять должникам понуждаемся, а то, чем согрешили против нас другие. Деньги оставлять повелевает нам заповедь, положенная выше: «и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф.5,40). Но и здесь не поставляется в необходимость всякому денежному должнику оставлять долг, а тому, который не хочет отдавать с таким нехотением, что даже готов тягаться: «рабу же Господа не должно ссориться», как говорит Апостол (2Тим.2,24). Итак, когда кто, ни самоохотно, ни по убеждению, не хочет отдать должных денег, тому надо оставлять их. Ибо если не хочет он отдать, то делает это по двум причинам, или потому что не имеет, или потому, что скуп и жаден до чужого. Но то и другое обличает скудость: первое – житейскую, а второе душевную. Почему кто

отпустит такому долг, отпустит неимущему и сделает христианское дело. Впрочем, если кто, держа на сердце готовность оставить то, чем ему кто должен, кротостью и дружелюбием так подействует на своего должника, что тот отдаст ему долг, – не столько о возвращении денег заботясь, сколько о том, чтобы исправить этого человека, для которого, конечно, пагубно иметь из чего отдать и не отдать; то он не только не погрешит, но еще сделает дело полезное, чтобы тот, присвоив себе чужие деньги, не потерпел вреда душевного, с которым ни какой другой не может идти в сравнение. Из сего можно однако ж заключить, что и в этом пятом прощении, хотя не о деньгах прямо говорится, а о всем том, чем кто погрешает против нас, но под этим можно разуметь и денежный долг. Ибо тот, кто не отдаст тебе должных денег, когда имеет из чего отдать, погрешает против тебя. И если ты не отпустишь этого греха, то не можешь говорить: «Прости нам, как и мы прощаем».

Просим отпустить нам долги; потому что все мы должники перед Богом, не деньгами, а грехами. Скажешь, может быть: и вы? – Отвечаю: и мы. И вы, святые епископы, должники? Да – и мы должники. Неужели и вы? Быть не может, Владыко мой; не говори на себя неправды. Не неправду на себя говорю, а говорю истину: должники мы. И «если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин.1,8). И крещены мы, и должники. Не потому, чтобы оставалось что либо за нами, что не было бы отпущено в крещении; но потому, что, живя, набираемся того, что имеет нужду в каждодневном отпущении. Которые, только что окрестившись, отходят (из сей жизни), те без всякого долга восходят (горе) и проходят (в небесные обители). А которые, окрестившись, остаются жить в сей жизни, те, по немощи нравственной, набирают в себя много такого, что хотя не причиняет крушения (кораблю жизни), должно однако ж быть очищаемо (выкачиваемо). Ибо если не очищать (не выкачивать), то мало-помалу внутрь столько найдет, что весь корабль погрузится. Молиться показанным образом и значит – очищать себя (выкачивать из себя наплывшее). И если б не дано было нам так очищать себя каждодневно святою молитвою, то мы поставлены были бы в

большую крайность, несмотря на то, что в бане возрождения омыты все грехи наши. Но се благодарение Господу! Милостыни и молитвы очищают грехи наши, только бы не были учинены такие, за которые следует лишить нас хлеба насущного (св. причащения), – только бы избегали мы таких, которые подвергают строгому осуждению.

Никто из вас да не почитает себя праведным, который не имел бы нужды говорить: «Прости нам долги наши». Пусть далеки вы от идолопоклонства, от звездочётства, от волхвований; пусть непричастны еретичества и раскола; пусть отвращаетесь от человекоубийства, блуда, хищничества лжесвидетельства и всяких подобных непотребств; но и кроме этого есть многое, чем человек грешит. Взирая с вожделением на недолжное, он грешит. Но кто удержит быстродвижность ока? – Глаз впрочем, тотчас закрыть можешь, если захочешь; а ухо и закрыть не всегда можешь, и оно набирается против воли речей срамных, нечистых, соблазнительных, злословных и хульных. Слыша женоподобное, не грешишь ли ухом, хоть и не делаешь того делом? И язык сколько учиняет грехов, нередко и таких, за которые следует удалять от чаши? Празднословие, пересуды, злословие, хулы – его дело. Но пусть рука не делает ничего худого, нога не течет на зло, око не направляется вожделением, ухо не приемлет непотребного, язык не говорит недолжного: кто удержит помыслы, скажи мне? Не бывает ли часто, братья мои, что когда молимся, мыслями блуждаем не зная где, забыв перед Кем стоим и перед Кем простершись лежим долу? – Если все подобное собрать вместе, неужели это не должно тяготить совести, хотя каждое отдельно есть малость? Какая разница – свинец ли давит тебя или песок? – Свинец массою давит, а песчинки количеством. Каждая ничтожна, а когда много их соберется, они также давить могут, как и свинец. – Малы грехи! – Не видишь, как из капель составляются реки? Малы, да многочисленны.

Итак будем всегда взывать и взывать искренно: «прости нам долги наши», делом исполняя и то, что далее следует: «как и мы прощаем должникам нашим». Бог благоволит вступить с нами в уговор. Так говорит тебе Господь Бог Твой: «отпусти, и

отпущу. Не отпустил ты: сам против себя идешь, а не Я» – Итак, отпускайте все, что ни имеет кто в сердце своем против другого. Отпусти от сердца, – будь уверен, что вместе с тем прощаются тебе все грехи твои, словом, делом и помышлением совершенные. Кто поживет на земле сей и не поимеет врага? Но напрягитесь любить их. Самый ярый враг твой не может причинить тебе такого зла, какое сам ты себе причиняешь, если не любишь врага. Он может вред нанести или полям твоим, или скоту твоему, или дому твоему, или рабу твоему, или рабе твоей, или сыну твоему, или супруге твоей, или – самое большое, если дана будет ему власть, – плоти твоей. Настолько ли все это разрушительно, насколько то, когда ты (не прощая ему) вред причиняешь душе своей? Простритесь же, возлюбленные, к такому совершенству, умоляю вас. И не думайте, чтобы это было невозможно: я знаю, знал, на самом деле видел христиан, которые любят врагов своих. Чтобы и нам успеть в этом, веруйте, что это возможно, и молитесь, да будет в вас и в сем отношении воля Божия. – Что тебя раздражает во враге твоём? Конечно не природа человеческая. Неужели потому имеешь его врагом, что он имеет душу и тело? – Ибо и у тебя то же: ты имеешь душу, и он имеет душу, ты имеешь тело, и он имеет тело. Он соестественник тебе: оба из земли сотворены и от Господа одушевлены. Он то же что и ты: усмотри же в нем брата своего. Первые двое – Адам и Ева, были родители наши: он отец, она мать. Стало быть, мы братья. Но оставим это первоначалие наше; Бог – Отец наш, церковь – мать. Стало, – мы братья. Да враг мой – язычник, иудей, еретик, говоришь ты. Но молись, и он станет тем же, чем ты, и вместе со всем другим исчезнет и вражда ваша.

А вы все говорите: кто это может? Кто так делает? – Бог да совершит это в сердцах ваших. – И я знаю, что немногие так делают: но которые делают, те велики, те истинно духовны. Неужели таковы все верные в церкви ко алтарю приступающее, и Тело и Кровь Христовы принимающие? Неужели таковы все? – И однако же все говорят: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Бог праведно скажет им, что просите вы, чтобы Я сделал то, что обещал, когда сами не

исполняете того, что Я заповедал? Что Я обещал? – Простить долги ваши. Что заповедал? – Чтобы и вы прощали должникам своим. Но как можно сказать, что вы это исполняете, когда не любите врагов ваших? – Что же нам делать, братья? До какой малости сокращается стадо Христово? Если одни те должны говорить: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим», которые любят врагов; то и не знаю, что делать, не знаю, что сказать. Сказал бы вам: если не любите врагов ваших, то и не молитесь. Но не смею, а более говорю: молитесь, чтобы полюбить. Не сказать ли вам: если не любите врагов ваших, то не говорите в молитве Господней этого прошения: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»? – Но если не будете этого говорить, грехи ваши на вас будут. И выходит: если не будете говорить, не простятся, если будете говорить и не делать, тоже не простятся. Остается одно: и говорить и делать, чтобы прощены были.

«Прощайте, и прощены будете», сказал Христос Господь (Лк.6,37). И вы что говорите в молитве? – «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Так прости, Господи, как мы прощаем. Это говорите: так прости нам, Отче, сущий на небесах, долги наши, как и мы прощаем должникам нашим? – Это и делать должны вы; и если не будете делать, погибнете. Когда враг просит прощения, тотчас прости ему. И этого будто много для вас? – Много было бы любить врага, когда он злобствует и злодействует. Но неужели много для тебя – любить человека, обращающегося к тебе со смиренной мольбою? Но я желал бы, чтобы ты и тогда (когда он злобствовал) благорасположенно смотрел на него; желал бы, чтобы, перенося его злобу, ты воспоминал Господа, сказавшего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23,34). Этого наиболее желал бы я, – чтобы и в то время, когда враг злокозничает против тебя, ты взирал на Господа Бога Твоего, изрекшего такие слова. Может быть скажешь: Он сделал так, как Господь, как Христос, как Сын Божий, Единородный, как Слово, плоть бывшее; мне же, человеку худому и немощному, куда так? – Если много для тебя подражать Господу Твоему, приведи на мысль сораба своего. Св. Стефан был побиваем камнями, и под

ударами камней, преклонив колена, молился говоря: «Господи! не вмени им греха сего» (Деян.7,60). Те камни пускали в него, не прощения просили; а он молился о них. Таковым быть желаю тебе. Поднимись немного. Что всегда долу – по земле волочишь сердце свое? слышишь: «К Небесам устремим сердца»? Поднимись же, полюби врага. Если не можешь любить, когда он злобствует, полюби по крайней мере, когда просит прощения. Люби человека, который говорит: брат, согрешил я, прости мне. Если в это время не простишь, то не говорю, что молитву изгоняешь ты из сердца своего; – но что себя исключает ты из книги жизни.

Итак, когда просит прощения враг, прости ему, – отпусти неприязнь к нему из сердца: неприязнь, говорю, отпусти из сердца, а не одно взыскание долга. – Скажешь, может быть: он притворяется, обманывает. – О, судия сердца чужого! Скажи мне помышления отца твоего, скажи твои собственные вчерашние помышления. Умоляет, просит прощения; прости, совсем прости. Если не простишь, не ему повредишь, а себе. Не простишь ты, сораб сорабу своему; так он пойдет к Господу – своему и твоему – и скажет Ему: Владыко мой! просил я сораба своего, чтобы он простил мне; не хотел простить. Ты прости! – И Он всеконечно простит. Таким образом, тот отойдет от Господа своего разрешенным, а ты останешься связанным. Как связанным? Придет время молитвы, наступит минута, когда ты скажешь: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»: и Господь ответит тебе: «злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» (Мф.18:32–33). Из Евангелия эти слова, а не из моего сердца. Но если ты, умолен будучи, простишь просящему прощения; то смело уже можешь говорить молитву ту. Хоть ты не силен еще любить врага своего; но молитву ту можешь говорить: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

«Прости нам долги наши», говорим мы, и будем говорить: ибо говорим правду. Кто из живущих во плоти сей, не имеет долгов? Кто из людей так живет, чтобы ему не нужна была

молитва эта? Надмиться так он может; но в правду быть таким не может. – Лучше нам подражать мытарю, а не надмеваться, как фарисей, который, вошедши в храм, хвастался своими заслугами, а раны прикрывал. Но тот лучше знал, зачем вошел в храм, кто говорил: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк.18,10–14). – Рассудите, братья мои. Так молиться научил Господь Иисус учеников Своих, – тех великих первых Апостолов Своих, предводителей наших. Если же предводители наши молятся об отпущении грехов своих, не тем ли более должно это делать нам? – И в Символе Веры, между другими благами домостроительства спасения, вы именуете и оставление грехов (через св. крещение). Отпущение грехов одно есть такое, которое однажды дается, другое же такое, которое дается каждодневно. То, однажды подаваемое, дается во св. Крещении, а это, каждодневное, испрашивается в молитве Господней, пока живем здесь. Почему и говорим: «прости нам долги наши».

Бог вступил с нами в завет и договор, скрепив его крепким рукописанием, когда научил нас говорить в молитве: «как и мы прощаем должникам нашим». Кто хочет иметь действительными слова: «прости нам долги наша», пусть делает, чтобы истинны были слова: «как и мы прощаем должникам нашим». Но если он эти последние слова или не говорит, или говорит лживо; то напрасно говорит и первые. Почему я и внушаю вам непрестанно: прощайте все, что имеете в сердцах своих на кого-либо; прощайте там, где видит Бог. Бывает, что иной прощает устами, а сердцем удерживает: прощает устами ради людей, а сердцем удерживает, не боясь очей Божиих. Простите всецело. Что ни удерживали вы доселе, все простите теперь. Не надлежало никогда солнцу заходить во гнев вашем; а сколько раз заходило оно таким образом? Не думайте, что гнев – ничто. «Смутилось, – говорит пророк, – от ярости око мое» (Пс.6,8). Но у кого око смущено, тот не может видеть солнца: не может видеть умного Солнца и тот, у кого смущено гневом око ума. Что есть гнев? Жажда мести. Грешный человек жаждет отмщения, – тогда как Христос Господь не был отмщен, и св. мученики не были отмщаемы! Еще ожидает Божие долготерпение, да

обратятся враги Христовы, да обратятся враги мучеников. Мы же кто такие, что ищем отмщения? – Если бы Бог восхотел взыскать его от нас, куда бы нам деваться? Но и Он, ни в чем неповинный, не ищет отмщения; а мы во всем виновные, и повседневно Бога оскорбляющие, ищем его. Итак, прощайте, прощайте от сердца. Разгневался ты, не согрешай, как учит Пророк: «Гневаясь, не согрешайте» (Пс.4,5). Гневаются вы, как человеки, быв побеждаемы раздражением; но не согрешайте, удерживая в себе гнев. Если удержите, дойдете до ненависти, которая есть застарелый гнев. Гнев, когда делается застарелым, называется ненавистью, и есть. Что было гневом, когда было ново, стало ненавистью, когда застарело. Гнев – спица; а ненависть – бревно. Если мы, осуждая гневающегося, сами держим на сердце ненависть; то к нам приложимы слова Господа: «что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф.7,3). От чего спица выросла до того, что стала бревном? От того, что не тотчас была исторгнута. Попустив солнцу столько раз восходить и заходить во гнев твоем, ты сделал его застарелым. Набрав к гневу множество лукавых подозрений, ты полил спицу, поливши напитал; напитавши возрастил и сделал ее бревном. Устрашись, по крайней мере, следующего приговора: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1Ин.3,15). Пусть не извлекал ты меча, не наносил ударов, не делал ран на теле брата; но коль скоро есть помысел ненависти в сердце твоём, ради его одного ты считаешься человекоубийцею. Настолько ты виновен перед Богом. Брат и жив; а ты все же убийца. Ты уже убил в себе того, кого возненавидел. Исправься же, очисти себя. Если в дом к вам заберутся скорпионы, сколько трудитесь вы, чтобы очистить от них жилище свое, и жить в чувстве безопасности? – На сколько лиц вы разгневываете, и оставляете гнев эти застаревать в сердцах своих; столько у вас бывает ненавистей, столько и скорпионов и змей. Чего же ради не стараетесь вы очистить от сего дома Божия, сердца своего? Поступайте же так, как говорите: «как и мы прощаем должникам нашим», – чтобы с уверенностью говорить и: «прости нам долги наши». Без долгов нельзя нам прожить на

земле. Но иные из них суть те великие прегрешения, которые омываются крещением, и которых вы всегда должны быть чужды; а иные – повседневные грехи, без которых человек прожить не может, и ради которых необходимо это каждодневное прошение с приложенным к нему условием.

Св. Максим Исповедник. В Боге живущий и Им, как хлебом насущным, питающийся, Божеским преисполняется долготерпением. ...Он предстает перед Богом примером добродетели и, если так можно сказать, призывает Неподражаемого подражать себе, говоря: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим», он молит Бога быть таким, каким он сам был в отношении к ближним. Ибо если он желает, чтобы и Бог простил ему так же, как он сам простил долги согрешившим против него, что как Бог бесстрастно прощает тех, кого прощает, так и он прощает согрешивших, оставаясь бесстрастным к тому, что случается с ним, а поэтому не допускает, чтобы ум (его) был запечатлен воспоминаниями о прежних скорбях, являя себя человеком, не отделяющимся от других людей и не расчленяющим (единое) естество (человеческое). Ибо, когда воля подобным образом соединяется с логосом природы, тогда обыкновенно и происходит примирение Бога с (человеческим) естеством, поскольку невозможно иначе естеству, добровольно бунтующему против самого себя, принять неизреченное снисхождение Божества. И, конечно, Господь желает нашего примирения друг с другом не для того, чтобы научиться у нас примиряться с согрешившими и согласиться на возмещение многих и ужасных обид, но Он для того желает этого, чтобы очистить нас от страстей и показать, что душевное состояние тесно связано с благодатью. И ясно, что когда воля соединилась с логосом природы, то свободное произволение людей, исполняющих это, уже не будет бунтовать против Бога.

Блаж. Феофилакт. Поскольку мы грешим и после крещения, то Господь повелевает молиться, да простит Он нам грехи наши, – простит так, как и мы прощаем другим. Ибо если мы злопамятствуем, Он не прощает нам. Бог поставляет нас как

бы в пример Себе; так что как мы поступаем с другими, так и Он поступает с нами.

Симеон Солунский. В этом весь смысл и вся сила божественного Евангелия. Ибо для того, чтобы прощены были нам беззакония наши и грехи, Бог – Слово снизошел на землю и, воплотившись, кровь Свою излил. Для прощения грехов учреждены Им божественные таинства. Все Сам сделал Он для сего; и от нас требует только одного, чтобы и мы прощали другим. Почему законоположил: «прощайте, и прощены будете» (Лк.6,37). И Петру, вопрошавшему, сколько раз в день прощать согрешающему, – прощать ли до семи раз, сказал, что надо оставлять семьдесят семь раз, – вместо – непрестанно. Таким образом, критерием успеха молитвы поставил Он самого молящегося: так что если он прощал, и ему прощено будет; если сам отпускал, и ему отпущено будет, и как сам прощал, так и ему прощено будет. Сделанное брату возводится к Сотворившему нас: ибо в нем – образ Божий. А между собою все мы равны естеством, все равно рабы Богу. Перед Ним все согрешаем много, и друг перед другом согрешаем не много. Но оставляя это немногое, получаем во много раз больше, когда, прощая людям, сподобляемся прощения от Бога

Свт. Тихон Задонский. «И прости нам долги наши». Долги здесь разумеются грехи – слова, дела и помышления, закону Божию противные. Потому святой Лука в своем Евангелии написал: «прости нам грехи наши» (Лк.11,4). Называются же грехи долгами потому, что как в гражданской жизни бывает, что долги обязывают должника к отдаче заимодавцу, и если должник не отдает долгов, то его за долги заключают в темницу и держат, пока не отдаст долгов, так и грехи обязывают нас к удовлетворению правды Божией (ибо всякий грех бывает против правды Божией), а когда не имеем чем удовлетворить, то заключают нас в вечную темницу. Этих долгов сами заплатить не можем, потому прибегаем к Христовым заслугам и милосердию Божию, чтобы их нам даром оставил, и просим Его об этом: «прости нам долги наши». Когда просим: «прости нам долги наши», то через это показывается, что мы не только за себя, но и друг за друга молиться, и друг другу отпущения

грехов должны просить. Этим словом: «прости нам долги наши», – ясно показывается, что и сами святые согрешают, и потому должны просить себе отпущения грехов, как написано: "За то – то есть за оставление грехов – помолится Тебе каждый праведник во время благопотребное» (Пс.31,6). Так как это молитва святых, ибо кто Бога Отцом истинно и от сердца называет, тому надобно быть святым чадом Божиим, и иметь Духа Божьего, живущим в себе, о Котором вопиют верные: «Авва Отче!» (Гал.4,6). Грехи здесь понимаются не те, которые по произволению и обдуманно бывают, как-то: блуд, воровство, хищение, злоба, лукавство, лесть и прочее, – от этих грехов святые удаляются, – но понимаются немощи, от которых по слабости своей уберечься не могут, хотя и стараются о том. Об этих грехах молятся святые: «Отче! прости нам долги наши».

Говорится: «как и мы прощаем должникам нашим». Этим словом научаемся, чтобы мы и сами оставляли грехи ближним нашим, когда у Бога просим и получаем оставление грехов. Он нам по милосердию прощает грехи – и мы должны, подражая Ему, по милосердию прощать грехи братии нашей. Когда оставляем грехи братии нашей, оставляет и Бог нам грехи наши. Не оставляем мы – не оставляет и нам Бог, как Христос говорит: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6,14–15).

Кто из грешников, которые в грехах пребывают и не оставляют их, хочет молиться и просить у Бога оставления грехов, тому должно прежде самому оставить свои грехи, а оставив, просить Бога, чтобы благодатью Своей оставил их, и избавил его от казни, которой за грехи предают грешника. Ибо и Бог нам не оставляет грехов, когда мы сами их не оставляем. А когда нам грехи не оставляются, то последует ни что иное, как казнь за грехи. Так случается с должником, которому заимодавец долг не оставляет, ибо заключает его в темницу и держит до тех пор, пока не отдаст свой долг. Так и грешник, которому грехи не оставляются, заключится судом Божиим в вечную темницу, и будет правде Божией за греховные долги

платить казнь, но никогда не заплатит. За то, что прогневал и оскорбил Вечного и Бесконечного Бога, праведно воздается вечное и бесконечное наказание. Ибо правда Божия того требует, чтобы непокаявшийся грешник принял достойное наказание. Но за разорение вечного закона Божия и тем самым оскорбление бесконечного величества Божия ничем иным удовлетворить невозможно, как вечной казнью и страданием. Что кающимся, перестающим грешить, сожалеющим о грехах и просящим отпущения, грехи Богом оставляются, то делает Бог от одного Своего милосердия и ради заслуг Христовых, ради которых в слове Своем обещал всем кающимся и верующим во Христа подать отпущение грехов, как это милосердие Божие изображается в псалме 102: «Благослови, душа моя, Господа».

Но желающему каяться и ради страданий и смерти Христовой получить отпущение грехов непременно должно оставить свои грехи. Ибо где нет оставления грехов, там нет и истинного покаяния. Где нет истинного покаяния, там и заслуги Христовы не имеют места. Где заслуги Христовы места не имеют, там нет отпущения грехов. Где нет отпущения грехов, там следует осуждение и в аду вечное страдание за грехи. И так грешник, когда не будут оставлены ему грехи (не будут же оставлены ему, так как сам их оставить не хочет), как должник за долги, за все те грехи, которыми перед Богом согрешил, будет истязан, и поскольку не имеет чем искупиться, будет вечною смертью платить. Итак, надобно желающему каяться и спастись от грехов отстать, и прибегнуть к милосердию Божию, исповедать себя со смирением и сожалением виноватым перед Богом, прощения просить ради пролитой Крови Христовой, которая пролита за каждого грешника, и всякий грех очищает. Надобно с блудным сыном оставить чужую незаконную страну, и возвратиться к Отцу с сожалением и самоуничижением, повергнуть себя, как недостойного, перед Его милосердными очами и признать: «Отче! Я согрешил против неба и перед Тобою и уже недостойн называться сыном Твоим; прими меня в число наемников Твоих" (Лк.15,18–19). Помилуй меня благодатью и человеколюбием Единородного Сына Твоего, Который как за всех, так и за меня, грешного, Кровь

Свою пролил и умер. Ради Его неповинного страдания и смерти, прости мне, повинному, и оставь долги мои. Так, обратившемуся, и со смирением и сожалением исповедующему свои грехи, и просящему милости, без сомнения, Отец Небесный простит все его долги, не по каким-то его заслугам, но по одной благодати. Ибо сама Кровь Сына Божьего, пролитая ради грешника, вопиет, да все долги ему будут прощены и уже более не вспомнятся. Узнает на себе такой грешник милость Отца Небесного, как возвратившийся блудный сын узнал на себе милость премилостивого своего отца. Увидит Отец Небесный такого грешника, пришедшего к Нему, и воззрит на него милосердными Своими очами, и сжалится над ним. Не услышит от Отца выговора за своеволие, удаление и развращенную жизнь, а услышит один глас Премилосердного Отца: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын Мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк.15:22–24). И так, – по слову Христову, – «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся» (Лк.15,7).

Но грешнику, получившему такую великую милость от Бога, должно и самому являть милость своему ближнему и прощать ему согрешения, чтобы не узнать на себе того, что узнал евангельский должник, задолжавший своему царю десять тысяч талантов, который, получив милость от своего царя, не захотел помиловать товарища своего, и, освободившись от великого долга по одной только милости своего царя, не захотел оставить малого долга своему брату, – и потому попал под гнев царя и долг свой тяжкий снова получил, но еще с выговором: «Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?». И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. "Так, – заканчивает притчу Христос, – и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф.18:32–35).

6-е прошение «И не введи нас во искушение».

Тертуллиан. К пополнению столь спасительной молитвы («прости нам») прибавил Господь: «не введи нас во искушение», научая нас не о том только молиться, чтобы оставлены были нам грехи наши, но и о том, чтобы они совсем предотвращены были. «Не введи нас во искушение» значит – не попусти нам быть введенными в искушение тем, кто искушает. Да не будет нам думать, будто Бог искушает, – ни в том смысле, чтобы узнать веру нашу, как бы не знал ее, ни тем более в том, чтобы порадоваться нашему падению: неведение и злоба суть принадлежности диавола. Бог повелел Аврааму принести в жертву сына не для узнания его веры, а для показания ее, чтобы в нем дать нам образец повиновения повелению Божию, как только оно получено, не ставя дороже Бога самых кровных своих. Господь, попустив быть Себе искушаемому от диавола, указал тем, кто председатель и художник всякого искушения. Это подтвердил Он и когда после сказал: «молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк.22,40). Они уже были искушены, потому что оставили Господа (одного молиться), возжелав более ее (напасти), чем молитвы. Сему соответствует и заключение молитвы: «но избави нас от лукавого», истолковывая, кто есть вводящий во искушение.

Св. Киприан Карфагенский. Далее Господь дает нам как необходимое наставление говорить в молитве: «и не введи нас во искушение». Этим показывается, что враг не имеет никакой власти над нами, если не будет на то предварительного допущения Божия. Потому-то весь наш страх, все благоговение и внимание должны быть обращены к Богу, так как лукавый не может искушать нас, если не дастся ему власти свыше. Доказательством служат слова Божественного Писания: «Пришел Навуходоносор, царь Вавилонский, к Иерусалиму и осадил его. И предал Господь в руку его Иоакима, царя Иудейского» (Дан.1,1–2). Дается же лукавому власть над нами по грехам нашим, как говорится в Писании: «Кто предал Иакова на разорение и Израиля грабителям? не Господь ли, против

Которого мы грешили? Не хотели они ходить путями Его и не слушали закона Его. И Он излил на них ярость гнева Своего» (Ис.42,24–25). Также о Соломоне, когда он предался и уклонился от заповедей и путей Господних, сказано: «И воздвиг Бог против Соломона еще противника» (3Цар.11,23). Впрочем, власть над нами дается с двойной целью: или для наказания, когда мы грешим, или для славы, когда испытываемся, как это сделано было относительно Иова, по ясному указанию Бога, говорящего: «Вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей» (Иов.1,12). Также и Господь во время страдания говорит в Своем Евангелии: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин.19,11). Между тем, когда мы просим, да не подвергнемся искушению, то таковым прошением приводимся к сознанию слабости нашей и немощи с тем, чтобы никто не высокоумствовал о себе, чтобы никто с гордостью и надменностью не присваивал ничего себе и не приписывал себе славы исповедания или страдания тогда, как сам Господь, поучая смирению, сказал: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мк.14,38). Так необходимо предварительно смиренное и покорное сознание и предоставление всего Богу, дабы то, что смиренно испрашивается у Него со страхом Божиим и почетом, даровано было Его благостью.

Св. Кирилл Иерусалимский. «И не введи нас во искушение», Господи. Неужели Господь научает нас молиться о том, чтобы вовсе не быть искушаемыми? Как же сказано в другом месте: «кто не был искушен, тот мало знает» (Сир.34,10), – и еще: «с великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения» (Иак.1,2) – Но, может быть, войти в искушение значить погрязнуть в искушении? Ибо искушение как бы подобно некоему потоку, через который трудно перейти. Посему одни, не погрязая в искушениях, минуют их, как бы сделавшись некими искусными пловцами, и ни мало не увлекаясь ими. А другие не таковы, – входят и погрязают. Как, например, Иуда, вошедши в искушение сребролюбия, не переплыл пучины, но погряз и погиб телесно и

духовно. Петр же вошел в искушение отречения, но, вошедши не погряз, а мужественно переплыв пучину, избавился от искушения. Послушай еще, как в другом месте лик дошедших до совершенства святых благодарит за избавление от искушения: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил скорби на хребте нашем, посадил человека на главу нашу. Мы прошли через огонь и воду, и Ты вывел нас в покой» (Пс.65,10–12). Видишь, с каким дерзновением говорят, что перешли искушения и не изнемогли. Сказано: «и Ты вывел нас в покой». Войти же в покой значит избавиться от искушения.

Св. Григорий Нисский. «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго» (Мф.16:13). Какая, братия, сила сказанного? Господь, кажется мне, многообразно и различно именуется злого по разности лукавых сил, называя его многими именами: дьяволом (Мф.13:39), веельзевулом (Мф.10:25), мамоной (Мф.6:24), князем мира (Ин.14:30), человекоубийцей (Ин.8:44), лукавым, отцом лжи (Ин.8:44) и другими подобными именами. Поэтому, может быть, одно из разумеемых о нем имен есть и это: искушение. И такую нашу догадку подтверждает само словосочетание в сказанном, ибо Господь после слов: «Не введи нас во искушение», присовокупляет прошение об избавлении от лукаваго, как будто тем и другим означает один и тот же. Если кто не входит «во искушение», тот непременно вне власти лукаваго, и кто «в искушении», тот необходимо бывает во власти лукаваго, следовательно, «искушение» и лукавый по значению одно и то же. Что же внушает нам такое учение молитвы? Стать вне усматриваемого в мире этом, как говорит ученикам в другом месте, что «весь мир лежит во зле» (1Ин.5:19). Поэтому, кто желает стать вне власти лукаваго, тот по необходимости переселяется из мира. Ибо «искушение» не имеет возможности коснуться души, если мирскую эту заботу, подобно какой-то приманке наживив на коварную удочку, не прострет к жадным. Но гораздо более ясной для нас сделается мысль эта из других примеров. Море нередко бывает страшно своими волнениями, но не для тех, которые живут от него вдали. Огонь истребителен, но только для подложенного в

огонь вещества. Война ужасна, но для одних вступивших в воинские ряды. Кто избегает бедствий, какие постигают на войне, тот молится, чтобы не впасть в необходимость воевать. Кто боится огня, тот молится, чтобы не быть ему в огне. Кто трепещет моря, тот молится, чтобы не было ему нужды пуститься в мореплавание. Так и тот, кто страшится приражений лукавого, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукавого. А поскольку, как сказали мы прежде, по слову Писания, «мир лежит во зле» и в мирских делах заключаются поводы к «искушениям», то молящийся об избавлении от лукавого хорошо и надлежащим поступает образом, когда просит, чтобы не прийти ему «во искушение». Ибо, не повлекши с жадностью приманку, невозможно кому-либо проглотить крючок на удочке.

Свт. Иоанн Златоуст. «И не введи нас во искушение». Здесь Спаситель явно показывает наше ничтожество и низлагает гордость, научая нас не отказываться от подвигов и произвольно не спешить к ним; таким образом и для нас победа будет блистательнее, и для дьявола поражение чувствительнее. Как скоро мы вовлечены в борьбу, то должны стоять мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и нетщеславными, и мужественными.

«Не введи нас во искушение». Подлинно много скорбей причиняется нам от дьявола, много и от людей, или явно оскорбляющих, или тайно злоумышляющих. И тело, иногда восставая на душу, наносит тяжкий вред; а иногда подвергаясь различным болезням, причиняет нам скорби и страдания. Посему так как многие и различные бедствия нападают на нас со многих сторон, то мы научены испрашивать у Бога всех избавления от них. Ибо при его запрещении прекращается всякое смятение, буря превращается в тишину и пристыженный лукавый удаляется; как некогда, оставив людей, он удалился в свиней, даже не осмелившись сделать и это без приказанья (Мф.8,31). А кто не имеет власти даже над свиньями, тот как может овладеть людьми, охраняемыми Богом?

Св. Кассиан. При этом рождается немаловажный вопрос. Если мы молимся, чтобы мы не подвергались искушению, то как

можем доказать твердость своей добродетели, которой требует Священное Писание? ««Кто не был искушен», – говорит оно, – «тот мало знает»" «(Сир.34,10). И еще: «Блажен человек, который переносит искушение» (Иак.1,12). Итак, слова молитвы: «не введи нас во искушение» – не то значат, что «не попусти нам когда-либо искуститься», но «не допусти нам быть побежденными в искушении». Искушаем был Иов, но не введен в искушение, ибо «не произнес ничего неразумного о Боге» (Иов.1,22) – и не осквернил уст богохулением, к чему хотел привлечь его искушитель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой из них не введен был в искушение, ибо ни один не исполнил воли искушителя.

Блаж. Августин. Не Сам Бог вводит в искушение, но попускает быть введенным в него тому, кого лишает Своей помощи, по сокровеннейшим намерениям Своим, потому что он того заслуживает. Иного впрочем, и по явным причинам считает Бог достойным Своего оставления и пощущения введенным быть ему в искушение. Но иное есть – введенным быть в искушение, и иное – быть искушенным. Без искушения никто не может сделаться испытанным ни сам себе, как написано: ««кто не был искушен, тот мало знает»" "(Сир.34,10)," ни другому как Апостол говорит: «вы не презрели искушения моего во плоти моей» (Гал.4,14): ибо из сего Апостол познал, сколь они тверды, когда теми искушениями, какие случались с ним по плоти, они не были отторгнуты от любви к нему. Богу же мы ведомы прежде всяких искушений, потому что Он все ведает прежде события. – Что написано: «искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Втор.13,3); то здесь слова: «чтобы узнать», положены вместо: да даст вам увидеть подобно тому, как иной день называем мы радостным, потому что он делает нас радостными, холод – ленивым, потому что он делает ленивыми; – и много есть подобных выражений, встречаемых и в простой речи, и в речи ученых, и в Писаниях Святых. Чего не разумея еретики отвращаются от Ветхого Завета, полагая, что словами: «искушает вас Господь, Бог ваш»,» приписывается Богу неведение; будто не знают, что в

Евангелии написано о Господе: «говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать» (Ин.6,6). Если Он знал сердце того, кого искушал, то что же хотел увидеть, искушая его? Очевидно, что так сделано для того, чтобы сам себя познал тот, кто был искушаем, и осудил свое безнадежие, увидев как из рук Господа несколькими хлебами насытилось такое множество народа тогда, как он думал, что им нечего будет есть.

Молимся же мы не о том, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными в искушение: так как например, кто-либо, быв поставлен в необходимость быть испытанным огнем, молится не о том, чтобы не коснулся его огонь, но о том, чтобы не быть сожженным. «Глиняные сосуды испытываются в печи»; а людей праведных – напасти (подоб. Сир.28,5). Иосиф искушен был прельщением блудным, но не был введен в искушение. Была искушена Сусанна, но тоже не была введена в искушение. И многие другие обоего пола также были искушены, но не введены в искушение: особенно же Иов. Многих соблазняет то, что сатана просит искусить Иова. Но не написано ли подобное и в Евангелии: «се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу» (Лк.22,31)? – Этим означает, что сатана никакой не имеет власти искушать кого-либо; и если искушает, искушает по попущению Божию. Божие же попущение бывает или для наказания людей за грехи их, или для обучения их и доставления им опытности. И бывает большая разность, в какое кто впадает искушение. Не в такое впал искушение Иуда, продавший Господа, в какое впал Петр, когда от страха отрекся Христа – Господа. Но каково бы ни было искушение, для всех один закон, как пишет Апостол: «Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор.10,13). – Этим изречением Апостол ясно показывает, что молиться должно не о том, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными в искушение. Введенными бываем мы в искушения, когда случатся с нами такие, которых мы не можем понести. Но как опасные искушения, в которые впадать пагубно; бывают по причине счастья или несчастья в вещах временных:

то их тяжестью не бывает надломлен никто из тех, которые не имеют пристрастия ко временному.

В книге Иова читаем: «не искушение ли жизнь человека на земле?» (Иов.7,1). О чем же молимся, говоря: «не введи нас во искушение»? О чем? – Послушайте. Апостол Иаков говорит: «В искушении никто не говори: Бог меня искушает» (1,13). Есть искушение на зло, когда кто, быв прельщен, впадает в грех, и подчиняется диаволу. В этом смысле говорит Апостол, что Бог никого не искушает. Но есть другое искушение, которое называется испытанием. О нем написано: «искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего». Это «чтобы узнать» тоже есть, что: да даст вам познать: ибо Сам Он знал то. Таким искушением, чтобы кто прельщен был и пал, Бог никого не искушает. Но бывает, что, по высшим и сокровенным судам своим, Он оставляет иного. И когда оставит кого, тогда искуситель находит возможность сделать ему что-либо: ибо в таком случае он не противоборца уже встречает, а покорного послушника в том, кого оставил Бог. Итак, чтобы не оставлял нас Бог, молимся «не введи нас во искушение». – «Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью», говорит тот же Апостол Иаков. «Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак.1:14,15). Чему это учит он нас? Тому, чтобы мы боролись с похотью своею. Во святом крещении грехи все прощаются; а похоти остаются чтобы, возрождены быв, вы вели с ними борьбу. Внутри вас самих остается столкновение. Нечего бояться внешнего врага: себя победи, и – мир побежден. Что может сделать тебе внешний искуситель, – диавол, или слуга диавола? Пусть, например, кто-нибудь предлагает тебе какую выгоду, чтобы прельстить тебя и склонить на худое дело, что он сделает тебе, когда в тебе самом не дано места любостыжанию? Но если в тебе самом дано место любостыжанию; то, увидев прибыль, разгоришься вожделением ее и будешь пленен тенетами грешного яства, каковые тенета попусту пролежат простертыми перед тобою, если ты неподатлив на любостыжание. Пусть также искуситель подведет для искушения тебя красивейшую женщину. Если внутри тебя

водворена любовь к целомудрию, то ты легко преодолеешь это внешнее нападение, чтобы не пленила тебя приманка красоты жены чуждой, побори внутри себя свою похоть; не врага своего ощущаешь ты, но свою похоть чувствуешь. Победи внутри, что там чувствуешь. Борись и победишь. Возродивший тебя – Судия твой: Он предложил тебе состязание, – и готовит венец. Но как без сомнения ты побежден будешь, если не будешь иметь Его помощником себе, когда Он оставит тебя; того ради и взывать научен ты в молитве: «не введи нас во искушение». – Некоторых гнев Судии предал похотям их, как говорит Апостол: «предал их Бог в похотях сердец их нечистоте» (Рим.1,24). Как предал? Не понудив, а оставив их.

«Не введи нас во искушение». Оставь нам грехи наделанные, и не дай нам впасть в другие такие же: ибо кто побеждается искушением, тот впадает в грех. Апостол Иаков говорит: «Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех» (Иак.1:14,15). Чтобы не быть тебе увлеченным похотью, не соглашайся с нею. Ей неоткуда зачать, как от тебя. Согласился: тоже что – поспал с нею в сердце своем. Восстала похоть: откажи ей в себе, не следуй ей. Она непотребна, растленна, срамна, от Бога тебя отчуждает. Не давай ей объятий согласия, чтобы не оплакивать порождение от того: ибо если согласишься, то есть, примешь ее в объятия, она зачнет. Но «похоть же, зачав, рождает грех». Не бойся этого? «Сделанный грех рождает смерть». Хоть смерти побойся. Если не бойся греха, побойся того, куда приводит грех. Сладок грех, но горька смерть. Она – крайнее бедствие людей, для чего грешат они, то, умирая, оставляют здесь, а самые грехи берут с собою. Грешешь из-за денег: здесь оставишь их. Грешешь из-за других стяжаний: здесь оставишь их. Грешешь из-за жены: здесь оставишь ее. И что бы то ни было, из-за чего грешешь, все то, смыкая очи на смерть, здесь оставишь, а с собою возьмешь только самые грехи, учиненные тобою из-за того.

Св. Максим Исповедник. Этим словами Писание показывает, что кто полностью не примирился с согрешающими (против него) и не представил Богу сердце, чистое от скорби и

просвещенное светом примирения с ближними, тот не только не получит благодати тех благ, о которых молился, но и предан будет праведным судом искушению и лукавому, чтобы ему научиться очищаться от прегрешений, устраняя свои жалобы на других. Искушением же называется закон греха – его не имел первый человек, приведенный в бытие (Богом), а под «лукавым» подразумевается диавол, который привнес этот (закон) к человеческому естеству и обманом убедил человека направить (все) стремления (своей) души к недозволенному вместо дозволенного, а тем самым склониться к нарушению Божественной заповеди, вследствие чего он потерял нетление, дарованное ему по благодати. Или иначе: «искушением» называется добровольное расположение души к плотским страстям, а «лукавым» – способ деятельного исполнения страстного настроения души. От них не избавит никакой праведный Судия того, кто не простил долгов (своим) должникам, а только просил об этом в молитве. Такому (человеку), жестокому и суровому сердцем, (Господь) попускает оскверняться законом греха и оставляет его во власти лукавого, поскольку он страсти бесчестия, семена которых сеются диаволом, предпочел природе, Создатель которой есть (Сам) Бог. И действительно, (Господь) не препятствует ему, когда он волей склоняется к плотским страстям, и не избавляет его от (многообразных) способов деятельного осуществления страстных настроений души, поскольку, считая природу ниже не имеющих самостоятельного бытия страстей, он, вследствие попечения об этих страстях, не познал логоса природы. А (человеку) должно познать, что такое закон естества и что такое тирания страстей, не естественным, а случайным образом вторгшаяся в него по причине его свободного согласия. И этот (закон естества) он должен сберечь, блюдя его созвучной с природой деятельностью, а тиранию страстей изгнать из своей воли и (силой) разума сохранить (непорочной) свою природу, саму по себе чистую, незапятнанную и свободную от ненависти и раздора. Затем волю свою, которая не должна привносить ничего такого, чего не дарует логос природы, он обязан сделать спутницей естеству. А поэтому ему следует удалять (от себя)

всякую ненависть и всякий раздор к сродному ему по природе, чтобы Бог услышал его, когда он будет произносить эту Молитву, и вместо одной дал бы ему двойную благодать: и прежних грехов прощение, и от будущих покров и избавление; и дабы не допустил его впасть во искушение и стать рабом лукавого, – (все это) за одно только, что он с готовностью прощает долги ближним.

Поэтому и мы, возвращаясь, кратко повторим сущность сказанного. Если желаем избавиться от лукавого и не впасть во искушение, будем верить Богу и простим долги должникам нашим. «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6:15). Тогда мы не только получим прощение соделанных нами грехов, но победим и (сам) закон греха, (так как Господь) не допустит нас изведать его, и попрём родителя греха, лукавого змия, об избавлении от которого молимся. И Военачальником нашим будет при этом Христос, победивший мир; Он вооружает нас законами заповедей, и в соответствии с этими законами, посредством отвержения страстей и через любовь связывает воедино природу (человеческую). Как Хлеб жизни, мудрости, ведения и правды, Он привлекает к Себе наше ненасытное желание; во исполнение Отчей воли Он соделывает нас сослужителями Ангелов, так что еще в этой жизни мы, подражая (Ангелам), являем в своем житии небесное благоугождение (Богу). Затем Он возводит нас на высшие ступени Божественного, ведущие к (Самому) Отцу светов (Иак.1,17) и соделывает нас, через благодатное общение со (Святым) Духом, причастниками Божественного естества, благодаря чему мы все без ограничения назовемся детьми Божиими и пречисто будем носить (в себе) всего Сына Божия по естеству – Самого Совершителя этой благодати, от Которого, через Которого и в Котором мы имеем и будем иметь и бытие, и движение, и жизнь.

Итак, пусть целью этой Молитвы будет для нас лицезрение таинства обожения, дабы мы познали, вместо каких и какими соделало нас истощание через плоть Единородного, а так же откуда и куда нас, занявших во вселенной самое низменное место, в которое низринула нас тяжесть греха, возвел (Господь)

силой (Своей) человеколюбивой руки. И еще более возлюбим столь мудро Уготовавшего нам это спасение. Делами покажем эту Молитву исполняемой и будем проповедниками Бога – истинного Отца (нашего) по благодати. И да не будет у нас страстей бесчестия, которые показывают, что отцом нашей жизни мы имеем лукавого, всегда покушающегося тиранически повелевать естеством (человеческим). И не обменяем, сами того не заметив, жизни на смерть. Ибо каждый из них имеет обыкновение вознаграждать присоединившихся к нему. Один дает любящим Его вечную жизнь, а другой, через внушение добровольных искушений, производит в приближающихся (к нему) смерть.

Ибо искушения бывают, (как это видно) из Священного Писания, двух родов: один род – приятный, а другой – болезненный; один – добровольный, а другой – невольный. Первый из них есть родитель греха, а поэтому мы должны молиться, чтобы не подвергнуться ему, согласно наставлению Господа, говорящего: «И не введи нас во искушение» и ««Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф.26,41). А второй (род искушений), наказывая грехолюбие наведением невольных страданий, является карателем греха. Если кто претерпит такое (искушение) и если он не будет пригвожден гвоздями порока, то услышит великого Иакова, явственно взывающего: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие» (Иак.1,2–4). Лукавый же злорадно наблюдает за теми и другими искушениями: за вольными и невольными. В случае первых он, сея в душе семена телесных наслаждений и раздражая ее ими, замышляет отвлечь ее от стремления к Божественной любви. Искушения же второго рода он сам (иногда) лукаво испрашивает, желая мучениями (и скорбями) погубить природу (человеческую) и понудить душу, изнемогшую в страданиях, воздвигнуть свои помышления на вражду с Создателем.

Но мы, ведая замыслы лукавого, возгнушаемся вольного искушения, чтобы не отвлечь своего стремления от

Божественной любви; а (искушение) невольное, случающееся по Божию попущению, мужественно перенесем, дабы показать, что Создателя природы мы предпочитаем (самой) природе. И все мы, призывающие имя Господа нашего Иисуса Христа, да избавимся от здешних наслаждений, исходящих от лукавого, и избежим будущих мук, становясь причастниками зримой сущности будущих благ, открываемой нам в Самом Христе Господе нашем, едином со Отцом и Святым Духом, славимом всеми тварями. Аминь.

Блаж. Феофилакт. Не входить в искушение значит не порываться на искушения. Ибо нам должно молить Бога не о том, чтобы Он наслал на нас искушение, но о том, чтобы отвратить его: а если постигнет, должно с мужеством переносить его. Нужно сказать, что искушений два вида. Одни произвольные, например: пьянство, убийство, прелюбодяние, и прочие страсти. Ибо этим искушениям мы сами поддаваем произвольно. Другие искушения – невольные, которым подвергают нас владыки и сильные. От произвольных-то искушений, т.е. от страстей нам должно убегать, молиться об избавлении от них и говорить: «не введи нас», не попусти нам впасть «во искушение», т.е. в произвольную страсть.

Мы люди слабые, посему не должны подвергать себя искушениям; но если впали во искушение, то должны молиться, чтобы оно не поглотило нас и чтобы Бог даровал нам помощь и терпение. Ибо только тот вовлекается в бездну напасти, кто побежден: но кто впал в искушение и победил его, тот достоин венцов и славы.

Симеон Солунский. «И не введи нас во искушение». Ибо много наветников, полных зависти и всегда враждебных, и много искушений от демонов, от людей, от тела, от невнимания души, которые встречают всех, – и ревностно подвизающихся и нерадивых, – только искушения праведных обращаются им во благо, служа к испытанию их и преуспеянию. И праведным «терпение нужно» (Евр.10,36); потому что «дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26,41). От искушений же таких, презришь, например, брата, или обидишь его, или скорбь ему причинишь, божественное что презришь, или понерадишь о нем, – кто

бывает свободен? – Почему молясь о прощении того, в чем погрешаем против Бога и брата, потому что сами прощаем и милуем, праведно молимся и о том, да не войдем в искушение. Будь и праведен кто, не должно ему мнить о себе; ибо смиряться, миловать и прощать и есть праведность.

Свт. Тихон Задонский. Искушение бывает нам к добру или к злу. Искушение к добру – от Бога, им просят искушаться Давид и прочие святые. "Искуси меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай пути мои" (Пс.138:23). Так искушаем был Авраам (см. Быт.22). Не о таком искушении здесь слово. Искушение к злу, или прельщение, бывает или от дьявола, который всячески пытается нас уловить, прельстить, к греху привести и погубить, или от плоти, которая страстями и похотями борет нас, или от мира, который прелестью, суетой и соблазнами к злу нас поощряет. О таком искушении здесь слово. Бог, так как Благ, никого к злу не искушает. «В искушении никто не говори: `Бог меня искушает`; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак.1,13–14).

Этим словом: «не введи нас во искушение», – молим Бога, чтобы Он нас от искушения мира, плоти и дьявола Своею благодатью сохранил. А хотя и впадем в искушения, о том просим, чтобы не попустил нам быть ими побежденными, но помогал бы нам их одолеть и победить. Из этого видно, что без Божией помощи мы бессильны и немощны. Если бы мы сами могли противиться искушению, не было бы повелено нам просить в этом помощи. Этим научаемся, как только почувствуем находящее на нас искушение, тотчас Богу молиться и просить у Него помощи. Учимся из этого на себя и свою силу не надеяться, но на Бога. Когда молимся: «не введи нас во искушение», то не должны сами себя вдавать в искушение. «Когда, – говорит святой Иоанн Златоуст, – бываем призваны на подвиг, мужественно должно стоять, а не призванные молчать должны и ожидать времени подвига, да покажем и нежелание суетной славы, и мужество».

7-е прошение «Но избави нас от лукавого».

Св. Киприан Карфагенский. После всего к концу молитвы приходит заключение, кратко выражающее все наши моления и прошения. В конце говорим: «но избави нас от лукавого», разумея под тем всякие беды, которые в этом мире замышляет против нас враг и против которых у нас будет верная и крепкая защита, если избавит нас от них Бог, если по нашему прошению и молению Он дарует нам Свою помощь. Затем, после слов: «избави нас от лукавого», не о чем уже более и просить: мы просим покровительства Божия против лукавого, а получивши таковое покровительство, мы уже безопасны и защищены от всех козней дьявола и мира. В самом деле, чего бояться со стороны мира тому, кому в этом мире защитник Бог?

Св. Григорий Нисский. Восстав скажем Богу: не введи нас «в напасть», т. е. в бедствие настоящей жизни, «но избави нас от лукавого», приобретшего силу в этом мире, от которого да избавимся и мы по благодати Христа Господа.

Свт. Иоанн Златоуст. Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань, и показывая, что он таков не по природе. Зло зависит не от природы, но от свободы. А что преимущественно дьявол называется лукавым, то это по чрезвычайному множеству зла, в нем находящегося, и потому, что он, не будучи ничем обижен от нас, ведет против нас непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказал: «избави нас» от лукавых, но: от «лукавого», и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол.

Св. Кассиан. Наконец следует: «но избави нас от лукавого», т.е., не попусти нам искушенным быть от дьявола сверх нашей силы, но «при искушении дай и облегчение, так чтобы мы могли перенести» (1Кор.10,13).

Блаж. Августин. «Но избави нас от лукавого», может принадлежать к тому же предыдущему прошению, так как бы в

том и другом об одном и том же просимо было. Почему и частица: «но» поставлена, чтобы показать, что все это изречение: «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» – выражает одну и ту же мысль. Каким образом? Вот каким: избавляя нас от лукавого, Господь не вводит нас в искушение, а не вводя в искушение избавляет от лукавого.

Но, возлюбленные, бывает у нас в сей жизни одно страшное искушение, – такое искушение, в котором подвергается опасности и искушению то самое, через что можем заслужить себе прощение, если падем от других искушений. Страшно это искушение, потому что отнимает у нас то, через что можем быть уврачеваны от ран, причиненных другими искушениями. Вижу, что вы не понимаете меня. Но послушайте и поймете. – Положим, что кто-либо побежден каким-либо искушением: ибо и добрый борец получает раны. Победила, например, кого-либо скупость (хоть он и добрый борец), и он учинил что-либо в угоду своекорыстию. Но страсть прошла, грех признан, – и он молится: «прости». Если он сам прощает другим, тотчас прощается ему. Или, воззрел кто на жену, принял вожделение и усладился им. Но опомнился вовремя, и укротил похоть. До греха не дошло; но тем самым, что допущено услаждение плотское, учинено нечто греховное, что поставляет его в необходимость молиться: «прости». И здесь тоже, если он сам прощает другим, тотчас прощается ему. Так и при всех других искушениях. Коль скоро кто прощает другим, то в каком бы искушении ни споткнулся он, если в раскаянии обратится к Богу и воззовет: «прости», тотчас простится ему, если же не прощает он другим, то и самое малое прегрешение не простится ему. И вот то страшное и пагубное искушение, о котором я говорю, – когда лукавый, зла источник, успеет всеять в сердце наше злобу, прощения незнающую и требующую отмщения. И от сего-то наиболее быть избавленными да молимся, когда говорим «избави нас от лукавого». Ибо через это лишен бываешь ты того, через что мог бы получить прощение во всех других грехах. Какими чувствами и какими пожеланиями и делами ни погрешил бы ты, во всех получил бы прощение, если бы сам прощал. Но вот лукавый поджигает тебя к отмщению, и

отнимает у тебя не только возможность получить прощение, но и дерзновение говорить в молитве: «как и мы прощаем должникам нашим». А когда потерял ты это, то все остается за тобою, ничто не прощается.

Смотрите же, братья мои; смотрите, дети мои; смотрите, чада Божии; смотрите, умоляю вас. Боритесь с сердцем своим и в сердце своем с лукавым, сколько сил есть. Когда увидите, что гнев восстал в вас и злость снедает сердце ваше, молитесь против них Богу, да соделает Он вас победителями сего искушения и избавит от лукавого, в вас действующего. Оставьте внешних врагов; с внутренними вступайте в борьбу и молитесь. Близ Господь, и помощь Его готова. Воззовите и избавит.

После того, как скажем: «и не введи нас во искушение», следует: «но избави нас от лукавого». Кто желает быть избавленным от лукавого, тот свидетельствует, этим, что объят лукавством. Почему Апостол говорит: «дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф.5,16). Но «хочет ли человек жить и любит ли долгоденствие, чтобы видеть благо?» – Когда у всякого человека, плоть носящего, дни жизни сей лукавы, то кто есть не хотящий сего? Если же хочешь, то делай то, что далее следует: «Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним» (Пс.33,13–15). Сделай так; и пресечешь дни лукавы, и исполнится на тебе: «избави нас от лукавого»

Молиться надобно не о том только чтобы не быть нам введенными во искушение на зло: о чем просим в шестом прощении, но и о том, чтобы избавленными быть от того, в какое уже введены. И когда это будет получено, тогда не останется уже ничего для нас опасного и нечего уже будет бояться какого-либо искушения. Чего впрочем в этой жизни, в которой пребываем обложенными страстностью, с того момента, как низринула нас в нее прелесть змеиная, ожидать нельзя. Однако ж должно надеяться, что это будет некогда. И это-то есть предмет ожидания того, чего не видим, как говорит Апостол: «надежда же, когда видит, не есть надежда» (Рим.8,24). Но в мудрости, как доступной и в этой еще жизни, рабам Божиим отчаиваться не должно. Она же состоит в том,

чтобы с наистрожайшим вниманием убегать того, чего, как уразумели мы из Божественного Откровения, убегать должно, и с пламенной любовью желать того, чего, как уразумели мы из того же Божественного Откровения, желать должно. Таким способом когда в самой смерти сложим с себя все бремя смертности, удостоимся войти во всестороннее, ничем нерушимое блаженство, которого начатки полагаются еще в этой жизни, возжигая всеусердное желание сподобиться его, во всей его полноте, некогда и там.

Блаж. Феофилакт. «Но избави нас от лукавого». Ибо он наводит невольные и вольные искушения. Посему, когда ты невольно терпишь искушение от человека, не человека сего считай виновником твоего искушения, но лукавого. Ибо он наущает человека яриться на тебя и неистовствовать.

Не сказал от лукавых людей избави: ибо не они делают нам зло, но лукавый возбуждает их на то и делает зло и нам и им. Посему не людей, а злых духов нам должно ненавидеть и проклинать.

Симеон Солунский. «Но избави нас от лукавого». Ибо он Твой и наш враг, неукротимый, неусыпный, горящий злостью. Мы бессильны устоять против него, потому что он естества тончайшего, чем мы, лукав и сна не знает, изобретая и сплетая бесчисленные против нас козни. И если Ты, Творец и Владыка всяческих, и самого этого дьявола с клеветами его, равно как и Ангелов и нас, если Ты не исхитишь нас, то кто силен избавиться от него? Нет у нас сил бороться с невестественным, и притом злючим, завистливым и всезлокозненным.

Свт. Тихон Задонский. По учению святого Златоуста, под лукавым здесь подразумевается дьявол. «Лукавого, – говорит, – здесь имеет в виду дьявола, повелевая нам иметь с ним неусыпную брань». Он так называется по превосходству, из-за великой его злобы, так как неусыпно на нас вооружается и всякие беды, как телесные, так и духовные, на нас старается навести, как говорит апостол: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, дьявол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Петр.5,8). Этим молимся Отцу Небесному, чтобы Сам нас от него защитил, потому что сами от него сохранимся

не можем. Наконец, дабы в час смерти нашей, когда он особенно против верных подвизается, сохранил нас от него, и по блаженной кончине души наши в небесное Отечество взял, и как от него, так и от всех бед, которые он восставляет, избавив, вечное подал нам блаженство, которое обещал верующим во имя Его. Этим словом: «избави нас от лукавого», – к молитве нас возбуждает Спаситель наш, и молитвою от него избавляться научает. «Поминая о враге, – говорит святой Иоанн Златоуст, – к подвигу нас подготавливает, и леность от нас отсекает». Молясь: «не введи нас», а не меня, «во искушение, но избави нас», а не меня, «от лукавого», – научаемся и увещаемся друг за друга молиться и друг другу у Бога просить помощи, защиты, избавления и спасения.

Славословие «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

Свт. Иоанн Златоуст. Напоминанием о враге сделавши нас более осторожными и пресекши всякую беспечность нашу, Он воодушевляет нас далее, представляя нам того Царя, под властью Которого мы воинствуем, и показывая, что Он могущественнее всех. «Ибо Твое есть», говорит Спаситель, «царство и сила и слава». Итак, если Его царство, то не должно никого бояться, так как никто Ему не сопротивляется и никто не разделяет с Ним власти. Когда Спаситель сказал: «Твое есть царство», то показывает, что и тот враг наш подчинен Богу, хотя, по-видимому, еще и сопротивляется, по попущению Божию. И он из числа рабов, хотя и осужденных и отверженных, а потому и не дерзнет нападать ни на одного из рабов, не получив прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного из рабов? Даже на свиней не дерзнул он напасть до тех пор, пока сам Спаситель не повелел, ни на стада овец и волов, доколе не получил власти свыше. Итак, хотя бы ты и весьма был немощен, однако должен дерзать, имея такого Царя, Который и через тебя легко может совершать все славные дела. Этот Царь не только освобождает тебя от угрожающих тебе зол, но еще может делать тебя и славным и знаменитым; как сила Его велика, так и слава Его неизреченная, – словом, все у Него беспредельно и бесконечно. Видишь ли, как Спаситель отовсюду укрепляет и ободряет подвижника?

В конце молитвы Он выразил царство и силу и славу Божию, сказав: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки». Этого, говорит, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты Царь всего, имеешь вечную державу, можешь сделать все, чего не захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою.

Блаж. Феофилакт. Здесь ободряет нас: ибо если Отец наш есть Царь славный и сильный, то при твердой вере мы, без сомнения, победим лукавого и в последствии прославимся, т.е. когда Он будете воздавать всем по делом.

Симеон Солунский. Мы немощны. Сам Ты, Отче, избавь нас от лукавого. «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь». И кто посмеет напасть и оскорбить тех, над которыми царствуешь, Ты Владыко и Господи, и над Ангелами господствующий? И кто противостанет силе Твоей? – Никто. Ибо Ты как всех создал, так и хранишь всех. Или кто против славы Твоей постоит или дерзнет умалить ее, все концы объемлющую? Ибо ею исполнены небеса и земля; и она была присуща Тебе прежде бытия небес и Ангелов. Ты один присносущ и вечен, и слава Твоя, Отца и Сына и Святаго Духа, равно как и царство, и сила, во веки. Аминь. То есть – истинно, исповедуемо, всенесомненно Ты Царь и сильный, и преславный во веки.

Св. Кирилл Иерусалимский. По совершении молитвы говоришь: «Аминь»; словом «Аминь», которое значит: «да будет», запечатлевая изреченное в богопреданной молитве.

Свт. Тихон Задонский. «Ибо Твое есть царство...» Это слово – заключение молитвы Господней, которое означает упование и дерзновение к Милосердному Небесному Отцу. Ты царствуешь над всеми, и Твоей власти все повинуются. Ты сильнее всех, против Тебя никто не может стоять. Посему имени Твоему слава будет, что мы, бедные грешники, получим просимое от Тебя, и от сердца возблагодарим Тебя, и здесь, и особенно в будущей жизни, прославим имя Твое с избранными Твоими. «Дерзновение, – говорит святой Иоанн Златоуст, – нам подает и восставляет нас, поминая о Царе, Которому мы подчинены, и показывает Его сильнейшим из всех, говоря: «ибо Твое есть царство», и прочее». Итак, если Его есть царство, то не следует никого бояться, так как никто не может против Него встать и власти Его противиться. Когда говорит: «Твое есть царство», – показывает, что и противник наш Ему подчинен, хотя и противится, попущением Божиим. Ибо и он из числа рабов, хотя отверженных и прогневающих, и не дерзнет ни на кого нападать, если прежде не примет позволения свыше. И не только ни на какого человека, но даже на свиней, овец и волов напасть не может без пощущения Божьего. Итак, хотя и немощен

ты, но должен дерзать, имея такого Царя, Который все легко и через тебя может делать.

Православное исповедание. Две части имеет сие славословие. Во-первых, подобно тому, как призывание (т.е. «Отче наш...»), дает наперед удостоверение, что несомненно получим то, о чем просим, потому что просим от Отца нашего, – и славословие сие удостоверяет, что получим то, о чем молились, потому что весь мир Отца нашего есть, и Он над ним царствует, и всякое создание Ему покорствуется. Его есть сила и слава, которой ничто противиться не может, ни на небесах, ни на земле. Почему Он силен сотворить все, о чем молили мы Его с верою и надеждою; и не ради другого чего, а ради присносущной славы Своей, как показывают слова: «слава во веки». Вторую часть славословия составляет одно слово: «Аминь». Сим и умоляем, да будет так все, о чем помолились с верою и надеждою, и свидетельствуем удостоверение, что несомненно будет нам все, о чем молились по воле Господа, как говорит Апостол: «И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него» (1Ин.5,14–15).

Пространный Катихизис. Это славословие присоединено к молитве Господней, во-первых, для того, чтобы мы, прося себе от Отца небесного милостей, в тоже время воздавали Ему справедливое почитание; во-вторых для того, чтобы мыслью о Его вечном царстве, силе и славе более и более утверждались в надежде, что Он дарует нам просимое потому, что это в Его власти и относится к Его славе. Слово же: «Аминь», означающее: «истинно» или «да будет», прилагается к славословию в показание того, что молитва приносится с верою и без всякого сомнения, как учит Апостол Иаков, «да просит с верою, нимало не сомневаясь» (Иак.1,6).

Заключительные мысли

Тертуллиан. Молитва Господня, в кратких словах скольких касается изречений пророческих, евангельских, апостольских, словес самого Господа, Его притчей и заповедей? Скольких вместе с тем обязанностей исполнителями она нас представляет? – Что Бога чтим – в слове: «Отче наш», – что делами свидетельствуем веру в «да святится имя Твое», что приносим Ему покорность: «да будет воля Твоя», что ищем в нем жизни в: «хлеб наш... дай», что исповедуем грехи в прощении прощения долгов, что блюдемся от искушений во взыскании защиты и покрова свыше, – Бог один мог научить нас, как желательно Ему, чтобы мы молились. Почему установленная Им благоговейная молитва эта, духом Его движима будучи (в сердцах наших), и исходя как бы из уст Его, как тогда как была преподана в первый раз, в силу сей привилегии, восходит на небеса и благоволению Отца предлагает то, чему научил Сын. Впрочем, так как Господь, нужд человеческих Провидец, после преподания такого правила молитвы, особо повелел: «ищите и найдете» (Лк.11,9), и есть многое, о чем каждый, по обстоятельствам своим, предпослав сию законом определенную молитву, как фундамент, имеет нужду помолиться: то позволительно, к прошениям сей молитвы прилагать другие соответственно текущим потребностям жизни, под условием однако ж памятования и исполнения заповедей, чтобы сколь далеки будем от заповедей, не были столь же далеки от ушей Божиих и прошения наши. Исполнение заповедей устрояет молитве нашей путь к небу, и главнейшая из них есть – не приступать к алтарю Господню, не помирившись наперед с братьями, с которыми случилось разладить и войти в неприятности (Мф.5,23). И как в самом деле, приступить к Богу мира без мира с братом, – к прощению долгов своих с удержанием братских? И как благоугоден будет Отцу гневающийся на брата?

Св. Киприан Карфагенский. Неудивительно, возлюбленнейшие братья, что такова молитва, преподанная

нам Богом, Который в Своем учении все наше моление выразил кратким, но спасительным словом. Давно уже это предсказано пророком Исаией; говоря о величии и любви Божией, он, исполненный Духа Святого, сказал: «Слово... совершая и сокращая правдою, как краткое слово сотворит Господь во всей вселенной» (Ис.10,23). Итак, когда пришел для всех Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, и, собирая ученых и неученых, излагал спасительные заповеди для всякого пола и возраста, тогда Он и заключил свои заповеди в сжатой речи, чтобы не затруднять памяти учащих в изучении небесного и чтобы скоро изучалось то, что необходимо для простой веры.

Не словами же только, но и делами учил нас Господь молиться: Сам Он часто воссылал к Богу моления и прошения, собственным примером показывая, что нам надлежит делать. В Писании говорится: «Но Он уходил в пустынные места и молился» (Лк.5,16). И опять: «взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк.6,12). Если молился Он – безгрешный, то не тем ли более должно молиться грешникам? Если Он, бодрствуя всю ночь, воссылал непрестанные моления, то не тем ли более надлежит бодрствовать ночью и нам в частом совершении молитвы? Господь молился и просил не за Себя, ибо чего же испрашивать для себя невинному? Он молился о грехах наших, как Сам поясняет это, говоря Петру: «се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк.22,31–32). Молился Он потом Отцу и за всех, говоря: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин.17,20–21). Велика благодать и любовь Господа в устройении нашего спасения! Не довольствуясь тем, что искупил нас Своей Кровью, Он еще и просил за нас! А прося, смотрите, какое Он имел желание: чтобы и мы пребывали в том самом единстве, в каком Отец и Сын едины суть. Отсюда можно уразуметь, как грешат те, которые уничтожают единство и мир, уничтожают то, о чем просил Господь, желавший, чтобы народ Его был спасен, живя в мире, так как Он знал, что вражда не входит в Царство Божие.

Когда мы стоим на молитве, то должны бодрствовать и прилежать к молению всем сердцем. Да удалится от нас всякое плотское и мирское помышление и дух да помышляет только о том, о чем просит. И священник, предпослав молитве предисловие, приготовляет к тому умы братьев, взывая: «К Небесам устремим сердца»; и народ в своем ответе: «они устремлены ко Господу» – получает напоминание, что ему ни о чем не должно помышлять, как только о Господе. Да будет сердце закрыто от противника; одному Богу будет оно открыто и да не допустит во время молитвы войти в себя врагу Божию! А он часто вторгается и проникает и ловким обманом отвлекает моления наши от Бога, заставляя одно иметь в сердце, а другое выражать голосом, между тем как Господу надобно молиться с искренним вниманием и умолять не звуком голоса, но сердцем и чувством. Что же это за небрежность – во время принесения молитвы Господу отчуждать себя и увлекаться нелепыми и скверными помыслами, как будто у тебя есть думать о чем важнейшем, нежели о том, что ты беседуешь с Богом? И как ты требуешь, чтобы Бог услышал тебя, когда ты сам себя не слышишь? Как хочешь, чтобы Бог во время твоего моления помнил о тебе, когда ты сам о себе не помнишь? Это значит вовсе не остерегаться врага. Это значит, молясь Богу, оскорблять величие Божие небрежностью в молитве. Это значит – бодрствовать глазами, а спать сердцем, между тем как христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит глазами. В Писании, в книге Песнь песней, так говорится от лица Церкви: «Я сплю, а сердце мое бодрствует» ([Песн.5,2](#)). Потому-то и апостол с такой заботливостью и осмотрительностью увещевает нас, говоря: «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней» ([Кол.4,2](#)). Этим он научает и показывает, что только те получают просимое от Бога, которых Бог видит бдительными в молитве.

При том молящиеся да не приходят к Богу с бесплодными и пустыми молениями. Недействительно то прошение, которое выражается в молитве, не сопровождаемой делом. Если всякое дерево, не приносящее плода, посекается и в огонь бросается, то, конечно, и слово, не имеющее плода, не может быть угодно

Богу, как лишенное всякого делания. Потому-то Священное Писание говорит в наставление наше: "Доброе дело – молитва с постом и милостынею» (Тов.12,8). Господь, Который в день суда имеет воздать награду за дела и милостыни, и ныне благосклонно выслушивает того, кто приходит с деланием. Так молился Корнилий сотник – и удостоился быть услышанным. Он подавал много милостыни народу и всегда молился Богу. Ему-то около девятого часа, во время молитвы, явился ангел и, свидетельствуя о его делании, сказал: «Корнилий!.. молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом» (Деян.10,3–4). Скоро восходят к Богу молитвы, которые ценными перед Ним делают дела наши... Подобное внушает и заповедует Господь через Исаию: "Разреши, – говорит, – оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: `вот Я!`» (Ис.58,6–9). Бог обещает предстать, говорит, что выслушает и защитит тех, которые, разрешая в сердце оковы неправды и по заповеди Его подавая милостыню домочадцам Божиим, заслуживают быть услышанными Богом, так как и сами они слушаются повелений Божиих. Блаженный апостол Павел, получив от братьев пособие в своей нужде, назвал учиненное ими доброе дело жертвой Богу. Исполнился, – говорит он, – «получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу» (Фил. 4,18).

Св. Кассиан. Итак, видите, какой образ молитвы предложен нам от Самого Судии, которого мы должны умолять оною. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здравии или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного и временного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благодати,

кто, презрев эти вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение.

Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена Самим Господом, по-видимому заключает в себе всю полноту совершенства; впрочем, ближайших своих она руководит к тому, прежде сказанному нами, возвышеннейшему состоянию, к той пламенной и весьма немногими дознанной и испытанной или, точнее сказать, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не может быть выражена ни звуками голоса, ни движениями уст и никаким сочетанием слов, но которую ум, озаренный блистанием Небесного света, произносит не человеческою слабою речью, но от избытка чувствований произвольно изливает из себя, как бы из некоего обильнейшего источника, и неизъяснимо воссылает к Господу. В это краткое время ум наш бывает исполнен таких ощущений, что и обратиться в самого себя не может ни изречь, ни обозреть оных.

Блаж. Августин. Надо поиметь во внимании и то, какое находится различие между этими семью прошениями. – Так как ныне проходит у нас временная жизнь и ожидается вечная, и так как вечное первейшее есть по достоинству, хотя к нему переходят по совершении наперед временных дел; то испрашиваемое в первых трех прошениях, хотя начало получает в этой жизни, в веке сем проводимой, но в совершение приходит в жизни будущей, где и будут пребывать в силе и совершенстве три сии. Там и имя Божие будет святиться непрестанно и царствию Его не будет конца, и воля Его явится во всем всецело действующею и исполняемою. Итак, эти три в полное совершение придут и в нераздельном союзе явятся в той жизни, которая нам обещается. – Прочие же четыре прошения принадлежат, мне кажется, к сей временной жизни. Первое из них есть – «хлеб наш насущный дай нам на сей день». Но тем самым, что хлеб сей назван здесь насущным – повседневным, – показывается, что он принадлежит к настоящему времени, которое означено словом: «день»,

разуметь ли под ним хлеб духовный – мысленный (слово Божие) или таинственный (тело и кровь Господа) или вещественный: не потому (так говорю), что духовная пища не вечна, но потому, что та духовная пища, которая названа повседневною – насущною, преподается душе в Писаниях, или членораздельною речью, или под какими-либо временными знаками: чего всего не будет тогда, когда все будут научаемы Богом (Ис.54,13; Ин.6,45), и неизреченный свет истины почерпать непосредственно чистым умом. И грехи здесь только прощаются нам, как и мы здесь же прощаем долги наши: там же не будет места прощению грехов. Равно искушениями наполнена лишь временная сия жизнь; тогда же, когда исполнится написанное: «Ты укрываешь их под покровом лица Твоего» (Пс.30,21), – их уже не будет более. Наконец и зло, от которого избавиться желаешь и самое избавление от него тоже принадлежит к сей же жизни.

Мне кажется, что семизначное число прошений имеет соотношение с семью дарами Св. Духа и с соответствующими им блаженствами.

Страх Божий есть то, при помощи чего делаются «нищие духом – блаженны.., ибо их есть Царство Небесное» (Мф.5:3); почему просим, «да святится имя Твое» в человеках, силою чистого "страха Божия, пребывающего в век века" (Пс.18,10).

Благочестие есть то, при помощи чего делаются «кроткие – блаженны.., ибо они наследуют землю» (Мф.5:3); почему молимся, «да придет царствие» Божие, или здесь – в нас самих, да укротимся и перестанем Ему противиться, или во втором славном пришествии Господа, которым возрадуемся и восхвалимся, когда Он скажет: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25,34). Ибо "Господом, – говорит пророк, – будет хвалиться душа моя, услышат кроткие и возвеселятся» (Пс.33,3).

Ведение есть то, при помощи чего делаются «плачущие – блаженны.., ибо они утешатся» (Мф.5:4); почему молимся, «да будет воля Божия, и на земле, как на небе»: ибо когда тело, как земля, во всем согласоваться будет с духом, как небом, тогда

не будем более плакать; потому что ничто в веке сем бывающее недостойно столько плача как то, что эти две части наши, – тело и дух, – воюют одна против другой, и вынуждают нас говорить: «в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего», и сетование наше о том таким плачевным выражать голосом: «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:23–24).

Крепость (сила мужества) есть то, чем "блаженны бывают алчущие и жаждующие правды, ибо они насытятся» (Мф.5:6); почему молимся, да будет подаваем нам «на сей день... хлеб наш насущный», чтобы, будучи им подкрепляемы и поддерживаемы, могли мы достигнуть полнейшего оногo насыщения.

Совет есть то, чем "блаженны бывают милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5:7); почему, прощая долги должникам нашим, молимся, да будут прощены и нам долги наши.

Разум есть то, при помощи чего делаются «чистые сердцем – блаженны.., ибо они Бога узрят» (Мф.5:8); почему молимся, да не будем введены в искушение, чтобы не иметь раздвоенного сердца, и единственного ища блага, к которому относили бы все, что ни делаем, не гоняясь и за земным и временным.

Премудрость есть то, чем бывают «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф.5:9); почему молимся, "да избавлены будем от лукавого»: ибо избавление это соделает нас свободными, т.е. сынами Божиими, чтобы в духе усыновления вопиять: «Авва Отче!» (Рим.8,15; Гал.4,6).

Не должно упускать из виду и того, что из всех прошений, с какими заповедал нам Господь обращаться к Богу в молитве, особенное судил Он остановить внимание на том, в котором испрашивается прощение грехов. Он хочет сделать нас милосердными, указывая в этом единственное средство самим получать милость и избавляться от своей главнейшей нужды (тяготы грехов). Почему ни одного прошения не возносим мы к Богу, так, как бы вступали с ним в условия и уговор, как в этом: ибо говорим: «прости нам... как и мы прощаем». Если оказываемся мы лживыми в этом уговоре, то и от всей молитвы

никакого не бывает плода. Ибо говорит Господь: «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6,14–15).

Какие бы другие слова ни говорили мы, которые обыкновенно молящийся или наперед подбирает для выражения своего молитвенного движения, или потом присоединяет для возвышения сего чувства, – ничего не можем мы сказать, что не содержалось бы в молитве Господней, если молимся правильно и как следует. Кто говорит, например: «как пред ними (народами) Ты явил святость Твою в нас, так пред нами яви величие Твое в них» (Сир.36,4), что другое говорит, как не «да святится имя Твое»? – Кто говорит: «Боже сил! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!» (Пс.79,8), что другое говорит, как не: «да придет царствие Твое»? – Кто говорит: «утверди стопы мои в слове Твоем и не дай овладеть мною никакому беззаконию» (Пс.118,133), что другое говорит, как не: «да будет воля Твоя; и на земле, как на Небе»? Кто говорит: «нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом» (Прит.30,8), что другое говорит, как не: «хлеб наш насущный дай нам на сей день»? – Кто говорит: «помяни Господи Давида и всю кротость его» (Пс.131,1), или: «Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире...» (Пс.7,4–5), что другое говорит, как не: «прости нам долги наша, как и мы прощаем должникам нашим»? – Кто говорит: «пожелания чрева и сладострастие да не овладеют мною, и не предай меня бесстыдной душе» (Сир.23,5), что другое говорит, как не: «и не введи нас во искушение»? Кто говорит: «избавь меня от врагов моих, Боже мой! защити меня от восстающих на меня» (Пс.58,2), что другое говорит, как не: «избави нас от лукавого»? – И если ты просмотришь все слова святых молитв, думаю, ничего не найдешь в них, что не содержалось бы в молитве Господней? Почему свободно тебе такими или другими словами одно и то же однако ж изрекать в молитве; но другое изрекать не должно быть у тебя свободы. –

Кто, например, говорит в молитве: Господи, умножь мое богатство, или дай мне его столько, сколько дал тому-то и тому-то; или увеличь почести мои и сделай меня в веке сем сильным и славным, или, что другое подобного рода, и говорит это, похотствуя таких вещей, как благ, прямо для себя, а не то имея в виду, чтобы помощью их принести по Богу благо людям; тот, думаю, не найдет в молитве Господней ничего, чем бы мог оправдать такие свои воздыхания. Почему да будет стыдно по крайней мере просить того, чего не стыдятся желать. Если же и это сознается стыдным, только не достаает сил победить такое пожелание, то что приличнее в таком случае, как не молиться об избавлении от злого сего похотения Тому, Которому говорим: «избави нас от лукавого»?

Имеешь таким образом верное указание, о чем должно тебе молиться, не от меня, но от Того, Кто благоволил всех нас научить тому. – Блаженной жизни надобно искать, испрашивая ее у Господа Бога. Что есть – быть блаженным, многими обдуманно и многообразно решено; но нам какая нужда идти к сим многим и за этим многим? В писании Божиим кратко, но совершенно определенно, сказано: «блажен народ, у которого Господь есть Бог» (Пс.143,15). Чтобы и нам быть среди этих людей и сподобиться жить с ними во веки, «цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1Тим.1,5). На этих трех добросовестное покоится упование. Итак, вера, надежда и любовь приводит к Богу молящегося, который, веруя, надеясь и желая, тому, чего просит у Господа, научается из молитвы Господней. Пост и воздержание от других плотских удовольствий, особенно же милостыня много помогает молитве.

Есть и еще нечто, о чем, может быть, родится у тебя вопрос, именно: почему апостол сказал: «ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим.8,26)? Ибо никак нельзя думать, чтобы он и те, к которым он писал это, не знали Господней молитвы. Почему он сказал так, и сказал надо полагать, не неразумно, и не ложно? Не почему другому, как потому, что прискорбности и треволения временные очень много для нас душеспасительны, то тем, что врачуют гордую

надменность, то тем, что испытывают терпение и дают ему упражнение, а ему испытанному и обученному опытом готовится славнейшая и богатейшая награда, то тем, что ими наказываются и очищаются грехи; мы же, не зная, какую именно приносят они пользу, молимся об избавлении от всякой прискорбности. Сего неведения апостол и себя не выставляет чуждым, как видно и из того, что, когда за премножество откровений да не превозносится, дано было ему жало в плоть, ангел сатаны, чтобы его удручать, он трижды молил Господа, чтобы удалил его от него, не зная, конечно, о чем молился, как должно. В ответ на то, почему не услышана молитва, когда молился такой муж, и почему не полезно было услышание, слышим: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор.12,7–9).

Так в этих прискорбностях, которые могут и пользу принести и вред, о чем помолимся, как должно, не знаем: и однако ж, так как они чувствительны и тяжелы, то, по общечеловеческой немощи, молимся, да взяты будут они от нас. Но при этом должны мы по крайней мере ту являть благопокорность Господу Богу нашему, чтобы, если он не возьмет их от нас, не думать, что презрена молитва наша, но более облекаться в благодушное терпение зол в ожидании больших за то благ: ибо таким образом сила Божия в немощи совершается. Некоторым впрочем нетерпеливым Господь Бог уступал то, о чем просили, в гневе, как напротив апостолу отказал в благоволении. Так читаем в книге Чисел (Чис.11), чего просили и как получили Израильяне, но когда насытилось похотение их, последовало тяжкое наказание нетерпеливости. Дал Он и царя просящим по сердцу их, а не по сердцу своему, как написано (1Цар. 8,5–7). Дал Он даже то, что диавол просил, для прославления испытанного раба своего (Иов.1:12–2:6). Услышал Он и нечистых духов, когда, по прошению их, послал в свиней целый их легион (Лк.8,32). Это написано, чтобы никто не считал себя за нечто великое, когда услышан бывает: потому что, может быть, испросил в нетерпеливости своей то, чего не испросить было бы гораздо полезнее; а если не будет услышан, чтобы не падал духом, и не отчаивался в Божиим к себе милосердии:

ибо, может быть, он испрашивал того, что получив подвергся бы горьким страданиям, или бы совсем разорился и сделался несчастным. Вот в каких случаях «ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно». Посему если случится что, противное прошениям нашим, терпеливо должно сносить то и обо всем благодарить, в том убеждении, что несомненно спасительнее для нас, да будет во всем воля Божия, а не наша. Ибо и такого рода пример преподавал нам Ходатай наш, когда сказал: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия», а потом волю свою человеческую воле Отчей подчиняя, прибавил: «впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26,39). Отсюда: «послушанием одного сделаются праведными многие» (Рим.5,19).

Кто того единого просит от Господа и того единого взыскивает (Пс.26,4), да будет все по воле Его, тот просит верного и безопасного блага, и нечего ему бояться, не повредило бы испрашиваемое, когда получено будет. Без сей воли не бывает пользы от того, что ни получил бы кто прилежную молитвою своею. В предании себя в волю Божию – единая истинная и блаженная жизнь. Имеющий его, что ни взыщет, получит: ибо уже не будет искать ничего, что не было бы угодно воле Божией.

Кто таков, над тем умножит милость свою Господь, и он «в тени крыл Его покой имеет, насытится от тука дома Его, и из потока сладост и Его напоен будет: ибо у Него источник жизни, и во свете Его узрим свет» (Пс.35, 8–10).

Примечания

¹ - *В Писании не 77, а 7x70. – Редакция «Азбуки Веры»